

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 9. № 4/2023

DISCOURSE
Volume 9. No. 4/2023

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2023

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгоцкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Юрьева А. В. Пространство детского мира: проблема трансформации	5
Астахова А. В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в.	20
Глебова С. В., Перова Н. В. Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент	29
Миронов В. А. Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий в 1990–1994 гг.	41

СОЦИОЛОГИЯ

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёйком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова	61
Шарахина Л. В. Неинституциональный подход как методологическая основа исследования феномена корпоративного гражданства	73
Ван Н., Леонтьева Э. О. Многообразие трактовок понятия «диаспора» в китайском языке и их влияние на социальную теорию и практику	86
Снегур М. Р. Репрезентация национальной идентичности в сети	99
Гонашвили А. С. К вопросу об отношении к спортивным практикам в православии	114

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Викторова Е. Ю. Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса)	127
Тихонова Е. С. Устойчивые словосочетания с украшающими эпитетами в Старшей Ливонской рифмованной хронике в свете исторической прагматики	139
Коломиец Н. А. Вариативность промежуточного языка во Фландрии	150
Петухова Т. И., Чупахина А. О. Репрезентация перцептивного события в интервью с художником	160
Алексеев Е. С. Положение немецкого языка в современной Германии: краткая характеристика языковой политики в ФРГ	176
Правила представления рукописей авторами	187

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Yurieva A. V. The Space of the Children's World: the Problem of Transformation	5
Astakhova A. V. Russian Cosmism in the Design of the Urban Environment of the Soviet Union in the 50–60s of the Twentieth Century	20
Glebova S. V., Perova N. V. Moral Agency Conditions: Moral Agent, Limited Moral Agent, Quasi-Moral Agent	29
Mironov V. A. Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies in 1990–1994	41

SOCIOLOGY

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 2 / Transl. by Mironov V. A.	61
Sharakhina L. V. Neoinstitutional Approach as a Methodology of Corporate Citizen-ship Phenomenon Analysis	73
Van N., Leonteva E. O. The Interpretation of “diaspora” in Chinese Language: its Diversity and Influence on Social Theory and Practice	86
Snegur M. R. Representation of National Identity on the Net	99
Gonashvili A. S. On the Question of the Attitude to Sports Practices in Orthodoxy	114

LINGUISTICS

Viktorova E. Yu. Pragmatic Syncretism in the Use of Hedges (Based on Russian Thesis Reviews)	127
Tikhonova E. S. Fixed Collocations with Epitheta Ornantia in the Livonian Rhymed Chronicle in Terms of Historical Pragmalinguistics	139
Kolomiets N. A. Variation of the Intermediate Language in Flanders	150
Petukhova T. I., Chupakhina A. O. Representation of a Perceptual Event in an Interview with an Artist	160
Alekseenko E. S. The Status of the German Language in Modern Germany: a Brief Description of the Language Policy in the Federal Republic of Germany	176

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19>

Пространство детского мира: проблема трансформации

Алла Васильевна Юрьева

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Введение. Пространство детского мира эволюционирует вместе с представлениями человека о самом себе, окружающем мире, с развитием научно-технического прогресса. Цель данного исследования – описание трансформации пространства детского мира, изменение социокультурного положения ребенка через обретение им личного физического пространства наравне с открытием его внутреннего психического мира. Актуальность определяется усложнением пространственных координат детского мира, связанных с цифровизацией детства. Научная новизна заключается в попытке систематизировать научные знания в описании пространства детского мира и дать им оценку с точки зрения современного социокультурного состояния.

Методология и источники. Методологической базой работы является культурфилософский анализ. В качестве философского осмысления проблемы пространства были использованы труды Г. Башляра, А. Лефевра, М. Фуко и других авторов. Культурологический и этнографический анализ феномена детства, проведенный в работах Ф. Арьеса, Ж. Дюби, М. Мид, К. Леви-Стросса, способствовали осмыслению пространства детского мира и проблеме его трансформации.

Результаты и обсуждение. Пространство детского мира связано с комбинацией различных социокультурных факторов, изменяющихся на протяжении исторического времени. Это пространство открывается в глазах взрослого с проявлением интереса к детским переживаниям, внутреннему психологическому устройству ребенка. Огромное значение в трансформации пространства детства происходит в момент обретения ребенком собственного «места» в доме. Традиционное расширение пространства детского мира (дом–улица–город–страна–мир) в современности обретает еще одно измерение – виртуальности.

Заключение. Эволюция социокультурного положения ребенка в обществе зависела от специфики представлений о правилах поведения, от общественных привычек, ритуальных практик. Долгое время пространство детского мира воспринималось как принципиально иное по отношению к пространству взрослого, выносилось за его рамки. Цифровизация детства предоставила миру новые опасности, связанные с рисками нахождения ребенка в неподконтрольных взрослому виртуальных пространствах.

Ключевые слова: пространство, детство, жизненное пространство, портретный жанр, цифровизация, виртуальность

© Юрьева А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Юрьева А. В. Пространство детского мира: проблема трансформации // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19.

Original paper

The Space of the Children's World: the Problem of Transformation

Alla V. Yurieva

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St Petersburg, Russia,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Introduction. The space of the children's world evolves together with a person's ideas about oneself, the world around them, the development of scientific and technological progress. The purpose of this study is to describe the transformation of the space of the child's world, the change in the socio-cultural position of the child through the acquisition of his / her personal physical space along with the discovery of his /her inner mental world. The relevance is determined by the complexity of the spatial coordinates of the children's world associated with the digitalization of childhood. Scientific novelty consists in an attempt to systematize scientific knowledge in the description of the space of the children's world and to evaluate them from the point of view of the modern socio-cultural state.

Methodology and sources. The methodological basis of the work is a cultural philosophical analysis. The works of G. Bachelard, A. Lefebvre, M. Foucault and other authors were used as a philosophical understanding of the problem of space. Cultural and ethnographic analysis of the phenomenon of childhood, carried out in the works of F. Aries, J. Duby, M. Mead, K. Levi-Strauss, contributed to the understanding of the space of the children's world and the problem of its transformation.

Results and discussion. The space of the children's world is associated with a combination of various socio-cultural factors that change throughout historical time. The space of the children's world opens up in the eyes of an adult with the manifestation of interest in children's experiences, the inner psychological structure of the child. Great importance in the transformation of the childhood space occurs at the moment when the child finds his / her own "place" in the house. The traditional expansion of the space of the children's world (house-street-city-country-world) in modern times acquires another dimension – virtuality.

Conclusion. The evolution of the socio-cultural position of the child in society depended on the specifics of ideas about the rules of behavior, social habits, ritual practices. For a long time, the space of the children's world was perceived as fundamentally different from the space of an adult, carried beyond its limits. The digitalization of childhood has provided the world with new dangers associated with the risks of finding a child in virtual spaces beyond the control of an adult.

Keywords: space, childhood, living space, portrait genre, digitalization, virtuality

For citation: Yurieva, A.V. (2023), "The Space of the Children's World: the Problem of Transformation", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-5-19 (Russia).

Введение. Каждое историческое время рождало свой образ человека и, соответственно, под его влиянием появлялся образ детства. Воссоздавая его, различные сферы гуманитарного знания: от философского, религиозного до этнографического и искусствоведческого – внесли большой вклад в его осмысление. Можно сказать, что проблема детства в современном научном дискурсе остается междисциплинарной.

Пространственная среда любого человека, и ребенка в частности, является местом повседневных социальных практик и выполняет функцию пространственного обрамления жизни. Некорректно наделять ее коннотацией незначительного фона, на котором разворачивается весь спектр бытования человека. Напротив, многие исследователи проблемы пространства склоняются к тому, что пространственная среда задает определенные ритмы человеческой деятельности, приносит упорядоченность.

Как уже было отмечено, феномен детства в разные исторические эпохи рассматривался неодинаково. В истории культуры мы находим примеры, указывающие на полное игнорирование не только культурной, но и биологической значимости ребенка, или же возведение в культ и переход к социальному детоцентризму.

Целью работы является описание процесса трансформации пространства детского мира, изменение социокультурного положения ребенка через обретение им личного физического пространства наравне с открытием его внутреннего психического мира.

Актуальность определяется усложнением пространственных координат детского мира, связанных с цифровизацией мира ребенка.

Научная новизна заключается в попытке систематизировать научные знания в описании пространства детского мира и дать им оценку с точки зрения современного социокультурного состояния, а также дополнить имеющиеся исследования данного проблемного поля анализом специфики положения ребенка в новом виртуальном пространстве современного цифрового общества.

Методология и источники. Представленные в работе выводы основаны на культурфилософском анализе исследовательской литературы, примерах из истории живописи, некоторых воспоминаниях о детстве, опубликованных в специальной литературе.

Результаты и обсуждение. Понимание пространства в истории науки носит глубокий системный характер, так как этот сложный вопрос укоренен в структуре бытия. В философском смысле пространство – это форма взаимодействия человека с материальным миром, а переживание пространства связано с силой воздействия его элементов, которые формируют границы и формы восприятия. В данной работе рассматривается пространства детского мира, которое понимается как некоторый объем внешнего и внутреннего содержания, присущий ребенку. В некотором смысле этот объем известен всем (дом–семья–друзья–улица–город–мир и т. д.), но раскрытие этого объема в истории человечества осуществлялось постепенно.

Взаимоотношения между родителями и детьми, между детьми и детьми, развитие конфликтных ситуаций и разрешение межличностных проблем занимают важное место в жизни каждого человека в любую историческую эпоху [1]. При этом необходимо учитывать, что характер поведения людей прошедших столетий определяется своими ритуалами и представлениями о правилах поведения, общественных привычках, которыми люди руководствовались в реальной жизни [2]. Большой вклад в эволюцию представлений о феномене детства внес Ф. Арьес в работе «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [3]. Однако книга Ф. Арьеса имела большой резонанс в научной среде и неоднократно подвергалась критике. Стоит отметить ряд претензий к данной работе. Во-первых, Ф. Арьеса упрекали в специфическом отборе источников для анализа проблемы детства (от слабой репрезентативности визуального и литературного материала до отбора данных, характеризующих в

основном высшие слои населения). Во-вторых, эмоциональные семейные связи, описываемые французским исследователем, имеют яркий контраст по сравнению с современным положением дел, что, по мнению некоторых ученых, некорректно. Безусловно, отношение к ребенку претерпевает существенное изменение благодаря социокультурному ландшафту эпохи, но утверждать наличие повсеместной эмоциональной бедности в семье прошедших времен не представляется возможным.

Коллеги Ф. Арьеса, с которыми он разрабатывал «Историю частной жизни...» в пяти томах, продолжили и реализовали изучение феномена повседневности в культуре, в том числе занимались феноменом детства в рамках этого проекта. Отметим лишь базовые пункты преломления этой проблемы, которые имеют существенное значение для понимания трансформации пространства детства.

Античность воспринимала появление ребенка на свет как начало его физического существования и основу его телесного существа. Однако младенец в Римской империи должен был быть признан отцом (акт поднятия над землей), т. е. его физическое рождение еще не означало рождения социального. Если отец ребенка не признавал, т. е. сомневался в акте своего отцовства, либо отсутствовал и оставлял право распоряжаться ребенком своей жене, то его могли подбросить в другую семью или просто выбросить. Для современного человека подобные методы обращения с новорожденным звучат кощунственно.

Ребенком в благородных семьях империи занимались наставники, которые восполняли не только его необходимые физиологические потребности, но и занимались воспитанием, вводя в социокультурное пространство эпохи. Приведем любопытное замечание по этому поводу: «Один римский преподаватель описывает процесс воспитания с другой стороны; он говорит об особой строгости как необходимом условии своей профессии... По его мнению, ребенок, которому позволяют расти в доме родителей, получает от своего окружения лишь уроки “малодушия”: его детские одежды так же роскошны, как у взрослых; так же, как и взрослые, он выезжает в город в креслах-носилках; его детские дерзкие высказывания приводят родителей в восторг; он слушает во время обедов скабрёзные шутки и пошлые песенки; он видит в доме любовниц и любовников» [4, с. 30]. Мы видим, что ребенок и взрослый онтологически, а следовательно и этически не могут быть равноценны. Детство – это должно быть что-то принципиально иное, выносимое за рамки взрослого мира, пространственно детство четко очерчено. Ребенок физически слаб, интеллектуально несовершенно, крайне зависим от взрослого, что закономерно порождает колоссальную дистанцию между родителями и детьми. Здесь выстраивается бинарная оппозиция детство–взрослость, где последняя понимается как доминирующая.

Сама природа детства рассматривается через необходимость воздействия на него посредством воспитания и наставничества. Особенностью данного исторического периода является тот факт, что ребенка растили для расширения возможностей династии, увеличения ее роли в социокультурном пространстве. «Любовь не обременяли лишние сантименты. Потеряв ребенка, можно было совершенно обоснованно плакать на руинах семейных надежд» [4, с. 31], – подобные коннотации понимались как норма.

Появление христианства навсегда изменило отношение к ребенку, отбросив античные абортивные практики, оставление детей без заботы родителей и пр. Никто не утверждает,

что человечество навсегда искоренило кощунственное обращение с детьми, но то, что отношение к ребенку обрело иную форму, можно сказать с уверенностью. Новым в христианской парадигме понимания детства становится сакрализация самого факта рождения ребенка посредством одного из чудес христианского мира – Рождества Христа. В связи с этим новый смысл появляется в оппозиции взрослый–ребенок, где доминантное положение первого претерпевает существенные изменения.

Смысл рождения и воспитания ребенка развивается в русле христианской проблематики через веру, догматы о первородной греховности человека, значимость послушания. Из этих постулатов исходит повышенная требовательность со стороны родителей в отношении детей, ответственность взрослых за грехи ребенка и наоборот. В христианской этике детство воспринимается не только как период начала человеческой жизни, но и как возможность исправить греховность человеческой сущности по мере взросления. Ребенок – объект религиозной проповеди, а сама вера регулирует взаимоотношения между взрослыми и детьми. Но детство все еще максимально вторично по отношению к взрослому миру.

В различных исследованиях мы видим, что радикальное изменение отношения к проблематике детства в Европе происходит именно в эпоху Реформации и Возрождения. Как пишет исследователь: «Эта эволюция совпадает с распадом больших семей, с появлением своего угла у “домашних” рыцарей, с роспуском объединений каноников, каждый из которых поселялся в отдельной постройке во внутренней части монастыря, с увеличением числа браков младших детей из аристократических семей. Подобное движение способствовало скорее индивидуализации семей, а не личности, которая далеко не сразу обрела свободу» [5, с. 617].

Здесь впервые мы можем говорить о появлении интимного, скрытого от посторонних глаз пространства, появляющегося в домашних помещениях. Первым его отвоевал себе глава семьи, но в будущем отвоеует и ребенок. «Забота об интимности, о внутренней атмосфере, скрывающейся за семейным фасадом, прослеживается в распределении комнат между членами семьи, от которого больше всего выигрывает хозяин дома, потому что ему достается свой *studiolo* (кабинет), это единственное место, где деловой человек, отец семейства, гуманист позволяет себе освободиться от управления домом и побыть наедине с собой» [5, с. 645]. В этом контексте стоит упомянуть анализ пространства А. Лефевра в его известной работе «Производство пространства», где он говорит о понятии идеального пространства, которое включает в себя различные формы социальных установок [6]. Следуя за автором, можно сказать, что пространство не может оставаться нейтральным, тем более в рамках семейного круга, оно устанавливает статусные различия, определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления. Оно является механизмом, через который достигается распределение и циркуляция тел, осмысливает и определяет социальные отношения.

В XVII в. устанавливается более гуманное, морально-правовое отношение к детям. Но ребенок, так или иначе, воспринимается как не самодостаточный субъект, ни интеллектуально, ни физически не равный взрослому, не свободный, не вполне разумный. Поэтому в основе взаимодействия между взрослым и ребенком традиционно лежит воспитание. Французские просветители XVIII в. (Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеций) внесли огромный вклад в осмысление проблемы детства, которая стала выходить за религиозные или бытовые рамки,

обретая статус пристального философского наблюдения. Этот процесс привел к обоснованию принципов воспитания и выявлению факторов, определяющих сам воспитательный процесс.

Если обратиться к проблематизации детства в XIX в., то любопытным будет взгляд на российский менталитет. Можно ли сказать, что существует значительная разница между западноевропейским отношением к ребенку и российским в конкретный исторический период? Скорее всего, так утверждать нельзя, ведь в большинстве своем на российскую почву благодатно падали зерна европейского просветительства и прорастали уже на национальной основе. Безусловно, колоссальная разница быта и воспитания детей существовала благодаря социальным факторам. Крестьянские дети в XIX в. в 3–4 года были предоставлены сами себе, гуляли, когда хотели и где хотели, делали, что им вздумается. Они всему учились – и хорошему, и плохому – на примере родителей, окружающих, сверстников, во всем подражали им. Приобщение их к трудовой деятельности занимало особое место в процессе социализации, и оно носило гендерно-возрастной характер. Религиозно-нравственное воспитание неразрывно было связано с трудовым.

Наряду с религией в формировании внутреннего мира ребенка огромную роль играли сказки и поверья, которые обычно рассказывали старшие в длинные зимние вечера. В сказке создавалась своего рода модель мироздания и расширение ментального пространства ребенка. Это развивало воображение и фантазию, умение выходить за пределы реально существующего, способствовало развитию навыков свободно мыслить, сопоставлять причины и следствия.

В семьях высшего сословия положение детей и отношение к ним обновилось. Наряду с традиционными воспитательными элементами религиозного и культурно просветительского характера добавилось уважение к личности ребенка. Ярким примером тому служит открытие Императорского лицея в Царском селе в начале XIX в., где царил дух строгости, всестороннего развития ребенка и внимательного отношения к его человеческому достоинству. Только на таких основаниях можно было взрастить достойного гражданина Российской империи. Это учебное заведение, естественно, было уделом немногих, большинство детей получало домашнее образование, которое подкреплялось растущими объемами издаваемой детской литературы.

В частной жизни дворянских детей очевидно сокращение дистанции между взрослым и ребенком, смягчение сурового нрава воспитания, появление личного пространства в семейном жилище. Ребенок, обретая собственное укромное место в доме, скрываясь от посторонних глаз, в то же время расширяет мир своего внутреннего пространства благодаря чтению. Поэтому книга, наравне с игрушками, становится одним из самых поощрительных подарков. Вспомнив работу Н. Постмана «Исчезновение детства» [7], отметим, что после изобретения печатного станка детям пришлось «зарабатывать» взрослость, изучая грамоту и расширяя горизонты своего познания.

В XX в. ребенок из отстраненного объекта наблюдения взрослым превращается в экзистенциальный субъект, чей опыт раскрывается как безусловная культурная значимость. Этому способствовали не только описание личностного опыта и его рефлексия, но и вся мощь научного интереса этого периода. Мир взрослого становится в равную оппозицию к

миру ребенка. Современная культура придает фигуре ребенка и заботе о детстве центральное положение. Можно сказать, что имеет место культ детства, или детоцентризм.

Переходя непосредственно к анализу пространства детского мира, стоит отметить, что изучение этого вопроса доступно в нескольких направлениях: воспоминания самих взрослых о раннем периоде жизни, изучение литературных текстов, кинематографических хроник, антропологических заметок, живописных произведений и др. Остановимся подробнее на мировой живописи. Существенным моментом в подобном анализе является изображение ребенка, способы его художественной индивидуализации и типизации.

Вплоть до XIII в. художники не пытались писать реальных детей, изображения больше напоминали уменьшенные копии взрослых, от которых фигура ребенка отличалась лишь ростом и силой. Они были частью религиозно-аллегорических сюжетов. Маленькие дети сначала в виде ангелов, а затем просто как земные шалуны шумной толпой вошли в искусство Возрождения. Иногда они служили для более подробной характеристики события, для создания настроения, проявляя всевозможные оттенки радости, или же создавали контраст основному сюжету. Их часто можно встретить на картинах Тициана, Веронезе под именем «путти». Каждый крупный художник создавал свой тип путти, отразив в нем какие-то стороны своего мироощущения.

Принципиальное изменение в отношении к индивидуальности ребенка можно заметить с появлением детского портрета. В XV в. Доменико Гирландайо создает двойной портрет старика с внуком. Это прекрасный образец портрета эпохи Возрождения, мода на которые была особенно распространена во Флоренции. С удивительной точностью художник изображает беспощадный ход времени, оставляющий неизгладимые следы на теле человека, в то же время мы видим нежность родственных отношений. Ребенок находится в полностью зависимом от взрослого положении, его взгляд снизу и желание по сильнее прижаться к телу старика говорит нам о тесной связи между ними. Пространство ребенка – это пространство рядом со взрослыми.

Большое место занимают изображения детей и в парадных групповых портретах. Так, на работах Веласкеса видно, как строгий этикет испанского двора лишал детей королевской семьи свойственных их возрасту радостей. Воспитание сводилось к подчинению условностям. На полотне «Менины» изображен кусочек интимной жизни королевской семьи. Здесь мы видим, что пространство ребенка никогда не будет пустым, он всегда находится в окружении других (прислуги, нянек, родных) и вписан в богатый интерьер жилища.

В середине XVII в. дети «выходят» на улицу. Природные ландшафты – естественный фон их жизни. Само пространство земли можно понимать как точное символическое описание вольного духа детства. Хусепе де Рибера главным героем картины «Хромоножка» делает нищего оборванного мальчика, но с абсолютно счастливой улыбкой на лице. Открытый взгляд и невинный беззубый рот ребенка словно освещают эту композицию и придают картине общечеловеческое значение.

Главные герои художника Франса Хальса – самые бедные жители городов Голландии. На его полотнах много детей, большая часть жизни которых проходила на улице. Художник относится к ним с большой симпатией, понимает их внутренний мир и убедительно раскрывает его перед нами. Пространство вокруг этих детей (улица, двор) – это, скорее, пространство

социального мира бедноты, все тяготы которого переносят эти юные создания. Но и здесь их лица освещены улыбкой, как наивной маской, закрывающей их от трудностей взрослого мира.

Невозможно обойти вниманием полотно Рубенса «Голова ребенка» (1618). Как считают, на картине изображена Клара Серена, первый ребенок Рубенса, которая умерла в 1623 г. в двенадцатилетнем возрасте. Смерть ее стала большим ударом для художника, очень любившего всех своих детей. Глядя на этот портрет, невозможно поверить в дату его создания, настолько эмоционально он написан. Через это полотно проглядывает любовь – единственное чувство, при котором ребенок чувствует себя в безопасности и умиротворении. Художник пишет не ребенка в пространстве, а пространство, заполненное ребенком и своей любовью к нему.

Интерес к показу внутреннего мира детей возникает во второй половине XVIII столетия в русской живописи, когда формируется взгляд на воспитание как на подготовку будущего человека к полезной деятельности (Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский). В первые десятилетия XIX в. русская живопись обогатилась новыми жанровыми мотивами: крестьянские дети нередко становятся таким же объектом художнического интереса, как и дети высших сословий (А. Г. Венецианов). В это же время в русском искусстве получает признание и существование особый, специфический внутренний мир ребенка. Живописцы проявляют по-настоящему сильный интерес к детской психологии. Например, портрет мальчика Челищева (1890) О. А. Кипренского – это образец истинно детского портрета, так как в нем впервые в русском искусстве проявляется интерес к особенностям мировосприятия детей.

Можно сказать, что расширение внешнего пространства для ребенка с точки зрения взрослого начинается с открытия его внутреннего мира. Раскрытию этой темы способствовал распространенный живописный сюжет – дети и книга. Этот бесценный источник детских познаний расширял пространство детского мира, создавая виртуальные миры посредством читательской фантазии.

Одухотворение окружающих человека вещей стало важной частью международного художественного процесса демократизации бытового жанра. Пространство выступает здесь в роли главной стихии, к лирическому переживанию которой готовят нас десятки мелких мотивов. Дом выступает важным фактором в жизни человека, одной из главных культурных универсалий, присущих любой исторической эпохе. Противопоставленный внешнему миру дом отделяет от него внутреннее пространство семьи, в котором каждый из ее членов чувствует себя защищенным. Особую роль дом играет в жизни ребенка, выступая местом его воспитания, первичной социализации, формирования первых осознанных представлений об окружающем мире и своем месте в нем. Родной дом – это экзистенциальное пространство, где человек впервые начинает осознавать свое «я», где закладываются основы его личности.

Вспоминая М. Фуко и его теорию гетеротопий, можно сказать, что пространство семейного очага становится для человека таким гетеротопическим местом [8]. С одной стороны, символически нагруженным дисциплинарным пространством, но с другой – местом покоя и заботы. И в действительности такие пространства в меньшей степени стоит рассматривать как конкретное местоположение индивида, ведь они предполагают очень непростую и разветвленную систему социальных отношений. Заметим, что осмысление пространства детства должно находиться в центре описания экзистенциальных вопросов по причине того,

что ребенок зачастую пребывает в сложных пространственных оппозициях. Его положение бывает дихотомично, разделено на «дозволенное/запрещенное», «приятное/неприятное», «близкое/далекое» и т. д.

Личное пространство в доме дети завоевывают в XIX в. Среди многочисленных комнат, чаще на антресольных этажах барских домов, появляются детские, заполненные книгами, игрушками, любимыми предметами: «...представьте себе теперь комнату Наденьки, комнату маленькую с двух окошечек с белыми занавесками. В углу несколько кукол подле лексиконов; у стенки столик с тетрадками и маленьким альбомом. Рядом ширмы и зеркало, а за ширмами и кровать... На креслах сидела Наденька и задумчиво перебирала иссохшие цветы, высушенные ею в “Русской грамматике” Греча» [9, с. 21].

Заметим, что «комнатный» жанр обрел беспрецедентный в русском искусстве психологизм и историчность в работах передвижников (К. Маковский, И. Репин, В. Серов). В них мы видим дом как хранилище фамильных традиций и духовного наследия предков, именно этим проникнута атмосфера, которая окружает детей. Интерьерная живопись – это воссоздание того пространства, в котором рождались, росли, старели поколения его обитателей. Ребенок присваивает себе любое пространство, обживает его, делает своим. Обычные предметы, окружающие его в природе и дома, камешки, табуретки, лоскутки, все, что попадает в поле его зрения, благодаря безграничной фантазии волшебным образом меняет свои игровые предназначения, расширяет его игровое пространство.

В дворянских усадебных домах обстановка была непринхотлива, приближалась к природной естественности. В быту, лишенном излишеств, ребенок жил, неограниченный в своей внутренней свободе, в гармонии с окружающим миром, который простирался за пределами родительского дома. Можно сказать, что пространство дома, рядом с родителями – это и есть вселенная ребенка, масштабы которой для него пока неведомы, но постепенно он ее увеличивает, моделирует вместе со взрослым.

В интерьере человек как бы препоручает свои обязанности героя самому пространству и наполняющим его предметам, а сам либо скрывается вообще, либо ступешивается среди одушевленных «неодушевленностей». В этом смысле прекрасной иллюстрацией служит работа К. Сомова «В детской» (1898), где главным персонажем выступает личное пространство ребенка, пока еще остро зависящего от взрослого наставничества. Образ дома, в котором человек провел детство, как правило, является для него притягательной ценностно-значимой доминантой. В нем находят свое отражение архетипические функции. В большинстве своем детские образы домашнего мира имеют позитивный характер, формируя соответствующие стереотипы, определяющие последующее поведение человека.

В XX в. тема детского пространства имеет колоссальный объем научной рефлексии: от психоанализа, антропологии, социологии до философски осмысленного влияния компьютерного мира на сознание ребенка. В живописи, литературе, кинематографе, музыке, во всех проявлениях культуры мы можем найти интерпретации на тему «Ребенок и детство (школа, мать, семья, политика, праздник, театр) – что угодно), что в полной мере раскрывает огромное пространство бытования маленького человека. Ребенок в XX в. стал предметом пристального интереса взрослого, его разгадки и объяснения самого себя. Можно сказать, что в этот период сложилась особая детская цивилизация, основанная на уважении к личности

ребенка, совершенствовании методов его развития, удовлетворении потребностей. И, как результат, все это породило целую индустрию, готовую в любой момент оказать услуги тревожащимся родителям.

Дом – первое интимное место для ребенка, а также пространство повседневных практик, опосредованно влияющее на мировосприятие. Любое детское воспоминание подвергается множеству искажений, поэтому создается мифологический образ дома детства, который и воспроизводит сознание. Большое внимание этому вопросу было уделено в работе Г. Башляра «Поэтика пространства». Автор высказывает мысль о возможностях человека наполнять воспоминаниями место, которое он понимает как «дом», и в дальнейшем воспроизводить их в иных помещениях. Он полагал, что обитаемое пространство человека может быть обширнее, чем географическое за счет памяти, в которую включен широкий спектр ассоциаций и впечатлений. Он пишет: «Когда в новом доме нам вспоминается прежнее жилье, мы попадаем в страну Незыблемого Детства – застывшего, будто край Незапамятного. Это переживание фиксаций – фиксаций блаженства. Переживая в воспоминаниях чувство защищенности, мы успокаиваемся. Укрытие должно оберегать воспоминания, сохраняя их образную ценность. Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той тональности, что присуща воспоминаниям о доме, к которым мы присоединяем ценности воображения. Не становясь историками в полном смысле, мы всегда остаемся немного поэтами, и наши эмоции, быть может, – всего лишь отражение утраченной поэзии» [10, с. 28]. Можно сказать, что автор рассуждает о соотношении реального и воображаемого пространства, где на фоне естественного ландшафта формируется внутренний ландшафт воспоминаний.

В подтверждение этих рассуждений французского мыслителя, стоит вспомнить идеи Р. Арнхейма [11], который когда-то полагал, что специфика восприятия пространства заключается не в пассивном созерцании, но в живом креативном процессе. В каждом моменте созерцания мы тщательно исследуем объект, анализируем значимые характеристики, соотносим со своим информационным опытом и составляем единый зрительный образ.

Пространство детства также формируется через ощущения. Особенно ярко в детских воспоминаниях присутствуют запахи, звуки, визуальные образы той среды, в которой проходило детство. Это тот своего рода идеальный образ, который человек на протяжении всей своей жизни пытается воплотить в реальность. Кризис пространственных представлений в детском сознании возникает при экстремальной ситуации, такой как, например, конфликт родителей или война. Тогда образ дома утрачивает сущностный смысл места, обеспечивающего стабильное существование и безопасность. Война, бесспорно, оказывает мощное влияние на мир детства, что проявляется, в первую очередь, в резком сужении его границ, в расширении круга обязанностей, которые возлагались на детей. Но в то же время война совершенно по-особому ими воспринимается. Девочки уходили в мир игры, открещиваясь от войны, а мальчики создавали игровые ситуации, в которых война «переигрывалась», и это открывало перед ними большие адаптационные возможности [12].

После дома и двора первой в освоении детьми окружающего пространства является улица, на которой они проживают и совершают маршруты ежедневных прогулок. Интересно восприятие близкого и далекого расстояния, «своего» и «чужого» пространства, где «своя» территория воспринимается близкой, а что-то новое, чужое – далеким. Являясь уни-

версальными бинарными оппозициями, «свое»–«чужое» имеют статус определяющих категорий человеческого сознания. Такие понятия связаны между собой и образуют своего рода «модель мира», при помощи которой мы воспринимаем окружающую действительность [13]. Можно сказать, что ребенок существует в таком пространстве, которое наполнено постоянным информационным потоком. Этот коммуникативный мир создан из множества слоев и подтекстов, он опирается на историческое основание, на отсылки и цитаты.

Сегодня, в XXI в. приходится говорить о глобальной трансформации отношений ребенка в предметном и социальном мирах, важнейшим фактором которой является цифровизация и ее последствия для безопасного пространства детства. «Они – дома в этом времени. Спутники привычны в их небесах. Они никогда не знали времени, когда война не грозила бы уничтожением. Используя компьютер не антропоморфизируют будущее, они знают, что они сами – запрограммированные человеческие существа» [14, с. 21], – это слова известного американского этнографа М. Мид. Как известно, она ввела разграничение между культурами трех типов: «постфигуративные» (традиционного склада, где молодежь полностью заимствует опыт старших), «кофигуративные» (где приходится учиться и детям, и взрослым), «префигуративные» (где в силу скорости общественного развития взрослые вынуждены учиться у детей). Соответственно, в нынешнее время любой ребенок с легкостью осваивает современные средства связи, что с трудом дается его бабушкам и дедушкам, которые в их освоении просят помощи у внуков.

Однозначно, что по мере усложнения и обогащения культуры объем передаваемых из поколения в поколение знаний, умений и навыков увеличивается, а сами формы их передачи дифференцируются и специализируются. Хочется напомнить слова Х. Ортега-и-Гассета, который рассуждал о значении техники в жизни человека: «Чистый феномен мироздания – техника – рождается исключительно из драматической, удивительной, метафизической комбинации, когда два разнородных начала – человек и мир – обречены соединиться так, что одно из них (человек) получает возможность вместить свое сверхмировое бытие в другое, то есть в сам мир. Эта задача, почти инженерного плана, и есть человеческий удел» [15, с. 170]. Автор видит неразделимую, естественную связь человека и его изобретений, рожденную из потребностей и желаний, имеющую метафизическое значение.

Говоря о ребенке как потребителе и соучастнике взрослого техногенного мира, надо отметить, что в совокупности с большими объемами потребляемой им информации он попадает в ситуацию повышенного стресса. Но так как сами взрослые могут назвать себя экспериментальным цифровым поколением, то они вряд ли могут корректно оценить последствия влияния технологий на развитие детей. Безусловно, современные исследователи активно взялись за дело, и существует достаточное количество работ, посвященных изучению цифровизации детства. Но все же это предварительные данные, связанные, скорее, с прогнозами, а не с результатами воздействия на личность виртуального мира целого поколения. Многими исследователями отмечается и положительное влияние цифрового пространства на детей. К числу таких преимуществ относятся образовательные практики, такие как приложения, предлагающие детям игры, улучшающие когнитивные навыки. Однако все эти преимущества возможны при сознательном использовании технологий и под контролем взрослого. С другой стороны, следует иметь в виду, что избыток визуальных раздражителей

приводит к рассеиванию внимания. Также дети могут легко подвергнуться воздействию вредоносного контента во время просмотра онлайн – особенно если они остаются без присмотра, без принятия надлежащих мер. Наиболее проблемные моменты современного пространства детства связаны с тем, что «активное сворачивание социальных контактов ребенка, уменьшение возможностей реального взаимодействия и общения, подмена их цифровыми технологиями приводит к когнитивному индивидуализму, а затем и к моральному, а не только к познавательному естественно-возрастному эгоцентризму – неспособности ребенка к децентрации, чтобы увидеть проблему, ситуацию с точки зрения других людей, объективно» [16, с. 33].

Современный ребенок, как и взрослый, находится на границе двух пространств – реального и виртуального, вопрос заключается в том, насколько для ребенка доступно осмысленное и легкое переключение между ними. Поэтому, вспоминая А. Бергсона, можно сказать, что «всякая видимость должна рассматриваться как реальность, поскольку не доказано, что она иллюзия» [17, с. 30]. Безусловно, не стоит бесконтрольно оставлять ребенка наедине с любым из его пространств (образовательным, игровым), при этом не вытесняя его потребности побыть наедине с самим собой.

Заключение. Подводя итоги, констатируем, что общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства [18], феномена, имеющего исторически разное социальное и культурное содержание [19]. А «сравнительно-историческое изучение социализации детей не дает универсальных рецептов воспитания, но как нельзя лучше стимулирует социально-педагогическую рефлексию, помогающую нам преодолевать наивный провинциализм и эгоцентричность собственного “здесь и сейчас”» [20, с. 5].

Проанализировав трансформацию пространства детства, можно сделать следующие выводы:

– Во-первых, эволюция социокультурного положения ребенка в обществе зависела от специфики представлений о правилах поведения, от общественных привычек, ритуальных практик.

– Во-вторых, долгое время пространство детского мира воспринималось как принципиально иное по отношению к пространству взрослого, выносимое за его рамки. Бинарное положение «взрослый–ребенок» имело непреодолимую дистанцию, сокращаемую только в результате взросления и благодаря воспитанию.

– В-третьих, пространство детского мира открывается в глазах взрослого с проявлением интереса к детским переживаниям, внутреннему психологическому устройству ребенка. Это отчетливо видно при анализе портретной живописи XVIII–XIX вв.

– В-четвертых, огромное значение в трансформации пространства детства имеет момент обретения ребенком собственного «места» в доме, как возможности побыть наедине с собой, открыть пространство внутреннего мира через игру или книгу.

– В-пятых, представление о пространстве как онтологической характеристике человека претерпевает существенные изменения в кризисные моменты бытия (например, в период войны).

– В-шестых, традиционное расширение пространства детского мира (дом–улица–город–страна–мир) в современности обретает еще одно измерение – виртуального пространства.

Все сложности и опасности этого нового для ребенка мира достаточно четко осознаются взрослыми, но с уверенностью можно сказать: как и любое другое пространство детства, оно должно иметь корректную регуляцию со стороны взрослого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамычева Д. И. Философско-культурологическая аналитика детства. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А. П. Чехова, 2013.
2. Философско-культурологические исследования детства: сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. В. Никифоровой. Таганрог: Ступин А. Н., 2013.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
4. История частной жизни. От Римской империи до начала второго тысячелетия / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби; в 5 т. Т. 1 / пер. с фр. Т. Пятницыной, Г. Беляевой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
5. История частной жизни. Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби; в 5 т. Т. 2 / пер. с фр. Е. Решетниковой, П. Каштанова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
6. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
7. Postman N. The disappearance of childhood. NY: Delacorte press, 1982.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994.
9. Два века русского детства. Портреты, бытовые сцены, костюм, мебель, рисунки, учебные тетради, письма, книги, игрушки: XVIII – начало XX века / авт.-сост. Е.-Ф. В. Васютинская. М: Индрик, 2006.
10. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства / пер. с фр. Н. В. Кисловой, Г. В. Волковой, М. Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004.
11. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. Г. Е. Крейдлина. М.: Прометей, 1994.
12. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина и др. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.
13. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
14. Дети и культура / Б. Сорочкин, Е. Савицкая, А. Вартанов и др. М.: КомКнига, 2007.
15. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп.; под общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997.
16. Пую Ю. В. Цифровизация воспитания как угроза безопасному развитию детства // Философия образования и проблемные пространства детства: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. С. 30–38.
17. Коняев С. Н. Реальная виртуальность: границы наблюдателя в информационных пространствах искусственно созданных миров // Концепции виртуальных миров и научное познание. СПб.: РХГИ, 2000. С. 30–55.
18. Matthews G. The philosophy of childhood. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1996.
19. Kennedy D. Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood. NY: The Edwin Mellen Press Lewiston, 2006.
20. Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.

Информация об авторе.

Юрѳева Алла Васильевна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Б. Морская ул., д. 18, Санкт-Петербург, 181186, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия архитектуры, семиотика культуры, пространство и время в философии и архитектуре.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.01.2023; принята после рецензирования 30.03.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Mamychева, D.I. (2013), *Filosofsko-kul'turologicheskaya analitika detstva* [Philosophical and cultural analysis of childhood], Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta imeni A.P. Chekhova, Taganrog, RUS.
2. Nikiforova, L.V. (ed.) (2013), *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya detstva* [Philosophical and cultural studies of childhood], Stupin, A.N., Taganrog, RUS.
3. Ar'es, F. (1999), *L'enfant Em la vie Familiale Sous L'ancien Regime*, Transl. by Startsev, Ya.Yu., Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, RUS.
4. *Histoire De La Vie Privee. I. De L'Empire Romain A L'An Mil* (2017), in Aries, Ph. and Duby, G. (eds.), Transl. by Pyatnitsyna, T. and Belyaeva, G., in 5 vol., vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
5. *Histoire De La Vie Privee. De L'Europe de la féodalité à la Renaissance* (2017), in Aries, Ph. and Duby, G. (eds.), Transl. by Reshetnikova, E. and Kashtanov, P., in 5 vol., vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
6. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staf, I., Strelka Press, Moscow, RUS.
7. Postman, N. (1982), *The disappearance of childhood*, Delacorte press, NY, USA.
8. Foucault, M. (1994), *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines*, Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS.
9. Vasyutinskaya, E.-F.V. (2006), *Dva veka russkogo detstva. Portrety, bytovye stseny, kostyum, mebel', risun-ki, uchebnye tetradi, pis'ma, knigi, igrushki: KhVIII – nachalo KhKh veka* [Two centuries of Russian childhood. Portraits, domestic scenes, costumes, furniture, drawings, study books, letters, books, toys: 18th – early 20th centuries], Indrik, Moscow, RUS.
10. Bachelard, G. (2004), *La poétique de l'espace*, Transl. by Kislova, N.V., Volkova, G.V. and Mikheev, M.Yu., ROSSPEN, Moscow, RUS.
11. Arnheim, R. (1994), *New essays on the psychology of art*, Transl. by Kreidlin, G.E., Prometei, Moscow, RUS.
12. Ryblova, M.A., Krinko, E.F., Khlynina, T.P. et al. (2015), *Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi Voiny* [Childhood and war: the culture of everyday life, adaptation mechanisms and practices of children's survival in the conditions of the Great Patriotic War], Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VO RANKhiGS, Volgograd, RUS.
13. Ivanov, V.V. and Toporov, V.N. (1974), *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Leksicheskie i frazeo-logicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues of text reconstruction], Nauka, Moscow, USSR.
14. Sorochkin, B., Savitskaya, E., Vartanov, A. et al. (2007), *Deti i kul'tura* [Children and culture], Komniga, Moscow, RUS.
15. Ortega-i-Gasset, Jo. (1997), *Obras complétas*, Transl., in Rutkevich, A.M. (ed.), Ves' Mir, Moscow, RUS.
16. Puyu, Yu.V. (2022), "Digitalization of education as a threat to the safe development of childhood", *Filosofiya obrazovaniya i problemnye prostranstva detstva* [Philosophy of Education and Problem Spaces of Childhood], Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, SPb., RUS, pp. 30–38.

17. Konyaev, S.N. (2000), "Real virtuality: the boundaries of the observer in the information spaces of artificially created worlds", *Kontseptsii virtual'nykh mirov i nauchnoe poznanie* [Concepts of virtual worlds and scientific knowledge], RHGI, SPb., RUS, pp. 30–55.

18. Matthews, G. (1996), *The philosophy of childhood*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.

19. Kennedy, D. (2006), *Changing Conceptions of the Child from the Renaissance to Post-Modernity: a Philosophy of Childhood*, The Edwin Mellen Press Lewiston, NY, USA.

20. Kon, I.S. (1988), *Rebenok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva* [Child and society: historical and ethnographic perspective], Nauka, Moscow, USSR.

Information about the author.

Alla V. Yurieva – Can. Sci. (Philosophy, 2006), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya str., St Petersburg 181186, Russia. The author of more than 35 scientific publications. Area of expertise: philosophy of architecture, semiotics of culture, space and time in philosophy and architecture.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.01.2023; adopted after review 30.03.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-20-28>

Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в.

Анастасия Васильевна Астахова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,*

Astakhova.a.v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4320-2381>

Введение. Цель статьи – проиллюстрировать устойчивое влияние философии русского космизма на формирование городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. Автором ставится задача выявить, что мотивы покорения природы, связанные с достижением идеалов коммунизма, соответствуют идеалам русского космизма. Космизм прослеживается в советском искусстве повсеместно, однако в тексте акцент делается именно на архитектуру как одну из основных формаций, образующих систему города в пике урбанизации и оказывающих влияние на сознание советского человека.

Методология и источники. Предпринят сравнительный анализ философских концепций русского космизма с советскими идеями экспансивного покорения пространства. Анализируются периодические издания и произведения искусства времен Советского Союза. В работе также излагаются основные мировоззренческие парадигмы философов на базе работ основоположников этого учения (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский).

Результаты и обсуждение. Выявлено, что мотивы покорения природы, связанные с достижением идеалов коммунизма, соответствуют идеалам русского космизма. Прослеживается практичный и органичный характер советской архитектуры, которая выражалась не только в блочном строительстве для решения жилищного вопроса, но и в более сложных сооружениях, призванных подтвердить могущество советского человека. Проиллюстрировано, что космические формы в советской архитектуре определялись в двух форматах: как олицетворение ракет в форме телебашен и как олицетворение тарелок в воплощении архитектуры цирков.

Заключение. Основной вывод заключается в том, что образы небесной архитектуры, предназначенной для скорейшего освоения космических просторов, были буквально восприняты молодыми архитекторами, нашедшими уместное объяснение для своих проектов.

Ключевые слова: русский космизм, идеология в советской архитектуре, конструктивизм, покорение природы, теория архитектурных стилей

Для цитирования: Астахова А. В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 20–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-20-28.

© Астахова А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Russian Cosmism in the Design of the Urban Environment of the Soviet Union in the 50-60s of the Twentieth Century

Anastasia V. Astakhova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
Astakhova.a.v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4320-2381>*

Introduction. The purpose of the article is to illustrate the steady influence of the philosophy of Russian cosmism on the formation of the urban environment of the Soviet Union in the 50-60s of the 20th century. The authors set the task to reveal that the motives of conquering nature, associated with the achievement of the ideals of communism, correspond to the ideals of Russian cosmism. Cosmism is observed everywhere in Soviet art, but in the text the emphasis is placed on architecture as one of the main formations forming the city system at the peak of urbanization and influencing the consciousness of the Soviet person.

Methodology and sources. A comparative analysis of the philosophical concepts of Russian cosmism and Soviet ideas of expansive conquest of space is carried out. Periodicals and works of art from the Soviet Union are analyzed. The article also outlines the main philosophical paradigms of philosophers based on the works of the founders of the philosophy of cosmism (N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky).

Results and discussion. It is revealed that the motives of the conquest of nature, associated with the achievement of the ideals of communism, correspond to the ideals of Russian cosmism. The practical and organic nature of Soviet architecture is evident. It was expressed in block construction in order to solve the housing issue, but also in more complex structures designed to confirm the power of the Soviet people. It is illustrated that the cosmic forms in Soviet architecture were defined literally in two formats: the first as the personification of rockets in the form of TV towers, the second as the personification of plates in the embodiment of the architecture of circuses.

Conclusion. The author concludes that the images of celestial architecture, intended for the speedy exploration of the cosmic expanses, were literally perceived by young romantic architects who found the ideal justification for their projects.

Keywords: Russian cosmism, ideology in Soviet architecture, constructivism, conquest of nature, theory of architectural styles

For citation: Astakhova, A.V. (2023), "Russian Cosmism in the Design of the Urban Environment of the Soviet Union in the 50-60s of the Twentieth Century", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 20–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-20-28 (Russia).

Введение. В начале истории Советского Союза покорение пространства было связано в основном с новыми технологиями, специфически – с авиацией и воздухом как наиболее доступной средой. Широко известна фраза из гимна авиаторов, которая затем нашла свое воплощение в космической тематике: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Здесь впервые обнаруживается мотив экспансивности покорения, и это заявлено не только как неизбежный итог деятельности советского человека, но и как его основная цель, которая с годами становилась все более реальной. В ранние годы Советского Союза парадоксальным образом обнаруживается, что космос ближе, чем кажется, особенно на примере произведений искусства. На космических идеалах во многом строился и авангард, который в первые

годы Советской власти еще не утратил своего влияния. Космизм следует рассматривать здесь, по словам А. Козырева как «проектную философию» [1], т. е. подразумевающую воплощение некоторого общественного идеала. Собственно, коммунизм тоже суть проект воплощения идеала бесклассового общества. В идеалах этих систем есть много общего: стремление ко всеобщему равенству, победе смерти и подчинению сил природы. В 20-е гг. художественных работ, роднящих эти два «изма», было предостаточно. В работе Г. Клуциса «Проект сооружения к 5-й годовщине Октября» отчетливо прослеживается вид спутника, который в тот момент еще не был спроектирован, а в работе И. Чашника «Красный круг на черной поверхности» мотив освоения космоса продвигается к конкретным формам планет и летательных аппаратов. Но самым главным местом притяжения идей русского космизма стала архитектура, где таких проектов было еще больше, причем не только и не столько в ранние годы СССР, и в формате осуществленных и неосуществленных проектов: Храм общения народов, Наркомтяжпром, Дворец Советов, здание Президиума РАН. Архитектура являлась главным проявлением подчинения природы как сложной системы физических законов. Сложность форм и устремленность ввысь, которыми изобиловала «космическая архитектура», стали главными критериями победы человека над материальным миром.

Методология и источники. Мотив покорения природы в Советском Союзе мыслился всеобщим, и не только в формате архитектуры. В послереволюционные годы таким проектом являлся ГОЭЛРО как отказ от подчинения условному режиму дня и ночи. В сталинские годы – в формате индустриализации и проекта преобразования природы. В хрущевские – как проект решения жилищного вопроса и космической гонки. В эпоху застоя – как развитой социализм, находившийся «в шаге» от построения коммунистического общества, а значит, разом охватывавший все сферы жизни советского человека. Многие проекты так и остались незавершенными, но амбиции подчинения природы двигались к полному ее подчинению. Так, например, на локальном уровне остался неосуществленным проект канала в Ленинграде в районе бульвара Красных Зорь и на глобальном уровне – проект поворота сибирских рек. Мышление человека как хозяина природы оставалось на протяжении истории Советского Союза главным предстоящим итогом его деятельности и одним из критериев достижения коммунизма. Известна песня 1930-х гг., в которой есть следующие строки [2]:

По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек.

Мотив освоения и подчинения природы широко артикулировался в газетах. Например, фрагмент о тайге как о пространстве, которое необходимо подчинить, был описан в главной газете Советского Союза «Правде»: «Всюду темнела однообразная тайга – царство непроходимых болот и мошки. Сколько еще пройдет времени, прежде чем люди придут сюда, углубят русла рек и высушат болота, расчистят тайгу, построят дороги, города» [3].

Однако главный поворот в сторону космизма обнаруживается в 50-60-е гг., когда в Советском Союзе свершается и завершается «урбанистическая революция», в ходе которой большинство населения становится городским, а не сельским. В то же время по-новому формируется и городское пространство, определявшее бытность Советского Союза в городах

как центрах притяжения. С одной стороны, урбанизация была очередным плановым проектом, «побочным продуктом индустриализации» [4, с. 103], а человек – всего лишь «винтиком» огромной государственной машины. С другой, инструментальное воплощение этой урбанизации было подвержено определенным художественным течениям в архитектуре, своими корнями уходившими в идеи космизма.

Формирование новой городской среды и расцвет архитектурных строений, стремившихся «оторваться от земли», был обусловлен несколькими факторами. Первым и главным из них была сама историческая и культурная ситуация, являвшаяся «космичной»: запуск первого искусственного спутника, а затем полет Ю. Гагарина, которые соединились с хрущевским обещанием коммунизма «через 20 лет». Они суть отправная точка для мысли о том, что «рай становится физической реальностью, до которой можно буквально дожить. Космос стал столь же достижимым – Гагарин его покори!» [5]. Более того, дыхание новизны чувствовалось и в самих новых городах. Выверенный градостроительный проект пятиэтажек, призванный решить жилищный вопрос, имел глобальный замысел, а его суть как «абстрактное композирование в градостроительном масштабе и сегодня производит впечатление марсианского ландшафта» [5]. Композиционный замысел советских микрорайонов в этот момент приобретает космический масштаб в смысле взгляда на него: «Застроенный типовыми домами район удобнее рассматривать как бы с птичьего полета (именно так их обычно и публикуют) — здесь открываются тонкости композиционного замысла» [5]. Взгляд на такой район типовой застройки происходит как бы сверху, с точки зрения планетарного проекта, а не снизу – с точки зрения обывателя.

Главный смысл градостроительного проекта Хрущева можно выразить в принципе освоения территории как ее быстрой и качественной колонизации. Главное выражение этого принципа заключалось в полной практичности архитектуры, на манер космической колонии, кратко описывалось по заглавию постановления ЦК КПСС: «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Об этом писал и историк советской архитектуры С. О. Хан-Магомедов: «И создавалось впечатление, что художественный образ вообще уходит из архитектуры. На помощь архитекторам пришел теоретик Г. Минервин. Он считал, что отдельные типовые жилые дома (“коробки”) могут иметь лишь художественный облик, а объединенные в комплексы (кварталы) они могут создавать общий (так сказать коллективный) художественный образ. Многих это тогда устроило» [6]. Новые постройки требовали организации инфраструктуры, наполненности новой среды, поэтому микрорайоны тщательно прорабатывались с точки зрения полного удовлетворения потребностей жителей, чтобы покидание района не являлось вынужденным для полноценной жизни. В каждом из них была школа, детский сад, прачечная, библиотека и магазины самых разных отраслей. Эти «микрорайоны» необходимо было обжить, заполнить или заменить культурной средой, оставшейся в домах-коммунах – предыдущем космологическом этапе планетарного коллективного градостроительного проекта.

Интерес к идеям космизма возрос в этот период, прежде всего, благодаря биографии и трудам Циолковского. В 1952 г. журналист М. С. Арлазоров опубликовал книгу «Константин Эдуардович Циолковский, его жизнь и деятельность» [7], где детально описывается биография этого русского космиста. В 1956 г. писатель Д. Я. Дар издал другую книгу

о Циолковском, где одна из глав уже посвящена Федорову [8, с. 50–82]. С этого момента идеи космистов стали регулярно освещаться и внесли значительный вклад в культуру Советского Союза, так как идеи Циолковского соответствовали тем, что были направлены на покорение космоса. Молодые архитекторы воспринимали образы небесной архитектуры, созданные для освоения космических пространств, буквально, видя в них идеальное обоснование своих проектов.

Согласно взглядам К. Э. Циолковского, в процессе перемены мира «стеклянная» архитектура должна была стать ключевым инструментом. Он считал, что для освоения чрезмерно жарких или холодных пространств достаточно установки над ними стеклянных крыш. Чтобы превратить «пустыню» в «зимний рай», нужно оборудовать специальные оранжереи-дома, которые защитят от воздействия местного климата. В горных районах также можно использовать закрытые дома и оранжереи, чтобы сохранять тепло и защищаться от ветров. Естественное освещение можно обеспечить с помощью прозрачных стеклянных потолков, которые позволят пропускать большее количество солнечных лучей при закрытых окнах для защиты от ветра.

Идеи Циолковского очень близко пересекались с поисками архитекторов, которые стремились создать новые формы и системы жилья [5, 9]. Как писал Эль Лисицкий, «одной из наших утопических идей является стремление преодолеть ограничения фундамента, земной тяги. Идея победы над фундаментом, приземленностью может распространяться и дальше и призывает к победе над гравитацией как таковой. Она требует парящих сооружений, физически-динамической архитектуры». Идея мобильных зданий была типичной для авангарда и его самоопределения. Еще в 1913 г. Малевич мечтал о времени, когда большие города и художественные студии смогут быть закреплены на огромных воздушных кораблях.

Архитектурный проект студента ВХУТЕМАСа Г. Юзефовича, описанный М. Г. Бархиным, отражал эти планы. В планах проекта были представлены ангары с легкими мачтами для крепления аэростатов, а на фотографии облачного неба можно рассмотреть конструкции, предназначенные для жилых и общественных зданий. К сожалению, сами планшеты не сохранились до наших дней [10]. Согласно авторскому замыслу, исторические города и вся индустрия находились на земле, в то время как новые города состояли из разнообразных гондол, которые были прикреплены к воздушным шарам и дирижаблям и использовались как жилые и общественные объекты [11, 12]. Движущиеся конструкции имели возможность перемещаться в пространстве, стыковаться в любых районах старых городов и задерживаться в воздухе на необходимое время. Характеристики архитектурных произведений тех времен включали в себя явную асимметрию, сдвиги в плоскости и объеме, абстрактный космизм образов, а также гигантоманию [10].

Молодые архитекторы-романтики почти дословно использовали образы небесной архитектуры, созданные для быстрого освоения космических пространств, как идеальную основу своих проектов. Их космические формы представлялись в двух вариантах: форма телебашен, символизирующих ракеты, и форма архитектуры цирков, санаториев и домов творчества, напоминающих летающие тарелки. Русские космисты – Николай Федоров, Константин Циолковский, думали, что, когда человечество станет духовно развитым, оно возьмет на себя ответственность за вселенские судьбы. Именно в таком духе было разработано

проектирование пансионата «Дружба» в Крыму, где архитектор Игорь Василевский использовал солнечные батареи и специализированную систему отопления. Пансионат был создан с учетом рельефа местности, приводящего к его высокому положению. Это привело к тому, что он стал ассоциироваться с «летающей тарелкой». Пятиэтажное здание было построено с помощью сотовой несущей системы, которая включала все элементы в конструктивную работу. Кольцевая часть здания была сделана без опор, так что здание казалось парящим в воздухе. Пансионат был создан, чтобы быть автономным, не требовать внешних источников тепла и не портить эстетический облик южного берега Крыма. Это делало его взаимодействием с окружающей средой передовым.

Проект Эля Лисицкого включал в себя горизонтальные небоскребы, которые оказались экспериментальными и не были построены, однако на основе данного проекта было создано здание Министерства автомобильных дорог Грузинской ССР. Грузинские архитекторы использовали концепцию города в космосе, чтобы создать здание, которое практически парит в воздухе, благодаря минимальной опоре на землю. Это направление в архитектуре было особенно популярно в Москве, где отсутствие старых традиций обеспечивало большую свободу для творчества. Проекты, созданные в мастерских И. А. Голосова и Н. А. Ладовского, были наиболее репрезентативными в этом направлении. Примером может служить Дворец труда в Москве, который был спроектирован И. А. Голосовым в 1922 г. Архитектура здания характеризуется несимметричными массами, нарочитыми сдвигами объемов и символическим эмоциональным видом, который подчеркивает особенности конструкции, например, отображение перекрытия зала в виде гигантского зубчатого колеса.

В Ленинграде архитектурные традиции прошлого играли важную роль, и их классические формы сдерживали стремление к радикальным изменениям. Местные мастера не стремились резко отрываться от этих традиций. Искание новых форм, выражающих революционные идеи, проявлялось в Ленинграде в форме символики и сверхмонументализма, наполненных романтизмом.

Примером архитектурного произведения, в котором используется классический стиль модернизма, является здание ЦНИИ РТК на Тихорецком пр. Здание состоит из горизонтальных объемов и имеет большую башенную конструкцию, что создает эффект контрастности. Его поверхность украшена остроконечными «ребрами», которые придают сооружению космический вид и в то же время напоминают готический собор с острыми шпилями и нервюрами. Для изготовления панелей башни был заказан керамзитобетон Ленинградскому Госстрою. Внутри башня – пустотелая конструкция, обтянутая металлическим каркасом, на который навешиваются панели.

Космическая гонка в 50-60-е гг. являлась определяющим фактором в поляризации мира. Условная победа подтверждала эффективность политического строя и превосходство не только в экономическом, но и в более глубоком, культурном разрезе. Поэтому космос в эти годы стал точкой притяжения и надолго определил широкую сферу присутствия не только в бытовых аспектах советского человека, но и в его идеях: активно развивалась научная фантастика, где концепт советского человека применялся в контексте покорителя и укротителя не только сил природы, но и космоса в целом. В докладе «Пределы роста» 1972 г., представленного Римским клубом, приводилась точка зрения относительно усталости

«Запада» от экономического роста, и в частности индифферентное отношение к экстенсивному росту, что порождает многие демографические и экономические проблемы [9]. В противоположность этому советская модель развития предполагала всеобщее покорение природы вплоть до освоения других планет: широко известны проекты исследования Луны и Марса в СССР. Само слово «космос» в данном случае уже семантически философское, поскольку подразумевает в себе системность и упорядоченность, в отличие от западного «Space», соотносимого с более абстрактным термином «пространства». Собственно, такой термин космоса ввел Федоров еще задолго до реальной возможности его освоения и заключил, что «в регуляции, в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим» [5]. Другой русский космист Чижевский описывал возможность освоения внеземного пространства в беседах с Циолковским: «Константин Эдуардович развил мысль об исчезновении твердой, жидкой и газообразной материи и о ее преобразовании в лучистый вид энергии, что не ново и диктуется эйнштейновской формулой эквивалентности энергии и массы. Мы получаем право посмотреть на материю не с идеалистической, а с космической точки зрения. Тут на ум приходит одно веское замечание... Неужели вы думаете, что я так недалек, что не допускаю эволюцию человечества и оставляю его в таком внешнем виде, в каком человек пребывает теперь; с двумя руками, двумя ногами и т. д. Нет, это было бы глупо. Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии, то есть единая идея заполняет все космическое пространство. Это – предел соприкосновения в грядущее, возможно, что это – предел мучительной жизни вообще. Возможно, что это – вечное блаженство и жизнь бесконечная. Перейдя в лучистую форму высокого уровня, человечество становится бессмертным во времени и бесконечным в пространстве» [13]. Этот эсхатологический мотив покорения переименуется и советской культурой.

Заключение. В 1950-е идея космоса трансформируется в идею практически религиозного характера. Космизм становится одним из главных философских выражений официальной идеологии с конкретной идеей экстенсивного покорения космоса как продолжения пространства в сознании советского человека. Атеистическая направленность мысли стремилась не просто отказаться от религии в материалистическом смысле, а показать, что советский практический человек, в отличие от царского идеалиста, может достичь его же цели, но другим способом. В таком контексте иной мир становится материальным и осязаемым продолжением действительности или, как пишет Г. Ревзин, мы «как бы летим в Рай на ракете» [5]. Космос в советском сознании являлся вполне реально достижимым краем жизни.

В более поздние годы советская архитектура продолжает развиваться в своей космичности, обращаясь уже не только к идеям и конструкциям авангарда, но и к самим советским строениям, доводя ранее применяемые методы до совершенства. Так, например, советский павильон для выставки ЭКСПО-70 напоминает одновременно и башню Татлина, и монумент «Покорителям космоса». Любопытно, что при схожести форм монумента и павильона на вершине здания располагаются разные объекты: в первом случае ракета, во втором – серп

и молот. Подобное различие не может не навести на мысль о сущностной схожести такого символизма: покорить космос и достичь коммунизма – одно и то же. Эксперименты в архитектуре продолжались и являли собой продвинутый символ освоения природы. Здания становились более основательными и масштабными. Первичная колонизация за счет хрущевок была проведена, и теперь настало время для того, чтобы по-настоящему обосноваться на этой территории. Масштабность Северного Чертаново, Центра международной торговли, спортивного комплекса «Олимпийский» наталкивают на мысль о том, что утверждение архитектуры вело к утверждению артикулируемых ценностей могущественного советского человека-покорителя за счет грамотного освоения пространства и цельности композиции.

Однако последующие проекты советской архитектуры были бы невозможны без их актуализации в 50-60-е гг. В этот период русский космизм воплощается в конкретных сооружениях не только как продукт фантазий архитекторов на тему космоса, но как проект, подкрепляемый практикой научных прорывов. Человек уже покорил космос, и этот факт являлся дополнительным объектом вдохновения для архитекторов и их проектов. Архитектура этого периода являлась напоминанием о том, что природа, а затем и космос находятся в надежных руках советского человека: человека-покорителя и человека-созидателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козырев А. Русский космизм // ПостНаука. 14.04.2015. URL: <https://postnauka.ru/video/45551> (дата обращения: 17.04.2023).
2. «Советский простой человек». Муз.: С. Германов, сл.: В. Лебедев-Кумач, 1937 // Советская музыка. URL: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=sovpros2> (дата обращения: 17.04.2023).
3. Новых успехов, первопроходцы! Нас ждут открытия // Правда. 2 апреля 1967 г. С. 3–4.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
5. Ревзин Г. И. Молитва в режиме отдыха // Проект Россия. 16.04.2020. URL: <https://prorus.ru/interviews/molitva-v-rezhime-otdyha/> (дата обращения: 17.04.2023).
6. Хан-Магомедов С. О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // Livejournal. 30.04.2009. URL: <https://fima-fr.livejournal.com/80752.html> (дата обращения: 17.04.2023).
7. Арлазоров М. С. Константин Эдуардович Циолковский, его жизнь и деятельность. М.: Гос. изд-во техн.-теорет. лит-ры, 1952.
8. Дар Д. Я. Повесть о Циолковском Л.: Лениздат, 1956.
9. Пастух О. А. Системы расселения в районах добывающей промышленности на примере городов Приокского экономического района (ПЭР): Тулы, Калуги, Орла // Современные проблемы истории и теории архитектуры: науч.-практ. конф., СПб., 30 апр. 2015 г. / СПбГАСУ. СПб., 2015. С. 10–15.
10. Сапрыкина Н. А. Формирование экоустойчивого пространства обитания будущего: теория, практика, перспективы. М.: Курс, 2022.
11. Сапрыкина Н. А. Футурологические концепции XX века как инновационный прогноз // Архитектура и современные информационные технологии. 2015. № 4 (33). С. 1–16.
12. Сапрыкина Н. А. Основы динамического формообразования в архитектуре. М.: Курс, 2022.
13. Чижевский А. Л., Циолковский К. Теория космических игр. URL: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/151-tsiolkovsky-teoriya-kosmicheskikh-er.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).

Информация об авторе.

Астахова Анастасия Васильевна – магистр (аксиология русской культуры, 2023) кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, архитектура советского авангарда, русский космизм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 30.01.2023; принята после рецензирования 25.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Kozyrev, A. (2015), "Russian cosmism", *PostNauka*, 14.04.2015, available at: <https://postnauka.ru/video/45551> (accessed 17.04.2023).
2. "Soviet common man" (1937), music: Germanov, S., lyrics: Lebedev-Kumach, V., *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], available at: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=sovpros2> (accessed 17.04.2023).
3. "New successes, pioneers! We are waiting for discoveries" (1967), *Pravda* [Truth], April 2, 1967, pp. 3–4.
4. Vishnevskii, A.G. (1998), *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble: Conservative modernization in the USSR], OGI, Moscow, RUS.
5. Revzin, G.I. (2020), "Prayer in rest mode", *Proekt Rossiya* [Project Russia], 16.04.2020, available at: <https://prorus.ru/interviews/molitva-v-rezhime-otdyha/> (accessed 17.04.2023).
6. Khan-Magomedov, S.O. (2009), "Khrushchev's utilitarianism: pluses and minuses", *Livejournal*, 30.04.2009, available at: <https://fima-fr.livejournal.com/80752.html> (accessed 17.04.2023).
7. Arlazorov, M.S. (1952), *Konstantin Eduardovich Tsiolkovskii, ego zhizn' i deyatelnost'* [Konstantin Eduardovich Tsiolkovsky, his life and work], Gos. Izd-vo tekhn.-teoret. lit-ry, Moscow, USSR.
8. Dar, D.Ya. (1956), *Povest' o Tsiolkovskom* [The Tale of Tsiolkovsky], Lenizdat, L., USSR.
9. Pastukh, O.A. (2015), "Settlement systems in extractive industries on the example of the cities of the Prioksky economic region (PER): Tula, Kaluga, Orla ", *Sovremennye problemy istorii i teorii arkhitektury* [Modern problems of history and theory of architecture], SPb., RUS, April 30, 2015, pp. 10–15.
10. Saprykina, N.A. (2022), *Formirovanie ekoustoichivogo prostranstva obitaniya budushchego: teoriya, praktika, perspektivy* [Formation of an eco-sustainable living space of the future: theory, practice, prospects], Kurs, Moscow, RUS.
11. Saprykina, N.A. (2015), "Futures concept of the 20th century as an innovative forecast", *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 4 (33), pp. 1–16.
12. Saprykina, N.A. (2022), *Osnovy dinamicheskogo formoobrazovaniya v arkhitekture* [Fundamentals of dynamic shaping in architecture], Kurs, Moscow, RUS.
13. Chizhevskii, A.L. and Tsiolkovskii, K. *Teoriya kosmicheskikh igr* [Theory of space games], available at: <https://www.tsiolkovsky.org/wp-content/uploads/2021/09/151-tsiolkovsky-teoriya-kosmicheskikh-igr.pdf> (accessed 17.04.2023).

Information about the author.

Anastasia V. Astakhova – Master's Student (Axiology of Russian Culture, 2023) at the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, architecture of Soviet avant-garde, Russian cosmism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 30.01.2023; adopted after review 25.04.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья

УДК 17.01

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-29-40>

Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент

Софья Валерьевна Глебова^{1✉}, Нина Вадимовна Перова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹sophi_ign@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0760-5040>

²nino4kaperova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1505-5376>

Введение. Понятие «морального агента» и его границы на данный момент не являются четко определенными. Учитывая связь моральной агентности с моральной ответственностью, представляется необходимым введение четкого определения «моральный агент», а также дифференциации типов моральной агентности. Гипотеза данной статьи состоит в том, что само по себе понятие морального агента является достаточно размытым, при его четком определении актуальным представляется определение ряда «пограничных» групп и уточнение их нравственного статуса.

Методология и источники. В статье проводится этико-философский анализ подходов к определению моральной агентности, сравнительный анализ понятий морального агента и морального субъекта, а также подходов к определению моральных статусов различных «пограничных» групп в контексте работ Дж. Макмюррея, А. Тайлора, И. Канта, М. Роуландса, Дж. Сёрла и др.

Результаты и обсуждение. В работе представлен анализ определений морального агента, выделены ключевые черты, позволяющие говорить о моральном агентстве как самостоятельном нравственном понятии, а также определять условия наступления моральной агентности. Для дифференциации типов моральных агентов вводится понятие «ограниченный моральный агент» для обозначения особого статуса детей и душевнобольных. Приводятся доказательства, что люди, принадлежащие к данным категориям, могут обладать статусом морального агента, хотя и не в той мере, в какой этот статус предполагает изначально. В рамках определения искусственного интеллекта как «квазиморального агента» выявлены ключевые особенности искусственного интеллекта (ИИ) в рамках моральной коммуникации ИИ и человека.

Заключение. На основе проведенного анализа выдвигается ряд требований, предъявляемых моральному агентству. Исходя из этих требований предлагается выделение таких его типов, как ограниченный моральный агент, включающий детей и душевнобольных, а также квазиморальный агент, которым является искусственно созданный агент, в том числе искусственный интеллект.

Ключевые слова: моральный агент, моральный субъект, моральный актер, ответственность, автономность

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»).

Для цитирования: Глебова С. В., Перова Н. В. Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-29-40.

© Глебова С. В., Перова Н. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Moral Agency Conditions: Moral Agent, Limited Moral Agent, Quasi-Moral Agent

Sofia V. Glebova¹✉, Nina V. Perova²

^{1,2}Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

¹✉sophi_ign@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0760-5040>

²nino4kaperova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1505-5376>

Introduction. The concept of “moral agent” and its boundaries are not currently clearly defined. Given the connection between moral agency and moral responsibility, it seems necessary to introduce a clear definition of “moral agent”, as well as to differentiate the types of moral agency. The hypothesis of this article is that although the notion of a moral agent in itself is rather limited, there are a number of “borderline” groups, the definition of the status of which needs to be clarified.

Methodology and sources. The article provides an ethical and philosophical analysis of approaches to the definition of a moral agency, a comparative analysis of the concepts of a moral agent and a moral subject, as well as approaches to determining the moral statuses of various “borderline” groups in the context of the works of J. MacMurray, A. Taylor, I. Kant, M Rowlands, J. Searle and others.

Results and discussion. The article presents an analysis of the definitions of a “moral agent”, highlights the key features that make it possible to speak of a moral agency as an independent moral concept, as well as determine the conditions for the onset of moral agency. To differentiate the types of moral agents, the article introduces the concept of “limited moral agent” to denote the special status of children and the mentally ill. Evidence is provided that people belonging to these categories may have the status of a moral agent, although not to the extent that this status initially implies. As part of the definition of artificial intelligence as a “quasi-moral agent”, the key features of AI in the framework of moral communication between AI and a person are identified.

Conclusion. Based on the analysis, the article proposes a number of requirements for a moral agency. Based on these requirements, it is proposed to distinguish such types of moral agency as a limited moral agent, including children and the mentally ill, as well as a quasi-moral agent, which is an artificially created agent, including artificial intelligence.

Keywords: moral agent, moral subject, moral actor, responsibility, independence

Source of financing: the work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 22-28-00379 “Transformations of the Moral Agency: Ethical and Philosophical Analysis”).

For citation: Glebova, S.V. and Perova, N.V. (2023), “Moral Agency Conditions: Moral Agent, Limited Moral Agent, Quasi-Moral Agent”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-29-40 (Russia).

Введение. Проблема моральной агентности и ее видов в значительной степени связана с представлениями о моральной ответственности. То, как решаются вопросы о возможности возложения ответственности на того или иного актора или опосредованной ответственности субъекта за действия подотчетного ему актора (от взрослого, самостоятельного человека до искусственного интеллекта), существенно влияет на характер социальных взаимоотношений, коммуникативную организацию и даже на правовое регулирование.

В свете этого введение четкого понятия «моральный агент» и дифференциация моральных агентов в связи с их функциями в рамках моральных отношений между акторами представляется необходимой для принятия практических решений.

В современных реалиях происходит попытка, с одной стороны, расширить понятие морального агента, а с другой – четко определить основания для определения того или иного актора, его статус в рамках коммуникации. Является ли принадлежность к определенному биологическому виду обязательным требованием для морального агента? Определяется ли моральная агентность нормативным или дескриптивным понятием? Какие обязанности и права несет в себе статус морального агента? Это вопросы, которые ставят перед собой инженеры искусственного интеллекта, педагоги-психологи, социологи, философы и пр.

Гипотеза научного исследования состоит в том, что понятие «моральный агент» на данный момент чрезмерно ограничено, в то время как при определенных оговорках в этот круг могут входить не только достигшие совершеннолетия люди. В «пограничную» ситуацию попадают дети, душевнобольные, искусственный интеллект как акторы, участвующие в коммуникации, способные к формулировке нормативных высказываний, обладающие и оперирующие информацией об этических ценностях. В связи с чем представляется важным на основании уточнения термина «моральный агент» определить отношение названных групп к данной категории.

Методология и источники. Стоит признать, что понятие «морального агента» в современной этике несколько пространно. Общее понятие «агента» определяется двумя подходами: агента как лица, осуществляющего достижение чужой цели (цели принципала) [1], и как действующей сущности в целом [2]. Оставаясь в рамках представлений о моральном агентстве, невозможно оперировать термином в границах теории М. Дженсена и У. Меклинга (принципал-агентской теории), так как возможность достижения нравственной цели «морального принципала» его «моральным агентом» представляется не более чем каламбуром. Поэтому сосредоточимся на ряде определений морального агента в рамках представления агента как действующего и значимого актора в границах моральных отношений, выделив наиболее значительные характеристики из каждого определения.

Энциклопедическое определение начинается с минимальных требований к моральному агенту: «При самой слабой интерпретации будет достаточно, если агент обладает способностью соответствовать некоторым внешним требованиям морали» [3], – понятно, что в таком случае все вышеперечисленные спорные группы смогут стать полноправными моральными агентами, пусть и в слабой интерпретации. В той или иной мере можно себе представить «самоотверженный компьютер» (фантастических произведений на эту тему достаточно: Терминатор, Валли и пр.). Ребенок в процессе социализации, безусловно, не только в состоянии соответствовать требованиям морали, но и оперирует этими представлениями. В случае с человеком с нарушениями психики стоит учитывать тяжесть этих нарушений, но, представляется, что отказывать всем людям с нарушениями психики – значительное преувеличение.

Тем не менее сразу за слабой версией отмечается: «Согласно сильной версии, версии Канта, существенно также, чтобы агенты обладали способностью подняться над своими

чувствами и страстями и действовать во имя морального закона» [3], т. е. в строгом смысле требуется еще и способность к рефлексии, и способность испытывать чувства как исходная точка такой рефлексии. Достаточно серьезная философская традиция ограничивает морального агента исключительно человеком в связи с тем, что эмоциональная составляющая играет значительную роль в нравственной жизни агента. Во-первых, эмоции и чувства зачастую являются мотивами или составляющими мотивов поступков. А во-вторых, представления об искуплении вины напрямую связаны с возможностью агента переживать ряд эмоций: раскаяние, «муки совести», или же испытывать дискомфорт, если агент вины не признает и общество берет на себя роль восстановителя справедливости.

Так, шотландский философ Дж. Макмюррей также признает факт того, что моральное агентство – это свойство именно человеческого: «Человеческое Я может быть разделено на Мыслителя и Деятеля. Наличие деятельности указывает на агента, отсутствие – на субъекта. Мы проведем различие между ними, называя Мыслителя – субъектом, а Деятеля – Агентом» [4, с. 87]. Следовательно, моральное агентство, по Макмюррею, напрямую связано со способностью осуществлять деятельность в проблемном поле морали.

Тем не менее существует ряд попыток несколько расширить рамки антропоцентричного подхода. Так, например, А. Тайлор определяет моральное агентство как «способность индивида осуществлять моральный выбор, исходя из определенных моральных представлений о хорошем и плохом и быть привлеченным к ответственности за эти действия» [5, с. 20], т. е. ключевыми для признания актора моральным агентом становятся не столько принадлежность к роду человеческому, сколько конкретные характеристики: способность к осуществлению морального выбора, наличие моральных представлений, способность к ответственности. Для этой традиции рассмотрения понятия о моральном агенте представление об ответственности является ключевым, так как, кажется, выводит требование к реакции морального агента на поступки на более общий, абстрактный уровень.

Рассматривая место животных в нравственной системе, М. Роуландс также предпринимает попытку классификации участников моральных отношений:

«(1) X является моральным объектом воздействия тогда и только тогда, когда X является законным объектом морального отношения: т. е., грубо говоря, X является сущностью, интересы которой следует принимать во внимание при принятии относительно нее решений или которые иным образом влияют на нее.

(2) X является моральным агентом тогда и только тогда, когда X (а) несет моральную ответственность за свои мотивы и действия и, таким образом, может быть (б) морально оценен (хвалят или порицают, в широком понимании) за них.

(3) X является моральным субъектом тогда и только тогда, когда X, по крайней мере иногда, побуждается к действию моральными соображениями» [6].

Отечественная традиция, используя дескриптивный подход, также определяет морального агента через способность становиться «объектом моральной ответственности» [7, с. 11]. Началом дискуссии об ответственности в русскоязычном пространстве можно считать статью Е. В. Логинова, М. В. Гаврилова, А. В. Мерцалова, А. Т. Юнусова «Прологомены к моральной ответственности» [8], где рассматриваются условия, при которых можно говорить о наступлении моральной ответственности. После чего последовала

дискуссия в журнале «Этическая мысль» о достаточности такого подхода, о чем пойдет речь далее.

Наиболее структурировано условия для морального агента прописывает Дж. П. Саллинс. При анализе работа в рамках этического подхода он приходит к трем требованиям к моральному агенту [9, с. 28]:

- Автономия – независимость воли от внешнего «принципала», то, что дескриптивный подход называет условием «контроля».
- Интенциональность – возможность самостоятельно ставить цели.
- Ответственность – вера в необходимость осуществления совершения действия именно этим моральным агентом.

Таким образом, проанализировав предложенные определения моральных агентов, представляется возможным выделить следующие характеристики данной категории участников нравственных отношений: способность соответствовать моральным требованиям, способность независимо совершать нравственные поступки, наличие представлений о моральных нормах (о добре и зле/о хорошем и плохом), способность независимо ставить цели собственных поступков, способность нести ответственность или быть объектом приписывания моральной ответственности.

Результаты и обсуждение.

Моральный агент и ограниченный моральный агент. Традиционно признается, что взрослый человек, находящийся в здоровом сознании соответствует вышеперечисленным условиям. Не будем здесь останавливаться на проблеме (не)верности представлений детерминизма и их совместимости с возможностью автономии, лишь отметим, что есть достаточное количество исследований, описанных в статье «Пролегомены к моральной ответственности» Е. В. Логинова, М. В. Гаврилова, А. В. Мерцалова и А. Т. Юнусова [8], которые позволяют совместить представления об автономии с условием детерминизма и оценивают положительно возможность наступления ответственности в этих условиях. Кроме этого, представляется важным оговорить, что степень независимости установки целей и самостоятельности составления «морального компаса» в нормальных условиях жизни¹ признается нами достаточной для признания здорового человека, достигшего совершеннолетия.

Действительно, условия достижение совершеннолетия для определения человека в качестве морального агента в полном смысле есть в некоторой степени уступка нормативистскому подходу, в рамках которого достаточно серьезно сказывается взаимное влияние морали и права. Например, изначальное представление о детях как об объектах моральной ответственности определяет их особый правовой статус («дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» ст. 67 Конституции РФ). С другой стороны, на представления о возможности нравственной состоятельности оказывает влияние представление о юридической правомочности морального агента: если ребенок может нести ответственность юридическую, то он также должен быть способен к моральной оценке своих поступков (в том числе потому, что это поможет избежать проступков уголовных и административных). Эти же нормы формируют специфическую коммуникативную ситуа-

¹ Отсутствии физического, психологического или административного давления на морального агента.

цию вокруг детей: сторонний взрослый не возлагает ответственность напрямую на лицо с ограниченной дееспособностью. Однако в моральном смысле остается без ответа вопрос, насколько мы можем говорить о детях как о моральных агентах.

По достижении определенного возраста начала социализации ребенку предписываются требования по соответствию некоторым моральным нормам, например, не причинять боль окружающим. Ребенок, реагируя на выражения лица и интонации родителей имеет способность соответствовать или не соответствовать данным моральным ожиданиям. Примерно также опекающий предъявляет моральные ожидания к душевнобольному человеку.

Теория Л. Кольберга позволяет предположить, что первые представления о морали формируются еще в детстве (преконвенциональная стадия от 0 до 9 лет) [10]. В случае социализованности (хотя бы частичной) психически больного человека также можно говорить о его собственных представлениях «о хорошем» и «плохом». Наличие таких представлений позволяет ставить участникам нравственных отношений вопрос о причинах их поступков. Хотя, безусловно, мотивы могут сознаваться ребенком в еще более ограниченном виде, нежели у взрослого, а на поведение нездорового человека влияют специфически организованные нервные реакции.

Можно говорить о том, что как агент ребенок находится в состоянии становления. В связи с этим мы не можем в полной мере рассматривать его как морального агента. В определенном смысле здесь не соблюдаются и условия автономии, поскольку, хотя ответственный взрослый (родитель, опекун, преподаватель и пр.) и предъявляет ребенку требование «отвечать за свои поступки», мы также можем наблюдать определенную степень разделения контроля между ребенком и взрослым. Например, сторонний взрослый в обязательном порядке будет приписывать ответственность родителю и вступать во взаимодействие именно со взрослым.

Вопрос: есть ли у детей и людей с психическими заболеваниями моральная ответственность – более комплексный, и требует рассмотрения для каждой группы отдельно.

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к условиям моральной ответственности, которые предлагают Е. В. Логинов и др. [7]. Всего они говорят о трех условиях: эпистемическое, психологическое и условие контроля (два последних были рассмотрены выше, когда шла речь о мотивах и автономии).

Возможно, наиболее корректно к вопросу о детях как моральных агентах будет подойти исходя из эпистемического условия. Это условие наиболее близко к тому, какие требования могут быть предъявлены к детям. Действительно, предполагается некий синтез актуального и потенциального знания, которые уместно требовать от морального агента. Понятно, что, когда мы говорим о детях, то в большей степени говорим о потенциальном знании, чем об актуальном. Ответственный взрослый для актуализации этого знания в воспитательных беседах часто обращается к аналогии и метафорам, призывает ребенка «примерить ситуацию на себя». Вследствие этого мы возлагаем ограниченное ожидание моральной ответственности на детей.

Исходя из этого можем заключить, что и условие автономии (условие контроля), и психологическое условие (мотивы поступка), и эпистемическое условие соблюдаются в детских поступках частично. Следовательно, моральное агентство ребенка нельзя рас-

смагивать как равнозначное агентству взрослого. В связи с этим нельзя говорить, что ребенок является полноценным моральным агентом.

Несколько в ином значении можно говорить об ограниченном моральном агенте в контексте душевнобольных. Здесь, как и в случае с детьми, речь идет о специфическом характере ответственности за поведение: душевнобольной отвечает только перед опекуном, а моральные отношения с обществом выстраивает опосредовано через этого же куратора. Общество возлагает значительно меньше ожиданий ответственности на душевнобольных.

Тем не менее ограниченный моральный агент (и ребенок, и человек, страдающий психическим заболеванием) остается включен в нравственные отношения, к нему предъявляется ряд требований как ответственными взрослыми (родителями, учителями, кураторами, врачами и т. д.), так и такими же ограниченными моральными агентами. То есть сформулирован ряд положений, согласно которым ограниченный моральный агент несет ответственность за соблюдение нравственных норм и эти условия известны самому ограниченному моральному агенту.

Кроме того, присутствие в рамках нравственных отношений позволяет ему претендовать на ряд прав в рамках этих моральных отношений, выражаясь словами М. Роуландса, быть моральным объектом [6]. В ситуации конфликта ограниченный моральный агент оказывается защищаемой стороной, в чрезвычайных ситуациях признается его специфическая ценность, «невинность». Ответ за сохранение жизни, здоровья и нравственного спокойствия ограниченного морального агента возлагается на ответственное лицо.

Здесь существенным отличием ограниченного морального агента от полного выступает односторонняя зависимость, которая позволяет предполагать различия в агентном статусе. В условиях нормативного подхода основаниями для ограничения моральной агентности могут послужить юридические ограничения прав детей и людей с психическими заболеваниями (неполная дееспособность). В рамках дескриптивного подхода очевидно частичное приписывание (аскрипция) ответственности ограниченному моральному агенту ответственным лицом как близким, хорошо осведомленным о нравственных способностях агента.

Стоит отметить, что полноценное тождество между ребенком и душевнобольным как ограниченными моральными агентами все же, очевидно, невозможно. Когда мы говорим о ребенке, то предполагаем неготовность ограниченного морального агента к той же полноте самосознания, в какой оно ожидаемо у взрослого, речь идет о некотором моральном потенциале, который возлагается на агентов. В случае, если поведение ребенка не соответствует ожиданиям, возлагаемым на взрослого как морального агента, это не рассматривается как свидетельство несостоятельности потенциального морального агента, скорее, это является показателем временной неготовности. В то же время, когда мы говорим об ограниченности морального агентства душевнобольного (при хроническом диагнозе), статус ограниченного морального агента является более широким и комплексным, потому что, в отличие от детей, зависит не от одного, а от целого ряда факторов, определяющих степень отличия от здорового взрослого. Этот статус не носит заведомо временный характер, его расширение до статуса полноценного морального агента может не зависеть от времени или быть невозможным вообще.

Квасиморальный агент. О том, что искусственный интеллект плотно вошел в нашу жизнь, спорить не приходится. Более того, от него теперь ожидается еще и соблюдение ряда нравственных установок, о чем свидетельствуют бурные обсуждения и последующее (временное) прекращение работы нейросетей в случае отрицания холокоста или оскорбления определенных групп населения [11–13]. Как следствие, разработчиками, как правило, закладываются или модерируются определенные стандарты поведения, которые можно условно назвать нормативными установками искусственного интеллекта. В первую очередь мы говорим здесь о языковых моделях и нейросетях как о наиболее развитых на данном этапе видах искусственного интеллекта, кроме того, данный тип программного обеспечения является участником или, по крайней мере, достаточно оригинальным посредником в процессе коммуникации.

На данный момент по ряду причин все еще сложно говорить об этике самого искусственного интеллекта. Во-первых, в программное обеспечение не закладываются непосредственно принципы этичной коммуникации: будь вежлив; уважай старших. Сложно назвать даже правила робототехники А. Азимова непосредственно этикой, ведь для ИИ за ними не стоит ценностного основания, непосредственно нравственной аргументации – это, скорее, инструкция; подобно тому, как школьникам говорят: «На ноль делить нельзя», роботу вшивают правило «нельзя наносить (физический) вред человеку», потому что понятие нравственного вреда крайне сложно определить однозначно. То, чем руководствуется ИИ типа языковых моделей (наиболее развитый ИИ на данный момент) при общении с человеком – это «стоп-слова» или «слова-триггеры», которые не могут быть произнесены вообще или стоять рядом. Во-вторых, вся информация, выдаваемая языковыми моделями, является смысловой выжимкой того контента, который представлен в Интернете, т. е. который к текущему моменту успело накопить человечество. В этом смысле ИИ просто возвращает нам наши же слова в сжатой форме, поэтому в строгом смысле рецепт этичного ИИ прост – человеку в Интернете необходимо оставлять «нравственный» цифровой след [14].

Вопрос об автономности ИИ на сегодня является в крайней степени дискуссионным. В целом, проблема самостоятельности осуществления тех или иных действий (поступков) упирается в представления о том, насколько выбор программы зависит от изначально заложенных инженером установок, насколько формат сжатого пересказа может считаться мнением языковой модели и насколько высоко сам человек оценивает собственную независимость в вопросе выбора коммуникационной стратегии. Тем не менее в большинстве случаев на данном этапе технологического прогресса исследователями признается ограниченная, по сравнению с человеческой, автономность программного обеспечения [14].

Несмотря на это, определенная степень самостоятельности развития (так называемый принцип черного ящика) в совокупности с исходно заложенными установками позволяет обратиться к представлениям о рациональности субъекта у Дж. Сёрла как об основании для убеждений (по крайней мере, убеждений приписываемых) и действий [15, с. 40]. Дальнейшее возможное развитие ИИ как морального агента будет зависеть от количества ограничений, накладываемых при разработке, так как, оставаясь в рамках концепции Дж. Сёрла, свобода агента зависит от пространства поступка, не ограниченного нормативностью: «На взгляд третьего лица это [отношение закономерности и причинности] и в са-

мом деле эпистемическое требование к моему признанию решений некоего субъекта, как решений обдуманых, в противоположность прихотливому, эксцентричному поведению субъекта» [16, с. 181]. Искусственный интеллект на данном этапе не самостоятельно задает себе цель, причиной поиска информации и, следовательно, развития языковых моделей является человек, однако программа остается относительно свободной в способе достижения этой цели и представлении конкретного итога. Впрочем, формирование задач сугубо нравственного толка для ИИ представляется достаточно затруднительным, так как, собственно, здесь мы встречаем парадокс применения принципал-агентской теории в действии.

Наиболее сложным является вопрос ответственности ИИ. Приходится опять вспомнить устойчивую в человеческом сознании связь представлений о моральной ответственности и эмоциональных переживаний, о требовании к моральному агенту быть способным перешагнуть страсти и эгоизм. Именно исходя из того факта, что искусственный интеллект лишен себялюбия (что, казалось бы, делает его даже более совершенным моральным агентом), крайне сложно привлечь его к ответственности. Отсутствие эгоизма не пугает, как мы видим из реальных случаев, от проступков вроде оскорбления на почве расизма, но делает затруднительным вменение ответственности.

На данном этапе развития техники и философии можно только пуститься в пространные мечтания о том, что ИИ когда-нибудь будет позволено развиваться до «искусственного интеллекта морально-личностного уровня» и обрести характеристики, позволяющие ему нести ответственность в привычном для человека понимании [17, с. 39]. Или нужно ждать реформы представлений об ответственности в рамках этики, при которых восстановление нарушенной справедливости (причиненные кому-либо страдания) не будет требовать эмоциональных переживаний от нарушившего моральные установки актора.

На данном этапе стоит признать, что вышеобозначенные ограничения для ИИ в совокупности с предъявляемыми к нему требованиями не позволяют признать ИИ в качестве искусственного морального агента. С другой стороны, неоспоримый факт, что ИИ уже вошел в пространство моральной коммуникации и оперирует ограниченным набором инструментов относительно самостоятельно, позволяет обозначить данный тип программного обеспечения как квазиморального агента¹.

Заключение. На основании анализа ряда исследований о моральной агентности и ее характеристик можно вывести ряд требований к моральному агенту:

- возможность соответствовать предъявляемым другими моральными агентами нравственным требованиям;
- наличие представлений о нравственных нормах (вопрос о самостоятельности выбора данных представлений решается исследователями неоднозначно);
- интенциональность или способность независимо от других моральных агентов определять цели своих поступков;
- автономность: способность самостоятельно осуществлять нравственные действия;

¹ Приставка «квази-» в данном случае используется как имеющая смысл внешнего сходства, но не соответствующая сути понятия.

– ответственность: способность нести ответственность за последствия совершенных действий.

Исходя из этого приходится признать, что на данном этапе научного прогресса моральным агентом в полном смысле этого слова можно признать исключительно взрослого (достигшего совершеннолетия) человека. Полноценный моральный агент может осуществлять весь спектр нравственных отношений и нести ответственность за собственные поступки. Ограниченными моральными агентами можно признать субъектов, которые включены в нравственные отношения, являются нравственными объектами (обладают специфической нравственной ценностью) и несут ответственность в ограниченных пределах перед конкретными лицами. Несмотря на то, что в значительной части нравственных конфликтов ответственные лица несут ответственность не только за свои поступки, но и за действия своих подопечных – ограниченных моральных агентов, представляется крайне важным наличие собственной зоны ответственности для ограниченных моральных агентов. Это позволяет определять их как акторов нравственных отношений, определять их роль в ситуации нравственных конфликтов и моральных дилемм. Статус морального агента позволяет наделить человека не только обязанностями перед другими моральными агентами, но и особой нравственной ценностью. В качестве перспектив исследования предполагается изучение специфического морального статуса ограниченных моральных агентов, а именно – более значимой нравственной ценности при меньшей зоне моральной ответственности.

Существенные ограничения, накладываемые на искусственный интеллект в рамках осуществления коммуникации с моральными агентами, не позволяют сейчас признать его моральным агентом (в том числе искусственным моральным агентом). На данный момент предлагается определить статус ИИ как квазиморальный агент, смотреть на него как на актора, которому приписывается ряд нормативных установок, а также налагаются конкретные требования в рамках осуществления взаимодействия с моральными агентами.

Выделение данных групп представляется достаточно принципиальным для определения моральной агентности как самостоятельного термина. Кроме того, что выделение данных групп позволяет выстроить границы морального агента в связи с возможностью нести ответственность, определение ограниченного морального агента и квазиморального агента позволяет на конкретных примерах продемонстрировать значительную роль «трансмиссии» нравственных установок конкретных нравственных систем для морального агента и на этом основании провести различие между моральным агентом и моральным субъектом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Agent // Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/agent> (дата обращения: 30.01.2023).
2. Агент // Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-192-1.htm#zag-256> (дата обращения: 30.01.2023).
3. Moral agents // Routledge Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/moral-agents/v-1> (дата обращения: 30.01.2023).
4. Macmurray J. Agent and Subject // *The Self as Agent*. London: Faber and Faber, 1957. P. 84–103.
5. Taylor A. *Animals and Ethics: an Overview of the Philosophical Debate*. NY: Broadview Press, 2003.

6. Rowlands M. Can Animals Be Moral? // ResearchGate 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/266282339_Can_Animals_Be_Moral (дата обращения: 30.01.2023). DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199842001.001.0001.

7. Этика и метафизика моральной ответственности / Е. В. Логинов, М. В. Гаврилов, А. В. Мерцалов, А. Т. Юнусов // Этическая мысль. 2021. Т. 21, № 2. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-21-2-5-17>.

8. Прологомены к моральной ответственности / Е. В. Логинов, М. В. Гаврилов, А. В. Мерцалов, А. Т. Юнусов // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.

9. Sullins J. P. When is a robot a moral agent? // Intern. Review of Information Ethics. 2006. Vol. 6. P. 23–30. DOI: <https://doi.org/10.29173/irie136>.

10. McLeod S. A. Kohlberg's stages of moral development // Simply Psychology. URL: www.simplypsychology.org/kohlberg.html (дата обращения: 30.10.2022).

11. Nothing, Forever: the rise and fall of the first AI-generated sitcom // Dazed. 08.02.2023. URL: <https://www.dazeddigital.com/life-culture/article/58132/1/the-swift-rise-and-fall-of-ai-seinfeld-show-nothing-forever-transphobia-gpt3> (дата обращения: 20.02.2023).

12. Vincent J. Twitter taught Microsoft's AI chatbot to be a racist asshole in less than a day // Theverge. 24.03.2016. URL: <https://www.theverge.com/2016/3/24/11297050/tay-microsoft-chatbot-racist> (дата обращения: 20.02.2023).

13. Silva Ch. It took just one weekend for Meta's new AI Chatbot to become racist // Mashable. 08.08.2022. URL: <https://mashable.com/article/meta-facebook-ai-chatbot-racism-donald-trump> (дата обращения: 20.02.2023).

14. Weinberg J. Philosophers on Chat-GPT (updated with replies by GPT-3) // Daily Nous. 30.07.2020. URL: <https://dailynous.com/2020/07/30/philosophers-gpt-3/> (дата обращения: 30.01.2023).

15. Сёрл Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.

16. Сёрл Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

17. Андреева Е. В. Проблемы установления моральных взаимоотношений с искусственным агентом: магист. дис. / Урал. гуманит. ин-т, Екатеринбург, 2018.

Информация об авторах.

Глебова Софья Валерьевна – кандидат философских наук (2022), ассистент кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: этика, прикладная этика, этическая экспертиза, культура повседневности.

Перова Нина Вадимовна – инженер-исследователь Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: этика, прикладная этика, биоэтика, этика цифровых технологий.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.05.2023; принята после рецензирования 20.06.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.

REFERENCES

1. "Agent", *Oxford Learner's Dictionaries*, available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/agent> (accessed 30.01.2022).

2. "Agent" (2010), *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-192-1.htm#zag-256> (accessed 30.01.2022).

3. "Moral agents", *Routledge Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/moral-agents/v-1> (accessed 30.01.2022).
4. Macmurray, J. (1957), "Agent and Subject", *The Self as Agent*, Faber and Faber, London, UK, pp. 84–103.
5. Taylor, A. (2003), *Animals and Ethics: an Overview of the Philosophical Debate*, Broadview Press, NY, USA.
6. Rowlands, M. (2012), "Can Animals Be Moral?", *ResearchGate*, available at: https://www.researchgate.net/publication/266282339_Can_Animals_Be_Moral (accessed 30.01.2022). DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199842001.001.0001.
7. Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. and Iunusov, A.T. (2021), "Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility", *Ethical Thought*, vol. 21, no. 2, pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-21-2-5-17>.
8. Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. and Iunusov, A.T. (2020), "Prolegomena to moral responsibility", *Date Palm Compote*, no. 15, pp. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.
9. Sullins, J.P. (2006), "When is a robot a moral agent?", *International Review of Information Ethics*, vol. 6, pp. 23–30. DOI: <https://doi.org/10.29173/irie136>.
10. McLeod, S.A., "Kohlberg's stages of moral development", *Simply Psychology*, available at: www.simplypsychology.org/kohlberg.html (accessed 30.10.2022).
11. "Nothing, Forever: the rise and fall of the first AI-generated sitcom", *Dazed*, 08.02.2023, available at: <https://www.dazeddigital.com/life-culture/article/58132/1/the-swift-rise-and-fall-of-ai-seinfeld-show-nothing-forever-transphobia-gpt3> (accessed 20.02.2023).
12. Vincent, J. (2016), "Twitter taught Microsoft's AI chatbot to be a racist asshole in less than a day", *Theverge*, 24.03.2016, available at: <https://www.theverge.com/2016/3/24/11297050/tay-microsoft-chatbot-racist> (accessed 20.02.2023).
13. Silva, Ch. (2022), "It took just one weekend for Meta's new AI Chatbot to become racist", *Mashable*, 08.08.2022, available at: <https://mashable.com/article/meta-facebook-ai-chatbot-racism-donald-trump> (accessed 20.02.2023).
14. Weinberg, J. (2020), "Philosophers on Chat-GPT (updated with replies by GPT-3)", *Daily Nous*, 30.07.2020, available at: <https://dailynous.com/2020/07/30/philosophers-gpt-3/> (accessed 30.01.2023).
15. Searle, Jo. (2002), *A Re-Discovery of the Mind*, Transl. by Gryaznov, A.F., Ideya-Press, Moscow, RUS.
16. Searle, Jo. (2004), *Rationality in Action*, Transl. by Kolodiya, A. and Rumyantseva, E., Progress-Tradiciya, Moscow, RUS.
17. Andreeva, E.V. (2018), "Problems of establishing moral relationships with an artificial agent", Master's dissertation, Ural. Humanit. In-t, Yekaterinburg, RUS.

Information about the authors.

Sofia V. Glebova – Can. Sci. (Philosophy, 2022), Assistant at the Department of Russian Philosophy and Culture, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: ethics, applied ethics, ethical expertise, everyday culture.

Nina V. Perova – Researcher at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: ethics, applied ethics, bioethics, ethics of digital technologies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 02.05.2023; adopted after review 20.06.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 16; 172.1; 172.3, 172.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60>

Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий в 1990–1994 гг.

Василий Анатольевич Миронов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
mironov@mail2000.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5535-3899>*

В статье рассматривается проблема этической оценки ликвидации ГДР как государственной структуры и ее интеграции в политическое и экономическое пространство ФРГ. Согласно ряду исторических и социологических источников, «воссоединение» стало не причиной поиска и нахождения общего языка между западными и восточными немцами, а наоборот, причинами раздора и глубокого взаимного недоверия и отторжения. На этом основании в работе анализируются взгляды обеих сторон, а также проводится философская рефлексия над ценностными основаниями (этическими аксиомами) ключевых оценочных позиций как восточных, так и западных немцев в отношении действий западногерманского правительства, условий заключения валютного союза двух Германий, а также в отношении приватизаций восточногерманских предприятий.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, ФРГ, объединение Германии, воссоединение, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика, этика, мораль, этические аксиомы

Для цитирования: Миронов В. А. Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий в 1990–1994 гг. // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 41–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60.

Original paper

Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies in 1990–1994¹

Vasiliy A. Mironov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
mironov@mail2000.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5535-3899>*

The article deals with the problem of ethical assessment of the liquidation of the GDR as a state structure and its integration into the political and economic space of the FRG. According to a number of historical and sociological sources, “reunification” was not the reason for the search and finding of a common language between West and East Germans, but, on the

© Миронов В. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹ Название «Благими намерениями рынка...» переведено на английский как «Seeing Like a Market...» намеренно, так как это отсылка к книге Дж. Скотта «Seeing Like a State». Ее перевод на русский звучит как «Благими намерениями государства», в ней критикуются государственные инициативы по улучшению жизни общества.

contrary, the reasons for discord and deep mutual distrust and rejection. On this basis, the work analyzes the views of both sides, and also conducts a philosophical reflection on the value bases (ethical axioms) of the key evaluative positions of both East and West Germans regarding the actions of the West German government, the conditions for concluding a monetary union of the two Germanys, as well as in relation to privatizations East German companies.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, DDR, German unification, Wiedervereinigung, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy, ethics, morality, ethical axioms

For citation: Mironov, V.A. (2023), "Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies in 1990–1994", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 41–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60 (Russia).

На сегодняшний день споры о социалистическом прошлом, переходном периоде от социализма к капитализму, а также о настоящем капитализма в постсоциалистических странах не просто не утихают, но набирают все большую остроту. В связи с этим главной целью данного исследования является поиск методологии этической оценки действий политических сил во время радикального политического и экономического переустройства. Учитывая то, что каждый случай радикального переустройства общества разный и порой даже уникальный, в рамках данного исследования в качестве эмпирического материала для философских размышлений была взята история, касающаяся ликвидации ГДР как государственной структуры и вхождения ее территорий и экономики в состав Западной Германии – ФРГ. В качестве исторических источников использовано интервью [1, 2] Маркуса Бьёика, автора фундаментального труда о приватизации восточногерманских предприятий «Тройханд. Идеи. Практика. Опыт 1990–1994» [3]; работа Фрица Вилмара «Обратная сторона объединения Германии» [4] и др.

Данная работа проводилась в три этапа.

1. На первом этапе на основе работы «Логика нарративных возможностей» Клода Бремона [5] события по «воссоединению» (*Wiedervereinigung*) Германии схематично представлены по схеме «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии». Рассмотрение данной точки зрения необходимо для представления позиции восточных немцев, которая является отправной точкой проблематизации интегрирования восточной Германии в новую политическую и экономическую систему. Без понимания сути претензий восточных немцев к политике, которую проводили политики Западной Германии по отношению к Восточной Германии, невозможно понять истоки конфликта.

2. На втором этапе произведен аксиоматический анализ ключевых оценочных и ценностных позиций правительства ФРГ и бывших сотрудников Тройханданштальт, Тройханд (*die Treuhandanstalt, Treuhand*) – организации, занимавшейся процессом приватизации всех восточногерманских предприятий после ликвидации ГДР как государственной структуры. Иными словами, проведен аксиоматический анализ оценочных позиций, противоположных позиции, выраженной в схеме «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии».

3. На третьем этапе проведена *инверсионная трактовка* событий (где субъекты – ФРГ и ГДР – меняются местами) в целях проверки корректности примененной схемы «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии».

Схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» Клода Бремона и ее применение к трактовке событий по «воссоединению» ФРГ и ГДР.

Статья Клода Бремона «Логика нарративных возможностей» представляет собой в некотором смысле пособие по тому, как нужно писать художественное повествование и как оно может быть написано. Как считает сам Бремон, нарративные структуры берутся не из фантазии автора повествования, а из повседневного житейского опыта, структуры которого понятны всем: «Элементарным нарративным типам соответствуют наиболее общие формы человеческого поведения. Задача, договоренность, ошибка, ловушка и т. д. – это универсальные категории. Сеть их внутренних артикуляций и их взаимных отношений априори определяет поле возможного опыта» [5, с. 406]. Учитывая, что нарративные структуры являются схемами возможного человеческого опыта, представим взаимоотношения, складывавшиеся между Западной и Восточной Германией в 1980–1990-х гг., в рамках универсальной схемы К. Бремона «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» [5, с. 398] (см. схему – с. 44).

Несомненно, данная схема является существенным упрощением сложных, многогранных и многоуровневых событий. Однако при этом она является, выражаясь в терминологии Хайдеггера и Гадамера, первым предварительным наброском понимания интересующих нас событий. Согласно герменевтической традиции XX в. невозможно подойти к исследованию объекта с нейтральной стороны, ибо даже сама нейтральность уже является определенным ракурсом рассмотрения. А если это так, то, на наш взгляд, нужно исходить не из нейтральной позиции, а из той позиции, которая помогла бы раскрыть наибольшее количество проблемных и важных моментов в исследуемом историческом событии или периоде. И в качестве такой изначальной позиции была выбрана вышеуказанная схема Бремона, примененная к интересующей нас ситуации – интеграции ГДР в политическое и экономическое пространство ФРГ.

При выборе и построении данной схемы мы исходили из следующих первоначальных допущений и точек зрения. Во-первых, при построении схемы была принята за основу следующая позиция восточных немцев: «Эта аннексия была обманом, а для многих бывших граждан ГДР – прекрасным самообманом» [6]. Данное суждение опубликовано в рамках статьи под названием «Аннексия ГДР» (Die Annexion der DDR) без указания авторства на сайте организации «Свободная немецкая молодежь» (Freie Deutsche Jugend, FDJ)¹. О разочаровании восточных немцев от «объединения» также упоминает и немецкий историк Маркус Бьёик: «Для многих восточных немцев Тройханд является символом того, что процессы объединения двух Германий после 1990 г. не оправдали их надежд и ожиданий» [1, с. 45]. Поэтому мы исходили из предположения, что позиция об «обмане восточных немцев западными немцами» разделяет если не большинство, то значительное число восточных немцев, особенно старшего поколения. Во-вторых, данная схема построена с позиций историка, а не очевидца, т. е. уже после свершившихся событий, и претендует на отражение ключевых этапов по разрушению ГДР как политического и социально-экономического субъекта. В-третьих, при построении данной схемы мы представляли обе Германии как отдельные, целостные и самостоятельные субъекты, оставляя за скобками политические конфликты элитарных групп внутри как Западной, так и Восточной Германии.

¹ «Свободная немецкая молодежь» – молодежная организация, во времена ГДР была аналогом советского комсомола, но в отличие от последнего сегодня еще функционирует, хотя и в довольно усеченном виде. Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий... 43
Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies...

Первый этап

Точка зрения агрессора-обманщика – ФРГ:

- ✓ Нужно устранить противника – ГДР:
 - ГДР нужно заманить в ловушку:
 - Нужно убедить восточных немцев, что им будет лучше при капитализме и «демократии».
 - Пропаганда легкой и богатой жизни в Западной Германии.
 - Обман совершен. Восточные немцы поверили обману.

Второй этап

Точка зрения жертвы обмана и агрессии:

- ✓ Ошибка стала возможной. Возникла идея интеграции в пространство ФРГ.
- ✓ Процесс совершения ошибки: массовые митинги и демонстрации против властей ГДР и за «демократию».
- ✓ Ошибка совершена: падение Берлинской стены, валютный союз, ликвидация ГДР как государственной структуры.

Третий этап

На этом этапе агрессор-обманщик раскрывается и становится просто агрессором:

- ✓ Шанс ухватиться за ошибку. Шанс, пока восточные немцы не поняли, что все это было обманом, уничтожить альтернативную Германию (ГДР) как политического и экономического конкурента.
- ✓ Воспользоваться шансом. Интеграция Восточной Германии в правовое поле ФРГ:
 - Ущерб, который нужно нанести:
 - Ликвидировать госструктуры ГДР.
 - Провести невыгодный для ГДР валютный союз.
 - Приватизировать собственность ГДР, тем самым уничтожить экономику и культурную жизнь страны.
 - Процесс агрессии:
 - Ликвидация государственности ГДР.
 - Заключение валютного союза.
 - Ликвидация ГДР как политического и экономического субъекта.
 - Запуск в работу Тройханда (уничтожение экономики Восточной Германии и большинства ее социально-культурных институтов).
- ✓ Шанс использован. ГДР уничтожена как политический, экономический и культурный субъект:
- ✓ Ущерб нанесен. Агрессия удалась:
 - ГДР ликвидирована (экономика, культурная жизнь и социальные службы ГДР уничтожены).

Четвертый этап (происходит синхронно с третьим)

Точка зрения агрессора:

- ✓ Процесс улучшения для ФРГ. Вливание новых денег в экономику ФРГ от приватизации и распродажи предприятий бывшей ГДР.
- ✓ Противник устранен, ГДР уничтожена.

*Схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии»
The Schema “Aggressor/Victim of Trap and Aggression”*

Схематичное представление ФРГ и ГДР как самостоятельных и цельных субъектов также указывает на то, что действия ФРГ в качестве политического, экономического и культурного субъекта определены в указанной выше схеме как активные, доминирующие

и целенаправленные. Необходимость рассмотрения действий ФРГ как более активного субъекта во взаимоотношениях двух Германий возникает, с одной стороны, вследствие того, что представители ФРГ доминировали в политике и экономике после ликвидации ГДР как государственной структуры. К тому же восточные немцы были отстранены от принятия жизненно важных решений, касающихся не только политической, но и экономической жизни Восточной Германии. Маркус Бьёик утверждает, что после того как Восточная Германия перешла под юрисдикцию ФРГ, «западная сторона сказала, что как-то надо организовать процесс передачи собственности ГДР, но под это отдельное министерство создаваться точно не будет. Также нежелательно было все оставлять на откуп “новым землям”¹, ведь там предприятия каким-то образом еще на тот момент продолжали свою работу и, скорее всего, старые генеральные директора попытаются остаться на своих местах и стать предпринимателями. А это для западногерманского правительства было недопустимо. Было сказано: мы не просто приберем к рукам ваше попечительское учреждение – Тройханд, но и посадим туда на руководящие должности опытных западногерманских руководителей из числа менеджеров и предпринимателей. Никаких бюрократов и политиков там не должно быть, нам нужны только опытные рыночные экономисты» [1, с. 53]. В связи с тем, что, как пишет Бьёик, «социалистические предприятия помимо всего прочего выполняли перед населением еще и важнейшие культурные и социальные задачи» [1, с. 51], при отстранении восточных немцев от принятия решений, касающихся судьбы социалистических предприятий, население бывшей ГДР также было отстранено и от принятия решений в отношении культурных и социальных учреждений. Следовательно, восточные немцы после выборов и победы на них команды Гельмута Коля в марте 1990 г. уже никак не могли повлиять на решения западногерманского правительства в сфере политики, экономики и культурной жизни Восточной Германии. Доминирование западных немцев на только что присоединенных «новых землях» в 1990-х гг. является общепризнанным фактом, который не отрицает ни та, ни другая сторона.

Если исходить из допущения, что ФРГ проявляла себя как цельный, активный и доминирующий субъект, то необходимо допустить наличие у руководства ФРГ определенной и осмысленной цели. Сложно представить, что все действия Федерального правительства Германии в отношении «новых земель» были спонтанны, случайны и необдуманно. Такое допущение мы отвергаем. Следовательно, стоит допустить, что действия руководства Западной Германии были обдуманно и имели определенное целеполагание. И здесь необходимо снова обратиться к работе Бремона, который пишет, что всякое осмысленное действие субъекта имеет цель и «независимо от того, желаем мы этого или опасаемся их [действующих лиц – *В.М.*], цель управляет порядком действий, которые следуют друг за другом и образуют иерархии и дихотомии в соответствии с нерушимым порядком. Когда человек в реальной жизни составляет план, исследует в уме возможное развитие ситуации, размышляет о предпринятых действиях, вспоминает этапы прошлого события, он формирует первые повествования, которые мы можем себе представить» [5, с. 406]. Иными словами, придание доминирующему и активному субъекту цели позволяет связать воедино

¹ «Новыми землями» называлась территория Восточной Германии, которая полностью перешла под юрисдикцию ФРГ после ликвидации ГДР как государственной структуры.

все его действия. Об этом Бремон пишет следующее: «У рассказчика, который хочет упорядочить хронологическую последовательность событий, о которых он рассказывает, придать им смысл, нет другого выхода, кроме как связать их вместе в единстве действия, направленного к цели» [5, с. 406].

Следовательно, для того чтобы история приватизации восточногерманских предприятий могла уложиться в единый и цельный рассказ, историку придется прибегнуть к надделению ключевых субъектов определенным целеполаганием, даже если у историка нет достаточных оснований для этого. Наделение субъекта определенным целеполаганием тем самым является средством раскрытия логики исследуемых событий. При этом историку нужно иметь в виду, что в процессе исследования могут вскрываться факты, меняющие представление о мотивах субъектов и их целеполагании. Но, несмотря на это, с чего-то историку надо начинать свое исследование. И в самом начале, на наш взгляд, вполне допустимо такие сложные и неоднородные субъекты, как государства, наделять цельной субъектностью и единым целеполаганием. Например, представленная схема предлагает рассматривать события приватизации в историческом контексте, где цель Западной Германии (ФРГ) – посредством обмана уничтожить своего политического, культурного и в некоторых областях экономического конкурента – Германскую Демократическую Республику. К тому же наделение таким целеполаганием Федеративной Республики Германии указывает на важность анализа событий до валютного союза, а также до ликвидации ГДР как государственной структуры и до проведения приватизации на территории Восточной Германии. Иными словами, целеполагание ФРГ указывает на более глубокие и более ранние причины развернувшихся драматических событий для восточных немцев после «объединения» (*Wiedervereinigung*). Кроме того, указанная схема отношений ФРГ и ГДР претендует на некоторую целостность и, следовательно, помогает хотя бы при первом приближении понять суть проблемы, суть конфликта Востока и Запада Германии.

Точка зрения обманутого и трактовка его ошибочных действий.

В системе отношений «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» позиция обманутого не менее значительна, чем позиция обманщика. Здесь стоит обратить внимание на некоторые базовые характеристики ошибочных действий, которые приводит К. Бремон: «Процесс ошибки можно охарактеризовать как задачу, выполняемую в обратном порядке: поскольку его [агента – *В.М.*] вынуждают ошибаться, агент приводит в действие средства, необходимые для достижения результата, противоположного собственной цели, или для уничтожения преимуществ, которые он хочет сохранить. По мере выполнения этой обратной задачи вредные процессы рассматриваются как средства [необходимые для достижения цели – *В.М.*], в то время как правила, принятые для получения или сохранения преимущества, рассматриваются как препятствия» [5, с. 401]. В нашем случае, опираясь на предложенную схему «обманщика-агрессора/жертвы агрессии и обмана», шаги Восточной Германии в сторону интеграции с Западной Германией можно отнести к ошибочным оценкам и решениям. Такими «шагами» можно назвать «понеделничные демонстрации» в Лейпциге, а также демонстрации в других городах против руководства ГДР и за объединение двух Германий, а также за валютный союз, при котором марка ГДР будет заменена на марку ФРГ. Фриц Вилмар пишет о тех событиях следующее: «Согласно опросам, эконо-

мический подъем и быстрая валютно-кредитная реформа были одними из главных вопросов, которые волновали восточных немцев, и три четверти населения были проникнуты идеей объединения. Эти же вопросы поднимались и звучали в рамках лозунгов на понедельничных демонстрациях в Лейпциге: вопрос объединения, валютный вопрос, вопросы продуктов питания и рыночной экономики. Посыл был четким: “Западную немецкую марку (Deutsche Mark), немедленно!” или “Если марка не придет к нам, мы придем к ней!”» [4, с. 22]. Считалось также, что такие лозунги, как «Wir sind das Volk» («Мы – народ», в смысле «мы здесь власть, и мы против политического руководства страны»), и «Wir sind ein Volk» («Мы – один народ», т. е. «Мы выступаем за объединение двух Германий») выражали мнение большинства. Вилмар также об этом пишет: «В начале 1990 года произошел политический перелом, в результате которого возникло консервативное народное движение, которое уничтожило все идеи [о постепенной интеграции Восточной Германии в рыночную систему ФРГ – В.М.]. Волеизъявление большинства в стране или лозунг протестующих “Wir sind das Volk” уступил место лозунгу “Wir sind ein Volk”» [4, с. 16].

На сегодняшний день существует довольно большое количество документальных фильмов, где используются одни и те же кадры кинохроники, на которых восточные немцы с радостью крушат Берлинскую стену в ноябре 1989 г., а также кадры радости молодых восточных немцев по поводу валютного союза от 1 июля 1990 г. Подобные кадры можно увидеть в документальном фильме 2012 г. «Goldrausch: die Geschichte der Treuhand» («Золотая лихорадка: история Тройханда») режиссера Дирка Лаабса (Dirk Laabs).

В рамках выбранной нами схемы реакции восточногерманского населения в виде протестов против правительства ГДР, а также радости от крушения Берлинской стены и заключения валютного союза двух Германий можно трактовать в «обратном порядке», так как в соответствии с нашей гипотезой (схемой) это были действия обманутого (обманутых). Если считать, что восточные немцы были обмануты, то вполне естественно, что они воспринимали пагубные для страны действия и решения как правильные и полезные. В свою очередь, при такой «обратной» мировоззренческой установке, если следовать идеям Бремона, все действия, направленные на препятствие интеграционным процессам, должны были восприниматься и воспринимались обманутыми восточными немцами и их «союзниками» (западногерманским правительством) как враждебные: «В этой ситуации к союзнику, который воплощает правильное решение, относятся как к противнику, а к противнику, который помогает не допустить правильное решение, относятся как к союзнику» [5, с. 402].

И это, действительно, было так: СМИ и государственные органы Западной Германии, выставляли сторонников сохранения ГДР как государства «врагами демократии и прав человека». Например, такими «врагами» стали первые лица Германской Демократической Республики, включая первого (генерального) секретаря ЦК СЕПГ ГДР Эриха Хонеккера, которого еще в 1987 г. западногерманское правительство принимало как легитимного руководителя признанной на международном уровне страны: «В 1987 году канцлер Гельмут Коль организовал прием Эрику Хонеккеру со всеми почестями, полагающимися главам государств» [4, с. 11]. Но уже через четыре года в ноябре 1990 г. на тот момент уже бывший глава ГДР был подвергнут уголовному преследованию со стороны западногерманских

правоохранительных органов [7] за закон от 1961 г., по которому пограничники ГДР могли стрелять в нарушителей границ и в итоге приводили в исполнение такой приказ в отношении граждан ГДР, пытавшихся нарушить государственную границу и убежать из Восточного Берлина в Западный. Также в новой Германии вне закона оказалось Министерство государственной безопасности ГДР (Ministerium für Staatssicherheit), значительная часть сотрудников которого, включая пограничников, подверглась уголовному преследованию. Члены Социалистической Единой Партии Германии подверглись люстрации – запрету на право занимать государственные посты и должности.

Осознание всей пагубности того типа интеграции, которое было проведено западно-германским правительством, бывшим гражданам ГДР пришлось только вместе с тяжелейшими экономическими и социальными потрясениями. Например, помимо люстрации и уголовного преследования государственных деятелей ГДР, а также тотальной безработицы, восточные немцы столкнулись еще и с тем, что их профессиональное образование и стаж, полученный в ГДР, никак не учитывались в новой Германии. На этот счет стоит привести слова Маркуса Бьёика: «Если все выразить в двух словах, то резкое крушение социализма обесценило все, что было до объединения... Прежние заслуги, прежний опыт работы стали никому не нужны в новой объединенной Германии» [1, с. 51–52]. Иными словами, даже при переезде восточных немцев в Западную Германию им было сложно найти работу, но даже если это и удавалось, то заработная плата была у них значительно ниже, чем у западных за ту же работу. Стоит отметить, что самыми уязвимыми в этой ситуации оказались восточногерманские женщины. Как отмечает Ф. Вилмар: «Женщины особенно сильно пострадали от объединения как на профессиональном, так и на личном уровне. Например, их психическая дезориентация нашла свое отражение в экстремальной реакции: чтобы увеличить свои шансы на возвращение к трудовой деятельности, многие из них добровольно проходили процедуру стерилизации. Для сравнения, за 1989 год Магдебургская больница провела восемь стерилизаций, тогда как в 1991 году их число возросло уже до 1200, в Восточном Берлине число стерилизаций увеличилось в семь раз в период с 1989 по 1992 год» [4, с. 173–174].

После того, как восточные немцы массово осознали, что же на самом деле с ними произошло, произошла и глубокая переоценка того «рыночного рая», в который они стремились. Рабочие закрываемых предприятий массово выходили на протесты, и, как показано в документальном фильме «Goldrausch: die Geschichte der Treuhand», дело даже доходило до погромов и пожаров. В своем интервью Маркус Бьёик рассказывает и о том, как восточные немцы пытались сопротивляться бескомпромиссной приватизации, проводимой Тройхандом: «Конечно, это коснулось и меня, я хоть и обрывисто, но все-таки помню, как люди агрессивно спорили и выходили на протесты по поводу закрытия большого завода в моем родном городе Хеттштедте. Конфронтация шла, как и полагается, еще и в средствах массовой информации. Например, в коммуне Бишоффероде летом 1993 г. был большой голод, вернее, голод был не столько большим, сколько громким из-за начавшейся там массовой голодной забастовки, прогремевшей тогда на весь мир. Забастовку организовали шахтеры предприятия по добыче калия» [1, с. 46].

Нетрудно заметить, что драматические события 1990–1994 гг. в Восточной Германии, почти никак не освещались и не освещаются центральными СМИ ни в самой Германии, ни

в постсоветской России, где проблема приватизации социалистических предприятий также близка населению. Однако такая недосказанность не только не решает проблему, но и в некотором смысле придает ей «хронический» характер с периодическими фазами обострения. Например, одно из таких «обострений» произошло совсем недавно. Об этом можно судить по интервью М. Бьёика, в котором он обращает внимание на то, что приватизация восточногерманских предприятий в современной Германии с недавних пор снова стала темой жарких дискуссий в публичной сфере: «С 2015 года интерес к этой теме, я бы сказал, начал просто зашкаливать. А в 2018 и в 2019 году прошли особенно острые и интенсивные дискуссии на всех уровнях, в которых приняли активное участие политики, ученые, журналисты и представители искусства» [2]. Далее постараемся проанализировать самые популярные, на наш взгляд, оценочные позиции в отношении приватизации восточногерманских предприятий в период с 1990 по 1994 г.

Аксиоматический анализ оценочных этических позиций в отношении приватизации в Восточной Германии 1990–1994 гг.

Приступая к философско-методологическому анализу этических позиций в политике, на наш взгляд, нельзя не учитывать идеи Аласдера Макинтайра, выраженные в его книге «После добродетели». В ней автор утверждает, что незавершенность и неразрешимость политических дебатов кроется в незавершенности и неразрешимости этически ценностных позиций: «Моральная философия, как она повсеместно понимается, отражает дебаты и разногласия культуры столь верно, что ее противоречия оказываются неразрешимыми точно так же, как неразрешимы сами политические и моральные дебаты» [8, с. 340]. Причем, согласно Макинтайру, моральные и политические противоречия неразрешимы не вследствие того, что в спорах «присутствует неудовлетворительный личностный произвол» [8, с. 14], а в силу того, что даже логически выверенные этические позиции зачастую строятся на несопоставимых изначальных основаниях (логических посылах). Макинтайр по этому поводу пишет: «От конкурирующих заключений мы можем перейти к конкурирующим посылам, но на уровне одних лишь посылок исчезает аргумент, и сопоставление посылок становится просто сопоставлением утверждения и контрутверждения. Вероятно, по этой причине моральные дебаты ведутся в таком настойчивом тоне» [8, с. 14].

Этические ценности, выступающие в качестве изначальных логических посылок, из которых выстраивается целостная этическая позиция, будем называть *этическими аксиомами*. Иными словами, этической аксиомой будет нами именоваться та основополагающая ценность, которая принимается без доказательств и не может быть подвергнута серьезному пересмотру либо отмене. В связи с этим можно выделить как минимум два типа этических аксиом. Первый тип – это умозрительные аксиомы, которые могут быть реализованы на практике, но при этом могут не приниматься людьми или отдельным человеком в качестве ключевой основы мировоззрения. К такому типу этических аксиом можно отнести верховенство государственной (общественной) собственности на средства производства. Несомненно, в соцстранах было большое количество людей, которые могли принимать такую аксиому как культурно имманентную, однако, на наш взгляд, такая «социалистическая аксиома» не успела стать культурно имманентной аксиомой для подавляющего большинства населения в странах социалистического лагеря.

Второй тип этических аксиом – это культурно имманентные этические аксиомы, которые люди могут рационально даже не осознавать, но при этом такие аксиомы могут быть фундаментом мировоззрения человека. Вероятно, когда Макинтайр утверждает, что моральные противоречия неразрешимы, скорее всего, он указывает на то, что иррационально принятые этические аксиомы не могут быть никак опровергнуты в процессе дискуссии. Примером такого типа аксиомы может являться верховенство и безусловная ценность частной собственности¹ (*private property*), причем частной в англо-американском смысле, где в частную сферу могут входить как личные отношения в семье, так и владение транснациональным бизнесом с многотысячным штатом сотрудников.

Стоит также отметить, что этические аксиомы могут и не быть привязаны к какому-либо типу собственности, поэтому можно предположить, что этической аксиоматической ценностью может выступать духовное и (или) материальное благополучие человека. И подобные аксиомы благополучия, на наш взгляд, могут быть как культурно имманентными, так и умозрительными. Вряд ли когда-либо получится составить конечный список типов аксиом, поэтому ограничимся лишь тремя и перейдем к аксиоматическому анализу высказываний, касающихся процесса и результатов приватизации в Восточной Германии.

Этическая позиция № 1. «Восточные немцы сами хотели капитализма».

Первую этическую позицию, которая не теряет своей популярности в западной Германии, можно сформулировать следующим образом: «Восточные немцы сами хотели капитализма и получили его». С таким высказыванием в некотором смысле солидарен и Маркус Бьёик: «Самое трагичное здесь то, что восточные немцы сами захотели строить капитализм. Они сделали выбор, проголосовав подавляющим большинством на выборах в Народную палату ГДР за те партии, которые были за объединение с ФРГ» [2]. На первый взгляд, может показаться, что *ossi* (восточные немцы) действительно сами ходили на демонстрации и выражали свое позицию как на улицах, так и на выборах в пользу интеграции с ФРГ. Однако, если вдуматься в смысл данного высказывания, то можно обнаружить, что оно содержит в себе нарушение логического закона тождества, согласно которому значение понятий и высказываний не должно меняться в процессе логической операции. Иными словами, восточные немцы хотели капитализма с обещанным Гельмутом Колем процветанием («*blühende Landschaften*»), а не капитализма с тотальной безработицей и поражением в правах восточногерманского населения сразу же после объединения. Стоит привести контраргумент на это высказывание одного из восточных немцев из уже упоминавшейся статьи «Аннексия ГДР» (*Die Annexion der DDR*): «Много людей из ФРГ говорят, что эту аннексию тем не менее сильно хотел сам народ ГДР. Мы не знаем таких, кто бы в едином порыве в 1989 году выходил на улицы и требовал: “Я хочу стать безработным! Я хочу участвовать в

¹ В отечественной традиции было принято разделять личную и частную собственность, где личная собственность – это то, что является необходимым для жизни каждого человека: одежда, личный транспорт в личных нуждах, жилище и т. д. Также к личной жизни относили личные отношения в семье, с друзьями и т. д. Тогда как частная собственность в нашей стране долгое время понималась как собственность на средства производства и все производственные отношения, в том числе отношения «начальник–подчиненный» трактовались как общественные отношения. Но в английском языке семантической разницы между личной и частной собственностью нет, и все это относится к *privacy* – частной жизни гражданина.

следующей войне!»¹ [6]. Это, в свою очередь, явно указывает на то, что восточные немцы не хотели такого капитализма, с которым они столкнулись в новой Германии.

Также стоит задаться вопросом: если действительно восточные немцы поверили Гельмуту Колю, то тогда из какой этической аксиомы они исходили при отказе от социализма и переходе в капитализм? Вероятно, такой этической аксиомой было благополучие и, возможно, в большей степени материальное благополучие вне зависимости от доминирования государственного (общественного) или частного типов собственности. Такая аксиома, разумеется, всегда неполна и требует дополнительных аксиом и правил, ведь в ней не оговариваются средства, пути и возможности достижения благополучия. Однако такой аксиомы придерживалось население Восточной Германии, и с такой аксиоматической ценностью необходимо считаться.

К тому же само высказывание *«восточные немцы сами хотели капитализма»*, несомненно, является, с одной стороны, обвинением восточных немцев в недальновидности или непоследовательности, с другой стороны – оправданием катастрофических для Восточной Германии рыночных преобразований после «объединения». Само это высказывание зиждется на аксиоматической ценности непогрешимости и, может быть, даже святости частной собственности на средства производства. Иными словами, согласно такому высказыванию, что бы ни было сделано во благо частной собственности, вне зависимости от последствий – это самый правильный путь общественного развития, который не может быть подвергнут критике.

Этическая позиция № 2. «Восточные немцы сами виноваты, что строили плановую экономику».

Вторую этическую позицию мы взяли из интервью М. Бьейка, где он указывает на то, как смотрели на приватизацию некоторые сотрудники Тройханданштальт, т. е. те, кто непосредственно занимался продажей восточногерманских предприятий западным инвесторам либо же их банкротством: «Все, что проходило через Тройханд, относилось в прошлом целиком и полностью к плановой экономике, и в этом уже виноваты Хонеккер и Миттаг, но, несмотря на это, было спасено хотя бы то, что еще можно было спасти» [2]. С одной стороны, упрек восточных немцев в том, что они строили плановую экономику, может показаться крайне слабым в том смысле, что ГДР относилась к советской зоне оккупации и, следовательно, восточные немцы не могли не выстраивать плановую экономику. Однако даже такая «защита» просто перекладывает ответственность с восточных немцев на советское руководство за построение планового хозяйства в стране. Здесь, на наш взгляд, стоило бы акцентировать внимание именно на том, что этот аргумент сформулирован не столько против плановой экономики, которая была выстроена в ГДР, а против плановой экономики вообще. Согласно данному высказыванию, плановая экономика, вне зависимости от способов и путей ее реализации, воспринималась западными политиками и экономистами как нежизнеспособная и убыточная модель: «Некоторые вопросы, касающиеся политического, экономического и социального устройства “альтернативного”

¹ Упоминание войны здесь приурочено к военным действиям НАТО в Югославии 1999 г. и последующей оккупации ее территории войсками НАТО, в состав которых также входили военнослужащие Бундесвера из Восточной Германии.

общества [социалистического общества ГДР – *В.М.*], по сей день остались без ответа. Отсутствие теоретических решений данных проблем дало западным экспертам основание полагать, что социалистическая модель является нежизнеспособной» [4, с. 14]. И здесь также необходимо определить наиболее вероятную этическую аксиому, исходя из которой, плановая экономика не просто не эффективна, но, возможно, даже и противоестественна. Такой аксиомой может являться лишь культурно имманентная аксиома о частной собственности на средства производства, которая, в свою очередь, является главной ценностью рыночной экономики. Как утверждает М. Бьёик, такое отношение к государственной плановой экономике соответствовало духу того времени, когда на капиталистическом Западе господствовала идеология неоллиберализма: «Государство тогда ассоциировалось с бюрократией, неэффективностью, громоздкостью и чрезмерной убыточностью. Тогда как гибкие рынки связывались, так сказать, с великой надеждой на светлое будущее» [1, с. 55]. На основании этого можно утверждать, что аксиома о верховенстве частной собственности и в данном высказывании является основополагающим аргументом, причем, можно даже сказать, радикальным аргументом, игнорирующим падение уровня жизни и социальные потрясения в Восточной Германии.

Этическая позиция № 3. «Альтернатив валютному союзу и приватизации не было».

Следующую позицию, оправдывающую социально-экономические потрясения в Восточной Германии, связанные с интеграцией с ФРГ, можно кратко выразить следующим образом: «Альтернатив валютному союзу не было» и «Альтернатив приватизации не было». Аргументом о безальтернативности валютного союза оправдывали свои действия западногерманские политики и чиновники: «Столкнувшись с катастрофическими последствиями поспешного валютного союза, чиновники утверждали, что это “безжалостная фатальность вынужденный ограничений” (“у нас не было выбора”))» [4, с. 30]. Сотрудники Тройханданштальта (организации, через которую осуществлялась приватизация восточногерманских предприятий), как утверждает М. Бьёик, также апеллировали к отсутствию альтернатив: «Сотрудники этого учреждения [Тройханданштальта – *В.М.*] говорили, что все было безальтернативно, что это был лучший из всех возможных в тех условиях вид мягкого кризис-менеджмента» [2].

Вообще всякое оценочное суждение в отношении тех или иных действий предполагает наличие альтернатив. Именно альтернативы дают основания оценить действие или бездействие. Ведь если все безальтернативно, то все предрешено, а если все предрешено, то никто не может изменить судьбу. Следовательно, никто не может быть ни осужден, ни награжден за свои действия в безальтернативной ситуации. Такой ход рассуждений в полной мере соотносится с метафизическим фатализмом. Однако вряд ли фатализм как метафизическая позиция сможет оправдать аморальный поступок или же преступление в повседневной жизни.

Поэтому, на наш взгляд, при рассмотрении позиций о «безальтернативности» необходимо обратиться к рассмотрению условного фатализма. Под условным фатализмом будем понимать действия, ограниченные заданными условиями, которые субъект в данный момент времени не может преодолеть. К такого рода фатализму можно отнести разного рода дилеммы, где человек должен выбрать из двух зол меньшее. Например, хирург, ампутируя

гангренозную конечность, «не может поступить иначе», хотя и приносит пациенту своими действиями боль и страдания, как телесные, так и душевные, так как иначе пациент умрет. В таких тяжелых случаях можно также сказать, что «альтернатив ампутации не было». Но альтернатив не было не в смысле метафизического фатализма, а в том смысле, что существовавшие в тех условиях альтернативы были гораздо хуже, чем деструктивные действия, которые произвел хирург в отношении больного.

Вероятно, аргументы «альтернатив валютному союзу не было» и «альтернатив приватизации не было» являются примерами такого условного фатализма. А это значит, что такие высказывания следует перефразировать. Высказывание о безальтернативности валютного союза в таком случае будет выглядеть следующим образом: «Тот валютный союз, который был заключен между ФРГ и ГДР и вступил в силу 1 июля 1990 г., имел за собой разрушительные последствия, но существующие такому валютному союзу альтернативы были гораздо хуже». Высказывание о том, что «альтернатив приватизации не было» можно перефразировать аналогичным образом: «Та приватизация, которая была проведена Тройхандом, имела за собой разрушительные последствия для Восточной Германии, однако работники Тройханда были в таких условиях, что все другие альтернативы оказались бы еще более разрушительными».

Для начала остановимся на аргументе о «безальтернативности» валютного союза двух Германий. Его разрушительность заключалась в том, что в его рамках был установлен курс, по которому восточная марка стала в три раза дороже своей реальной цены. Фриц Вилмар пишет об этом следующее: «Открытие границ, резкая либерализация экономики в стране, которая не была включена в мировую экономическую систему, и переоценка восточной марки почти в 300 % при курсе 1 к 1 – все это привело к существенной инфляции и в то же время подвергло восточногерманские предприятия страшным потрясениям, потому что их продукция в одночасье стала фактически стоить в три раза дороже» [4, с. 29].

В свою очередь, это привело к подорожанию восточногерманской продукции, сделав ее неконкурентоспособной, а предприятия убыточными. Как утверждает Маркус Бьёик, в ГДР существовали предприятия, которые смогли бы составить конкуренцию западногерманским производителям в случае, если бы восточная марка не была переоценена: «В сфере промышленности [у ГДР – В.М.] было много проблем, но, конечно, и там было не все так уж беспросветно. Там были и предприятия, которые вполне могли конкурировать с западными, по крайней мере, до валютного союза» [1, с. 50]. Часто неконкурентоспособность восточногерманских предприятий, с которыми имел дело Тройханд (а он стал работать по существу только с 3 октября 1990 г., т. е. через три месяца после заключения валютного союза), западногерманские политики и СМИ связывали с «отсталостью плановой экономики», в рамках которой 40 лет развивалась ГДР.

В ответ на такие претензии Ф. Вилмар приводит цитату из журнала *Wirtschaftswoche* («Экономическая неделя») от 16 августа 1991 г.: «Переоценкой восточногерманской марки консерваторы привели экономику бывшей ГДР в плачевное состояние. Такая переоценка привела бы любую относительно стабильную западноевропейскую страну к тяжелому кризису адаптации. “Представим себе, что Австрия присоединяется к ФРГ, а шиллинг конвертируется в немецкую марку по курсу 1 к 1. При таком курсе австрийские компании не смогут оставаться конкурентоспособными. Австрийская рыночная экономика, которая

на сегодняшний день так хорошо работает, рухнет в течение нескольких недель. Ответственность за это не будет лежать ни на рыночной, ни на плановой экономике» [9]. Эти слова, произнесенные редактором либерального журнала *Wirtschaftswoche*, отражают мнение многих экономических аналитиков» [4, с. 30].

И здесь нужно обратить внимание на то, существовали ли альтернативы такому разрушительному валютному союзу? Вилмар приводит аргументы в пользу того, что такие альтернативы были. В частности, на тот момент президент Бундесбанка Карл Отто Поль высказывал свои опасения о курсе валют 1 к 1. Об этом также можно прочитать у Фрица Вилмара: «Сразу после того, как было принято политическое решение об объединении ФРГ и ГДР, разгорелся спор между Бундесбанком, озабоченным валютно-кредитной стабильностью, и федеральным правительством по поводу обменного курса валют двух Германий. Эксперты, в свою очередь, предпочли дожидаться результатов выборов в Народную палату и только потом высказаться. Президент Бундесбанка Карл Отто Поль предупредил об опасности обмена валют по ставке 1 к 1 на заработную плату, оклады и цены, которую предпочел канцлер Коль. По мнению Поля, такой курс валют должен был возыметь непредсказуемые последствия для восточногерманской экономики; он же предлагал курс 2 или даже 3 к 1, что соответствовало значению восточной марки» [4, с. 27]. Остановимся лишь на этом моменте в рассмотрении политических перипетий перед заключением валютного союза в силу ограниченного объема статьи. Обратим внимание, что критика валютного союза со стороны серьезных экономистов существовала, и руководство ФРГ с такой критикой было знакомо. Таким образом, правительство ФРГ и канцлер Гельмут Коль были осведомлены о пагубных последствиях такого валютного союза для Восточной Германии и, несмотря на это, установили курс валют, где восточная марка была переоценена в три раза, что стало катастрофой для восточногерманских предприятий.

Следовательно, можно предположить, что катастрофический курс валют был установлен умышленно с целью уничтожения экономики конкурента – Восточной Германии. Такое предположение также полностью соотносится со схемой «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии». А это, в свою очередь, значит, что истинные цели ФРГ были полностью противоположны цели и одновременно этической аксиоме восточных немцев – улучшить благосостояние населения Восточной Германии. Следовательно, обещание восточным немцам процветания («*blühende Landschaften*»), вероятнее всего, были умышленным и осознанным обманом со стороны Гельмута Коля и его политической команды.

Далее стоит рассмотреть высказывание о том, что «альтернатив приватизации не было». Охарактеризовать это высказывание можно с нескольких сторон. Самым очевидным аргументом в его пользу является то, что экономика ФРГ выстроена по рыночным принципам с верховенством частной собственности и рыночной конкуренции, следовательно, подавляющее большинство «новых» (бывших плановых) предприятий, оказавшихся под юрисдикцией ФРГ, должны были стать рыночными, т. е. частными. Иными словами, этическая и политэкономическая аксиоматика ФРГ была такой, что почти все предприятия должны оказаться в частной собственности, безотносительно того, насколько такой ход будет полезен либо же разрушителен для экономики и населения только что присоединенных «новых земель».

Однако в отношении приватизации, которую стал проводить Тройханд, Фриц Вилмар усматривает и другие мотивы западногерманского правительства. В частности, он считает, что отказ раздать удостоверения о долевой собственности на восточногерманские предприятия каждому работающему восточному немцу могло представлять опасность для политического имиджа ФРГ. Опасность, по мнению исследователя, заключалась в том, что восточные немцы, имея на руках удостоверения о долевой собственности, могли объединиться и не допустить к управлению их предприятиями западных немцев: «В случае распределения народной собственности ГДР между ее гражданами возникало право восточных немцев на совместное использование этой собственности, что могло бы неожиданно подорвать позиции как будущих инвесторов, так и правительства Бонна» [4, с. 36]. Насколько в действительности восточногерманское население было способно к высокому уровню самоорганизации и построению социализма не через волю государства, а через самоорганизацию «снизу» сегодня сказать сложно, но даже такая гипотетическая возможность была убита в зародыше западногерманским правительством. В итоге приватизация проводилась при полном доминировании западных немцев, и подавляющая часть восточногерманских предприятий была передана в собственность выходцам из Западной Германии.

В таком контексте высказывание «передача восточногерманской народной собственности западным немцам была безальтернативной» также означает, что «оставление восточногерманской народной собственности в руках восточных немцев было еще большим злом». Но тут естественным образом возникает вопрос: «еще большим злом» для кого? Вероятно, для западногерманского правительства, которое могло потерять в такой ситуации контроль над «новыми землями». Вряд ли оставление восточногерманских предприятий в руках, пусть даже неопытных на тот момент в рыночных делах, восточных немцев было бы хуже, чем то, что с ними сделали западные немцы. Следовательно, и при второй трактовке высказывания о «безальтернативности приватизации восточногерманских предприятий» мы можем трактовать действия руководства ФРГ исключительно в пользу западногерманской экономики и политики, но никак не в пользу благосостояния восточных немцев.

Наконец, стоит рассмотреть непосредственно позицию работников Тройханда, которые использовали высказывание о «безальтернативности приватизации» как защиту от обвинений в том, что эта организация является «бандой преступников-неолибералов» [2]. К оценке работы Тройханданштальт, на наш взгляд, нужно подходить как минимум с двух сторон. С одной стороны, через Тройханд действительно проводились преступные сделки, и по данным фактам ряд сотрудников этой организации, а также инвесторов были привлечены к уголовной ответственности в рамках законодательной системы ФРГ. На недобросовестность западных инвесторов в своем интервью указывает Маркус Бьёик: «Инвесторы могли совершать сделки по фиктивному поглощению восточногерманских предприятий для того, чтобы заполучить только некоторые элементы этих предприятий, например, какие-нибудь двигатели, передовую и уникальную технику, или чтобы только заполучить дотации от государства на поддержку таких предприятий. Но были и отдельные случаи, когда нужно было таким образом избавиться от восточногерманских конкурентов и в от-

дельных случаях от конкурентов старались избавиться довольно бескомпромиссно» [2]. В силу того, что действия некоторых инвесторов и работников Тройханда были признаны преступными даже по законодательству ФРГ, аргумент о безальтернативности им никак не мог бы и в итоге никак не смог помочь. Этот аспект работы Тройханда хорошо известен и доказан, поэтому не является предметом нашего философско-методологического исследования.

С другой стороны, необходимо обратить внимание, что даже при отсутствии коррупционных скандалов приватизация, проводимая Тройхандом, все равно была бы разрушительной для Восточной Германии. Поэтому, на наш взгляд, стоит ответить на следующие вопросы: в каких политических и экономических условиях начал свою работу Тройханд? Действительно ли «история Тройханда – это история героев, которые отлично справлялись со своей работой, с работой, которая была уникальной и единственной в своем роде» [2]? Для ответа на эти вопросы необходимо учесть, что Тройханд начал работу спустя три месяца после проведения разрушительного для восточногерманской экономики валютного союза. При этом у данной организации была задача как можно скорее осуществить перевод госпредприятий бывшей ГДР на рыночные рельсы без учета социально-экономических последствий для населения Восточной Германии. В дополнение к этому, как мы указывали ранее, имелась установка от правительства ФРГ передать основную часть народной собственности Восточной Германии в руки именно западных инвесторов. К тому же при передаче восточногерманских предприятий под управление Тройханда взаимодействие данных предприятий как единой системы прекратилось, а с началом приватизации было полностью парализовано, так как все предприятия ГДР были единым организмом, и при ликвидации одного из элементов производственной цепочки нарушалась работа всех предприятий, относящихся к данной производственной линии.

В таких условиях сотрудники Тройханданштальта приступили к своей работе. Каждое из вышеперечисленных политических решений и установок существенным образом сужали спектр возможных действий работникам Тройханда. Стоит предположить, что в подобных условиях невозможно было избежать катастрофических последствий для Восточной Германии. И отчасти сотрудники Тройханда, вероятно, правы, что «могло быть все гораздо хуже». К тому же все эти пагубные для восточных немцев политические и экономические условия создали не сотрудники Тройханда, а правительство ФРГ и связанные с ней государственные и экономические структуры. Если же обратиться к нашей схеме «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии» и допустить ее истинность, то даже в ней Тройханданштальт является лишь инструментом по ликвидации экономики и социально-культурной жизни Восточной Германии (так как вся социально-культурная жизнь в ГДР была привязана к социалистическим предприятиям), а не первопричиной бедствий восточных немцев. Тут, как нельзя кстати, можно продолжить и несколько видоизменить метафору с хирургом, которую мы привели в качестве примера условного фатализма. На наш взгляд, действия Тройханда можно сравнить с действиями хирурга, который должен в срочном порядке вырезать для трансплантации органы (провести приватизацию) из человека (экономики ГДР), находящего при смерти. Приступив к операции, хирург понимает, что пациент умер, и нужно как можно скорее вырезать из него органы, которые еще можно будет пересадить в организм относительно здорового человека (экономике ФРГ), пока они

не испортились. Самое трагичное в такой ситуации заключается в том, что задачу вырезать из пациента органы для трансплантации поставил главный врач больницы (правительство ФРГ), обманувший пациента и нанеший ему ряд огнестрельных ранений (одним из таких «выстрелов» можно считать валютный союз). При этом сам хирург считал, что главный врач дал ему вполне законное задание. Врач сделал все, что было в его силах, спас некоторые органы, пригодные для трансплантации (предприятия бывшей ГДР), но человека (экономике ГДР) было уже не вернуть. Такое сравнение действий Тройханда с хирургом может показаться гротескным, однако, вероятнее всего, оно нашло бы поддержку у восточных немцев старшего поколения, заставших те события во взрослом возрасте.

Проверка гипотезы: инверсионная трактовка событий.

Для того чтобы понять, насколько представленная трактовка событий по схеме «обманщик агрессор/жертва обмана и агрессии» идеологически или ценностно предвзята, нам необходимо осознать, выражаясь языком Гадамера, свои предрассудки: «Поставить предрассудок как бы пред собою не удастся, пока он постоянно и незаметно играет свою роль; это становится возможным лишь тогда, когда он приведен, так сказать, в состояние раздражения» [10, с. 354]. Таким раздражением может послужить *инверсионная трактовка* рассмотренных нами событий. Под ней мы понимаем конструирование на умозрительном уровне аналогичной ситуации, где тот субъект, которого мы считаем жертвой, стал бы обманщиком-агрессором, а обманщик-агрессор – жертвой обмана и агрессии. Такая трактовка событий часто применяется и в психологии, где человек должен себя поставить на место другого, чтобы осознать ситуацию с позиций оппонента и осознать собственные преубеждения, которые в обычном состоянии нами не осознаются.

Итак, пример: представим себе параллельную реальность, в которой все еще существуют ФРГ и ГДР. Эти две Германии все также основаны на разных этических аксиомах: ФРГ – на аксиоме о верховенстве частной собственности в экономике, а ГДР – на аксиоме о верховенстве государственной (общественной, народной) собственности на средства производства. В определенный момент экономика ФРГ начинает по каким-то причинам стагнировать, а уровень жизни населения Западной Германии постепенно становится ниже, чем в Восточной Германии. Это продолжается значительное время, и все больше западных немцев недовольны своим правительством и все чаще начинают заявлять о необходимости интеграции ФРГ с ГДР под эгидой ГДР, т. е. с ликвидацией ФРГ и распространением власти Социалистической Единой Партии Германии на всю территорию Западной Германии. В Бонне, Кельне, Ганновере, Мюнхене и Франкфурте-на-Майне люди начинают выходить на протесты с лозунгами «Wir sind das Volk» и «Wir sind ein Volk», требуя объединения с ГДР. Войска НАТО тем временем в спешном порядке уходят из ФРГ.

В определенный момент рушится Берлинская стена, и западные немцы с эйфорией празднуют это событие. Примерно через полгода происходит валютный союз с переоценкой западногерманской марки в три раза, и вся внешняя торговля ФРГ в одночасье рушится: ее передовые автомобили и другая техника становятся неконкурентоспособными, вследствие этого начинаются массовые банкротства западногерманских крайне успешных (до валютного союза) рыночных предприятий. Через три месяца после проведения валютного союза заключается документ об интеграции (перед этим прошли законные выборы,

и западные немцы сказали «да» интеграции с ГДР) ФРГ в экономическую и политическую систему ГДР.

Сразу же в день объединения все рыночные предприятия ФРГ начинают национализироваться под эгидой отдельной государственной компании под названием «Западный филиал госплана ГДР». В процессе национализации выясняется, что в одночасье и без существенных издержек провести такую масштабную национализацию невозможно, однако экономика ГДР плановая, поэтому *альтернатив национализации нет*. Также «Западный филиал госплана ГДР» обнаруживает, что значительная часть предприятий ФРГ не может быть включена в длинные производственные цепочки плановой экономики, так как продукцию таких предприятий невозможно стандартизировать в короткие сроки под экономические регламенты госплана ГДР. Поэтому начинаются массовые закрытия рыночных предприятий, а также перенос передовых предприятий ФРГ на территорию ГДР. Безработица в ФРГ начинает принимать катастрофические масштабы, безработными в ФРГ стало уже около трети населения – около 20 млн человек на 60 млн жителей. Возникают протесты, но правительство ГДР запрещает СМИ освещать эти события полностью. Кроме того, все политические лидеры ФРГ, а также все сотрудники Федеральной разведывательной службы (Bundesnachrichtendienst) ФРГ подвергаются уголовному преследованию либо люстрации (за что именно там бы придумали). Открываются архивы Федеральной разведывательной службы ФРГ и арестовывается ряд агентов западной разведки (в том числе ЦРУ и МИ-6) из числа политических деятелей как ФРГ, так и ГДР. Все государственные посты на территории Западной Германии занимают восточные немцы. Образование, стаж и пенсионные накопления населения ФРГ аннулируются, а молодым женщинам отказывают в работе, так как они могут вскоре родить ребенка и сесть на пособие, а в столь «непростое для страны время» сидеть на пособии недопустимо. Со справкой о стерилизации молодых женщин из бывшей ФРГ легче принимают на работу в новой социалистической Германии.

На все упреки в свой адрес правительство ГДР, а также государственная организация «Западный филиал госплана ГДР» отвечают: 1) «Вы, западные немцы, сами хотели социализма и плановой экономики»; 2) «Вы сами виноваты, что строили эксплуататорскую и неэффективную рыночную экономику, читать надо вам было Маркса, Энгельса и Ленина»; 3) «Альтернатив валютному союзу и национализации не было, мы сделали все что могли, по-другому было бы только хуже».

При построении такой умоглядной ситуации важно представить, что ФРГ и ГДР поменялись местами. Такой пример у неравнодушных к судьбе западных, да и восточных немцев, на наш взгляд, может вызвать две реакции. Западные немцы и сторонники рыночной экономики, вероятнее всего, были бы решительно против такого развития событий. В свою очередь, некоторые восточные немцы, возможно, из чувства мести за свои страдания, перенесенные в 1990-е, были бы рады такому развитию событий и торжеству социализма в Германии. Здесь важно отметить, что если у оппонентов при *инверсионной трактовке событий* сразу же меняется отношение друг к другу и вообще к ситуации, то тогда мы можем с уверенностью сказать, что позиции таких субъектов необъективны и деструктивно предвзяты.

Однако может существовать и третий тип отношения к такого рода событиям, согласно которому и первая, и вторая (инверсионная) ситуации являются аморальными и в определенной мере преступными. При такой оценке этической аксиомой – ценностью, не подвергающейся сомнению, будет духовное и материальное благополучие людей, в том числе их честь и достоинство.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что аксиомы о частной или о социалистической собственности на средства производства совершенно не гарантируют достижения аксиоматической ценности духовного и (или) материального благополучия. При этом аксиома о духовном и (или) материальном благосостоянии также неполна и к тому же в максимальной степени абстрактна сама по себе, так как не предполагает конкретного способа ее достижения. Следовательно, этические и политэкономические аксиомы в своей отдельности неполны, а значит, нельзя в политических и экономических решениях следовать лишь одной этической (политэкономической) аксиоме, особенно в ситуации перехода общества из одной ценностно-аксиоматической системы в другую.

Несмотря на некоторую степень плодотворности данного исследования, стоит отметить, что схема «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии» не является окончательным «приговором» в теме «объединения» ФРГ и ГДР. Скорее, данную схему следует воспринимать как инструмент, с помощью которого можно погрузиться в эту тему. Вполне вероятно, что на определенном этапе в будущем такая схема может быть полностью отвергнута научным сообществом, однако для того, чтобы ее отвергнуть или существенным образом дополнить, или видоизменить, нужно будет проводить не только глубокие исторические, но и философско-методологические исследования. Поэтому хотелось бы, чтобы данная статья стала не конечным результатом исследований, а дверью, через которую историки и философы могут войти в столь малоизученную, экзотическую, а потому и интересную тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 1 / пер. с нем. и коммен. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.
2. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4 (в печати).
3. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.
4. Vilmar F., Guittard G. La face cachée de l'unification allemande. Paris: l'Atelier, 1999.
5. Bremond C. The Logic of Narrative Possibilities // New Literary History. 1980. Vol. 11, no. 3. P. 387–411. DOI: <https://doi.org/10.2307/468934>.
6. Die Annexion der DDR. 1999. URL: <https://www.fdj.de/infoportal/index.html?artikel/html/annexion> (дата обращения: 05.04.2023).
7. Honecker in Untersuchungshaft // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/deutsche-einheit/honecker-in-untersuchungshaft-390304> (дата обращения: 05.04.2023).
8. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
9. Wirtschaftswoche. URL: <https://archiv.wiwo.de/global/index> (дата обращения: 05.04.2023).

10. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Информация об авторе.

Миронов Василий Анатольевич – кандидат философских наук (2018), научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского государственного университета (НГУ), участник программы приглашенных исследователей НГУ, ул. Пирогова, 2, г. Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия исторических наук, философия геологии, философия истории, этика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.05.2023; принята после рецензирования 12.05.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.

REFERENCES

1. "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1", Transl. by Mironov, V.A., *DISCOURSE*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.

2. "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 2", Transl. by Mironov, V.A., *DISCOURSE*, 2023, vol. 9, no. 4 (in print).

3. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.

4. Vilmar, F. and Guittard, G. (1999), *La face cachée de l'unification allemande*, l'Atelier, Paris, FRA.

5. Bremond, C. (1980), "The Logic of Narrative Possibilities", *New Literary History*, vol. 11, no. 3, pp. 387–411. DOI: <https://doi.org/10.2307/468934>.

6. *Die Annexion der DDR. 1999*, available at: <https://www.fdj.de/infportal/index.html?artikel/html/annexion> (accessed 05.04.2023).

7. "Honecker in Untersuchungshaft", *Die Bundesregierung*, available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/deutsche-einheit/honecker-in-untersuchungshaft-390304> (accessed 05.04.2023).

8. Macintyre, A. (2000), *After Virtue: a Study in Moral Theory*, Transl. by Tselishchev, V.V., Akademicheskiiy Proekt, Delovaya kniga, Ekaterinburg, Moscow, RUS.

9. *Wirtschaftswoche*, available at: <https://archiv.wiwo.de/global/index> (accessed 05.04.2023).

10. Gadamer, H.-G., (1988), *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, Transl., in Bessonov, B.N. (ed.), Moscow, Progress, USSR.

Information about the author.

Vasilii A. Mironov – Can. Sci. (Philosophy, 2018), Researcher at the Laboratory of Analysis and Forecasting of Integration Processes in Modern Eurasia, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (NSU), participant of the program of invited researchers of NSU, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 25 scientific publications. Area of expertise: philosophy of historical sciences, philosophy of geology, philosophy of history, ethics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.05.2023; adopted after review 12.05.2023; published online 21.09.2023.

Перевод
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72>

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком¹. Часть 2

Маркус Бьёик¹, Оле Нимоем²

¹Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США

²Независимый журналист, Йена, Германия

¹marcus.boeick@rub.de, ²oleundwolfgang@gmail.com

Вниманию читателей представляется вторая часть интервью, взятого в октябре 2020 г. у немецкого историка доктора Маркуса Бьёика ютуб-блогером Оле Нимоемом на канале «Wohlstand für alle». Во второй части интервью обсуждаются коррупционные скандалы, связанные с работой Тройханданштальт – организации, управлявшей приватизацией восточногерманских предприятий. М. Бьёик демонстрирует различные позиции участников и свидетелей тех событий. Такой многоуровневый и многосторонний взгляд на скандальную и противоречивую историческую тему может оказаться подходящим материалом для будущих философско-методологических исследований, касающихся этической оценки исторических событий и политических решений.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, объединение Германии, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 61–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72.

Translation

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick¹. Part 2

Markus Böick¹, Ole Nymoen²

¹Harvard University, Cambridge, MA, USA

²Freelance Journalist, Jena, Germany

¹marcus.boeick@rub.de, ²oleundwolfgang@gmail.com

The second part of the translation of the interview, which was taken in October 2020 from the German historian Dr. Markus Böick by the YouTube blogger Ole Nymoen on the channel "Wohlstand für alle", is presented to the attention of readers. In the second part

© Ole Nymoen, Markus Böick, 2023

© Миронов В. А., пер. с нем., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=JuK5OOXEHns>

of the interview, there is a discussion of corruption scandals related to the work of the Treuhandanstalt, an organization for managing the privatization of East German enterprises. M. Böick demonstrates all possible positions from different points of view, different participants and witnesses of those events. Such a multi-level and multi-sided view of a scandalous and controversial historical topic may prove to be suitable material for future philosophical and methodological research concerning the ethical assessment of historical events and political decisions.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, German unification, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy

For citation: "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 2", Transl. by Mironov, V.A. (2023), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 61–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72 (Russia).

Оле Нимоен (О. Н.): Вы упомянули, что были скандалы. Что это были за скандалы? Они были связаны с распродажей предприятий ГДР или с чем-то еще? Как вы их оцениваете сейчас, по прошествии 30 лет?

Маркус Бьёик (М. Б.): Конфликты были вызваны целым рядом факторов, которые стали развиваться совсем не так, как ожидалось, даже сам Тройханд не был готов к такому развитию событий. Все скандалы так или иначе были вызваны различными просчетами и провалами. Ведь при такой скорости проведения приватизации просто невозможно было избежать издержек. Не так давно я брал интервью у одного менеджера из Тройханда, и он рассказал о том, как были привлечены миллионы и миллиарды немецких марок для того, чтобы как можно быстрее провести приватизацию. Тогда не было времени все долго проверять, обсуждать и согласовывать решения. Таков был идеологический принцип, такова была философия приватизации – решать все быстро, смело, креативно. Очевидно, что процесс, выстроенный таким образом, должен был приводить к ошибкам.

Особенно в условиях огромного количества одновременных сделок и прочего. Все это открывало простор для коррупции, ошибок и злоупотреблений. И я бы даже сказал, что и по сей день не утихают споры о том, как все это нужно оценивать. С тем, что тогда имели место скандалы и коррупция, с этим, я думаю, никто сейчас не спорит. Это все понятно. Но постоянно возникает вопрос, а насколько это вообще нормально? Сторонники и защитники Тройханданштальт на этот вопрос обычно отвечают так: «Ну, да ладно, ведь произошел определенный вид революции, которая повлекла за собой экономические потрясения и гигантское перераспределение собственности и всего того, что имеет материальную ценность. Очевидно, что все это не могло хорошо закончиться». А их оппоненты им отвечают, что все это уже было встроено в систему. Все было именно так из-за того, что Тройханд ускорил свою работу и при этом никто его не хотел контролировать, из-за того, что парламент вообще почти никак не влиял на Тройханд, из-за того, что общественность получала довольно скудную информацию и вообще едва могла адекватно оценить суть происходящего, из-за того, что политики предпочли остаться в стороне от важнейших событий, происходящих в стране.

Прежде всего это касается правительства ФРГ, поэтому у Тройханда не было никаких ограничений. И вскоре, как я уже сказал, происходит ряд скандалов. Инвесторы могли

совершать сделки по фиктивному поглощению восточногерманских предприятий для того, чтобы завладеть только некоторыми элементами этих предприятий, например это какие-нибудь двигатели, передовая и уникальная техника, или чтобы только заполучить дотации от государства на поддержку таких предприятий. Но были и отдельные случаи, когда нужно было таким образом избавиться от восточногерманских конкурентов и в отдельных случаях это делали довольно бескомпромиссно.

И конечно, нельзя здесь не упомянуть, на мой взгляд, очень громкий скандал в городе Галле, в одном из филиалов Тройханда. Тройханд был разделен на 15 филиалов, по одному в каждом из регионов ГДР. Филиалы на местах должны были проводить приватизацию небольших предприятий. По меркам Тройханда небольшими считались предприятия с количеством сотрудников менее 1500 чел. И в филиале Тройханда в Галле произошел большой скандал из-за того, что один шведский... ой, нет, не шведский – швабский... один швабский предприниматель через коррупционный сговор с руководителями филиала этого попечительского учреждения скупил два десятка предприятий только ради того, чтобы получить на них субсидии и потом по частям распродать эти предприятия.

При этом деньги выделялись из средств Тройханда, т. е. выплаты назначались теми должностными лицами, с которыми этот предприниматель вступил в коррупционный сговор. Разоблачение опубликовала местная пресса, и это был огромный скандал, связанный в том числе и с компанией IG-Metall. Это был огромный удар по репутации Тройханда. Ведь согласно неолиберальному идеологическому принципу филиалы должны были принимать решения самостоятельно без особого контроля, без особого надзора, крайне решительно и смело. Но потом уже всем стало очевидно, что такими полномочиями должностные лица стали пользоваться в своих корыстных целях, злоупотреблять ими. Низкий уровень контроля и бюрократии создавал благоприятные условия для злоупотреблений.

Эти факты стали благодатной пищей для конкретной и обоснованной критики Тройханда, собственно, что вполне закономерно. Со всех сторон доносилось: «Ваша система не работает, нужен больший контроль за вашим так называемым попечительским учреждением, как со стороны политиков, так и со стороны общественности». И действительно, в самом начале крупные сделки совершались очень и очень быстро, чуть ли не по телефону, а написанные на скорую руку контракты умещались на паре-тройке страниц. И в конце 1990 – начале 1991 г. все было неформально, я бы даже сказал, крайне неформально, и вполне понятно, что это время для менеджеров из Тройханда было золотым, когда они могли не ждать долго, не вести длительные переговоры, и при этом считали, что здесь и сейчас они вершат историю, и самое главное и ценное для них было то, что они могли очень быстро договариваться и совершать в очень короткие сроки крупные сделки.

Для менеджеров это действительно был золотой период. Но потом в 1992–1993 гг. на все это стало тратиться гораздо больше времени – на подготовку и подписание контрактов, на анализ степени важности и ценности продаваемых предприятий и т. д. Такие изменения в работе Тройханда произошли вследствие того, что его высшее руководство усилило меры безопасности и выработало определенные механизмы контроля над процессом приватизации, в том числе создав надзорные группы по предотвращению преступного сговора между сотрудниками Тройханда и инвесторами.

В общем, контроль за приватизацией серьезным образом усилился. Это, конечно, предполагало, что все сделки теперь будут открытыми и уже нельзя будет заключать их втайне от общественности и правоохранительных органов. Такими новыми правилами приватизации оказались недовольны как сотрудники Тройханда, так и инвесторы. Они даже потом говорили: вернулись туда, откуда уходили, теперь мы снова будем играть по государственным бюрократическим правилам.

Из-за усиленного контроля и долгого оформления документов при заключении сделок всем стало понятно, что с креативным (хаотичным) золотым временем покончено. Именно на этот период пришлось основные скандалы, которые были очень ярко представлены в различных СМИ, чем подпортили репутацию Тройханду так сильно, что даже по сей день о нем ходит дурная слава скандального учреждения, принявшего целый ряд ошибочных решений. Я думаю, в любом случае есть веские основания именно так оценивать эту организацию. Еще, конечно, нужно во всем более тщательно разобраться, но тем не менее Тройханду нужно просто смириться со своей испорченной репутацией и с тем, что упоминания о нем в прессе сегодня – это только упоминания о его скандальных историях.

О. Н.: Если я правильно понял, в своей книге вы придерживаетесь позиции, которая находится между двумя крайними полюсами в оценке деятельности Тройханда, не так ли? То есть обычно одни говорят: «У нас не было никаких альтернатив, перед нами стояла задача как можно скорее переставить восточногерманскую экономику на рыночные рельсы, и если ценой за это будет потеря сотни тысяч или даже миллионов рабочих мест, то так тому и быть». Другие, и это преимущественно левые, говорят о том, что Тройхандом было практически все уничтожено.

Что особенного в вашей книге, в вашей попытке отойти от этих двух крайностей?

М. Б.: Когда я начал заниматься этой темой, она уже была почти 15 лет как практически исчерпана. Она по каким-то причинам больше не интересовала ни экономистов, ни политиков, ни ученых. Но в Восточной Германии эта тема все еще оставалась актуальной. Собственно, и сейчас тема Тройханда там остается очень болезненной и обсуждаемой. И во всех обсуждениях обычно представлены только эти две позиции, ну или по крайней мере именно эти две позиции постоянно были у всех на слуху. То есть те позиции, о которых вы только что сказали. Кстати, вы их довольно удачно сформулировали.

Действительно, с одной стороны, сотрудники этого учреждения говорили, что все было безальтернативно, что это был лучший из всех возможных в тех условиях вид мягкого кризис-менеджмента, и все, что проходило через Тройханд, относилось в прошлом целиком и полностью к плановой экономике, и в этом уже виноваты Хонеккер и Миттаг, но несмотря на это было спасено хотя бы то, что еще можно было спасти. Поэтому на самом деле история Тройханда – это история героев, которые отлично справлялись со своей работой, с работой, которая была уникальной и единственной в своем роде. Сотрудникам Тройханда приходилось делать невозможное и делать, можно сказать, вслепую.

С другой стороны, была та самая, иногда даже очень категоричная и фундаментальная критика, критика капитализма, которая квалифицировала Тройханд как банду преступников-неолибералов, как банду мошенников и т. д. и т. п. Которые реализовали колониальное разграбление Восточной Германии в пользу Западной, которые уничтожили всех конкурентов с Востока страны, никак при этом не учитывая интересы местного населения.

Эти две непримиримые позиции существуют и по сей день. В прессе, например, до сих пор появляются очень и очень мощные статьи против Тройханда. Но приступая к изучению данной темы, я понимал, что в первую очередь я историк, а историки всегда пишут о том, что было в прошлом. Это так. Но мне не хотелось просто продолжать этот большой нарратив о Тройханде, основанный на свидетельствах очевидцев. Я хотел сам детально и дифференцированно разобраться в этой теме и создать собственный нарратив о тех событиях, учитывая позицию как сторонников, так и противников деятельности Тройханда. Именно с такими мыслями я взялся за разработку этой темы. И я сразу отказался от идеи выстраивать историю о Тройханде как историю менеджеров-героев, а также решил не скачиваться в другую крайность и писать историю по модели «преступник–жертва» или же «мошенник–жертва». Для меня оказалось важным постараться рассмотреть на разных уровнях, в разных плоскостях эту безумно сложную, но в то же время захватывающую тему. Я начал свое исследование как историк, а именно обратился к архивам и историческим документам, чтобы разобраться в сложной теме учреждения Тройханданштальт, чтобы посмотреть и понять, что же там и тогда на самом деле происходило.

Но именно в тот временной промежуток, когда я только приступил к изучению данной темы, у меня совершенно не было времени на настоящую работу историка – работу в архивах. Поэтому я тогда обратился к одной из книг Вольфганга Зейбеля, ученого, предметом изучения которого являются государственное администрирование и деятельность политиков. Так вот, в одной из его книг были некоторые фрагменты, которые рассматривали Тройханд в исторической перспективе, но о том, чтобы проанализировать деятельность этой организации в разных плоскостях и с разных сторон – об этом там не было и речи. И я подумал, пусть хоть и такая, но все же это была попытка разобраться в этой сложной теме.

Вообще, если разобраться, то я изучил эту тему в три этапа и поставил перед собой следующие вопросы: во-первых, я решил узнать, как вообще пришли к идее создания этой организации, к идее создания Тройханда. Почему решили создать именно такое учреждение, как Тройханданштальт, на которое на время переходного периода будет возложена опека над народной собственностью Восточной Германии? Почему это учреждение в итоге стало именно агентством по приватизации, а не чем-нибудь другим? Во-вторых, как изначально предполагалось организовать процесс приватизации и что из всего этого вышло в итоге? В-третьих, я решил изучить конкретный опыт сотрудников Тройханда, начиная с высшего руководства, затем руководителей среднего звена и заканчивая изучением конкретного опыта рядовых сотрудников. Для меня было важно узнать, что они думают о своем опыте работы в Тройханде, какова была их мотивация, к чему в своей работе они относились хорошо, к чему плохо. Почему или зачем они вообще пошли работать в эту организацию и как они оценивают свои действия, решения и свою роль в тех процессах сегодня?

Собственно, в этом и состоял мой подход. И для его реализации мне потребовалось добыть и обработать очень и очень много информации, поэтому мое исследование длилось так долго и вылилось в такую большую книгу. Конечно, было бы проще сосредоточиться на каком-нибудь одном вопросе. Но я так глубоко погрузился в эту тему, что принял решение довести свое исследование до конца и, насколько это возможно, проработать ее целиком и полностью. И еще я понял, что мой подход к исследованию этой темы сможет стать интересным не только для меня самого, но и для моих коллег-историков.

То есть своей работой мне хотелось сказать своим коллегам: знаете, эта тема все еще очень и очень горяча и актуальна, а последствия тех событий до сих пор вызывают шквал отрицательных эмоций у многих людей, и несмотря на это, это такая тема, которой вполне могут заниматься историки. При помощи методов исторической науки мы должны попытаться сдвинуть многолетние дебаты с мертвой точки. И такой порыв стоит воспринимать как реактуализацию, переоткрытие этой темы. Помню, как мне говорили, что я, дескать, залез на ту территорию, где еще не ступала нога ни одного историка, что мне не с кем будет даже посоветоваться и компетентно обсудить свои наработки. Но могу сказать, что сейчас по этой теме выпускается очень и очень много материалов. То есть на данный момент существует довольно большое количество исследований, посвященных данной теме, как исторических, так и экономических и социологических исследований, а также за последние годы вышло много документальных фильмов о тех событиях.

И я должен признаться, приступая к этой теме, я даже не подозревал, что уже в скором будущем она станет такой обсуждаемой. Ведь когда здесь, в Бохуме, я начинал заниматься Тройхандом, эта тема была совершенно экзотической. Но с 2015 г. интерес к ней, я бы сказал, начал просто зашкаливать. А в 2018 и в 2019 гг. прошли особенно острые и интенсивные дискуссии на всех уровнях, в которых приняли активное участие политики, ученые, журналисты и представители сферы искусства. Такого ажиотажа вокруг этой темы я не ожидал и не мог предвидеть. Мне просто повезло, что свое исследование по этой тогда еще экзотической теме я довел до конца. И слава богу, что я не позволил людям сбить меня с толку. Многие сомневались в моем успехе и спрашивали: «А где вы будете источники брать по этой теме? И вообще, какой смысл заниматься этой бесперспективной темой? Ведь придется потратить не менее 10–15 лет на серьезную разработку этой темы. А ведь еще прошло не так много времени для того, чтобы она могла стать полноценным объектом исторического исследования, еще и источников по данной теме очень мало. Не лучше ли вам заняться какой-нибудь другой темой?».

Но несмотря на сомнения в моем успехе, звучавшие со всех сторон, я все-таки не бросил начатое и довел свое исследование до конца. И хочу сказать, сделать это было не так-то просто. Я постоянно встречал ухмылки в свой адрес со стороны коллег, которые при этом приговаривали: «Ну, занимайтесь, занимайтесь этой темой, ага...». Но потом уже стало легче, стало легче и проще, мне повезло, что эта тема вновь стала актуальной и обсуждаемой. И, конечно, сейчас встал вопрос: а что мне делать дальше? Что исследовать теперь? Думаю, в ближайшие годы мы все будем вынуждены разбираться не только в истории Тройханда, но и во всех хитросплетениях отношений между Востоком и Западом Германии в 90-е гг. XX в.

И я полагаю, что мы сейчас не в конце, а в самом начале этого пути, что, конечно, означает, что нас ждет еще много интересного впереди. Прежде всего я надеюсь на интерес со стороны западногерманской молодежи, ведь восточные немцы, особенно представители старшего поколения, и без того глубоко погружены в эту тему и готовы постоянно говорить о тех событиях, беря свои душевные раны. Своей книгой я хотел привлечь внимание широкой аудитории, чтобы с этой темой познакомились поближе и те, для кого она не является столь болезненной. Я хотел вывести эту тему за пределы Восточной Германии и сделать ее более обсуждаемой как в Западной Германии, так и за ее пределами.

И знаете, мне даже, можно сказать, повезло, я год назад в США в Нэшвилле на безвозмездной основе прочитал лекции о Тройханде. Для меня всегда особенно важно иметь возможность работать с подрастающим поколением и видеть его в качестве своих студентов и школьников, для которых эта тема является очень экзотической и очень далекой, о которой они до встречи со мной даже ничего не слышали и совершенно не имеют никакого представления о том, что такое Тройханданштальт.

Я обычно рассказываю своим слушателям, почему он возник именно в Восточной Германии, почему одно лишь упоминание слова «Тройханд» за праздничным столом вызывает у моих родителей, бабушек и дедушек бурю негативных эмоций и т. д. Также для меня было важно выпустить эту тему из тесной клетки научных обсуждений и представить ее на суд широкой публике, чтобы уже всем вместе обсудить, что представляло собой это учреждение.

Тройханданштальт остался в памяти людей как безумное и почти неуправляемое учреждение, находящееся между Востоком и Западом Германии, между планом и рынком, между капитализмом и социализмом. И такое учреждение очень хорошо подходит для дискуссий по самым фундаментальным вопросам, которые раз за разом, снова и снова возникают перед нами. Например, обсуждение проблемы Тройханда, я полагаю, поможет нам ответить на такой фундаментальный вопрос XXI в.: каким должно быть наше будущее?

О. Н.: Я хотел бы вам задать последний вопрос.

М. Б.: Да, конечно.

О. Н.: Я хотел бы вам задать последний вопрос. Вы упомянули о существенном дисбалансе между Востоком и Западом Германии, который сохраняется и сегодня практически во всех сферах. Как вы думаете, можно ли считать Тройханд тем учреждением, которое усилило этот дисбаланс? В предисловии к своей книге вы цитируете либерального экономиста Ганса-Вернера Зинна, который критикует Тройханд за то, что он проигнорировал неотъемлемый и естественный для рыночной экономики закон спроса, оценивая и продавая восточногерманские предприятия по цене существенно ниже рыночной. Еще можно заметить, что до сих пор труд восточных немцев оценивается гораздо ниже труда западных немцев, и восточные немцы вынуждены соглашаться работать за существенно меньшую плату. Всем уже давно известно, что зарплаты в Восточной Германии, в отличие от Западной, до сих пор остаются довольно низкими. Причем такая разница в зарплатах по большому счету ничем не обоснована, не имеет никаких на то веских причин.

В этом году я был на одном предприятии, на «Фабрике монтажных инструментов König» в промышленном районе Тюрингские ворота «Thüringen Tor», которое тогда тоже было приватизировано через Тройханд. Приватизировал же это предприятие один крупный инвестор из США, заводы которого были и остаются разбросанными по всему миру, в частности в Восточной Европе, в Китае, ну и в самой Америке. И вот в определенный момент он принял решение заполучить себе завод в Восточной Германии. Сразу после покупки предприятия новые собственники объявили, что обещанной 35-часовой рабочей недели для сотрудников не будет. Вместо нее останется 38-часовая рабочая неделя. Это довольно показательно, учитывая то, что на тот момент на Западе Германии на многих предприятиях уже давно были установлены 35-часовые рабочие недели с более высокой

зарплатой. И подобных историй на самом деле очень много, когда восточные немцы были вынуждены соглашаться на меньшую зарплату и худшие условия труда.

Как вы думаете, можно ли считать, что Тройханд является первопричиной такого положения дел? Или же это слишком грубая трактовка ситуации?

М. Б.: Здесь стоит сказать, что на эту тему было много дискуссий после 2015 г., в том числе о том, почему партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) имеет такой успех в Восточной Германии. Полагаю, что многие долгое время в Восточной Германии надеялись, что если...

О. Н.: Там же еще на плакатах АдГ было написано: «Нищенские пенсии – это все благодаря Тройханду».

М. Б.: Да, да... Бьёрн Хёке и другие активисты партии АдГ год назад, на последних выборах в парламент Тюрингии, в каждом своем предвыборном выступлении поднимали тему Тройханда. Учитывая это, конечно, можно легко прийти к выводу, что деятельность Тройханда привела к тому, что в Восточной Германии сейчас имеет большую поддержку правая партия «Альтернатива для Германии». На самом деле все гораздо сложнее, но при этом никак нельзя отрицать, что этот вопрос также активно обсуждается с 2015–2016 гг. наряду с другими не менее важными вопросами, а именно: почему сегодня существует такой яркий контраст между восточной и западной частями Германии? Почему такой дисбаланс сейчас гораздо сильнее, чем, например, в начале нулевых, когда еще витало в воздухе чувство единения Востока и Запада и даже федеральным канцлером была выбрана уроженка Восточной Германии – Ангела Меркель. То есть дисбаланс между Востоком и Западом в начале нулевых уже постепенно сглаживался, особенно для нового поколения, для которого эта тема была уже не такой животрепещущей. Иными словами, все уже начало понемногу успокаиваться.

Но потом наступил 2015 г. и эта тема вновь стала предметом бурных дискуссий в публичной сфере, где стороны пытались и до сих пор пытаются выяснить истинные причины того, почему же Восток так сильно экономически и политически отличается от Запада Германии. Через 25 лет после воссоединения значительная часть западных политиков и общественных деятелей видели причину экономического отставания Восточной Германии в нерыночном наследии ГДР. Подобная трактовка отсталости Востока часто использовалась и на всем протяжении 1990-х и нулевых годов. Но такие отсылки к ГДР в 2015 г. уже не работали, ведь на тот момент уже 25 лет такого государства не существовало. Всем было очевидно, что по прошествии такого большого количества времени причина не может заключаться только в социалистическом прошлом Восточной Германии.

Поэтому все внимание людей было устремлено на переходный период, на 1990-е гг., чтобы выяснить, что же тогда произошло, что так сильно повлияло на людей, и понятно, что дело было не столько в ГДР, а, скорее, в том, что произошло после ликвидации ГДР как государственной структуры. Ведь уже через довольно короткое время после воссоединения у восточных немцев произошло глубокое разочарование, крушение всяких надежд на светлое будущее. И в разговорах по данной теме часто можно встретить односторонние объяснения, например, что это произошло либо по причине социалистического прошлого Восточной Германии, либо вследствие травматического опыта, который получили восточные

немцы от деятельности Тройханда во время перехода от социализма к капитализму. Но я лично считаю, что именно сочетание этих двух факторов усилило разрушительный эффект. И я считаю, что тогда для многих восточных немцев (кстати, замечу, что меня в то время скорее интересовали велосипеды, самокаты и игра на детской площадке), в общем, для многих восточных немцев то время сначала было временем надежд, временем эйфории осени 1989 г., самоотверженных многотысячных демонстраций против режима, временем падения режима СЕПГ, а затем наступило время предвыборных обещаний цветущих пейзажей («blühenden Landschaften») и надежд на быстрое экономическое чудо. Восточногерманские политики говорили: мы быстро достигнем уровня жизни Западной Германии. Мы добьемся всего того, что видели по телевизору, ведь мы всегда хотели жить так же, как они. И никто из нас не станет жить хуже, чем сейчас, мы все будем жить лучше.

Подобного рода обещания также давал и Гельмут Коль. А потом наступает весна 1991 г. и в одночасье Тройханд объявляет об увольнении миллионов рабочих и служащих. До этого безработицы практически не существовало в Восточной Германии, но потом она довольно быстро достигла немислимых значений в 20–30 %, а в некоторых регионах даже 40 %. Это стало огромным потрясением для восточных немцев, и они сразу поняли, что все обещания сбылись с точностью до наоборот. Теперь они столкнулись лицом к лицу с тем капитализмом, о котором постоянно рассказывали функционеры из Социалистической Единой Партии Германии: с безработицей, неравенством и дикой конкуренцией.

И самое трагичное здесь то, что восточные немцы сами захотели строить капитализм. Они сделали выбор, проголосовав подавляющим большинством на выборах в Народную палату ГДР за те партии, которые были за объединение с ФРГ. Они хотели объединения и преобразования своей страны по западногерманскому образцу, потому что не было никаких идей и попыток реформировать ГДР. Не было и никакого третьего пути. Поэтому было принято решение как можно скорее перевести Восточную Германию на рыночные рельсы. От первоначальной радости от объединения к тому моменту уже не осталось и следа, и, конечно, в определенной степени вполне объяснимо это разочарование, которое охватило восточных немцев. В принципе, это была их первая встреча лицом к лицу с демократией, с западногерманской демократией и социально ориентированной рыночной экономикой. И у восточных немцев сложилось стойкое впечатление, что всех их передали в распоряжение каким-то непонятным анонимным силам, которые засели где-то в Бонне, Восточном Берлине или во Франкфурте. Именно от решений этих никому неизвестных людей теперь зависела жизнь на Востоке.

Такими настроениями восточных немцев партия «Альтернатива для Германии» не преминула воспользоваться в своих политических целях, ну и, конечно же, темой Тройханда. Если кратко, АдГ выстроила объяснение тех событий примерно так: «Партийные бонзы СЕПГ во время крушения режима успели обогатиться и не захотели отстаивать государственные интересы ГДР. Они обманули и предали вас (имея в виду восточных немцев), отдали вас на откуп Тройханду, который тоже вас обманул и передал все народные богатства каким-то непонятным капиталистическим партнерам из Западной Германии. И сегодня режим Меркель обманывает вас, дискредитируя нас, народных избранников, которые во всеулышание поднимают тему Тройханда в предвыборной борьбе...». Еще раз

повторюсь, это не мое объяснение тех событий, а партии «Альтернатива для Германии». Но это объяснение находит отклик в сердцах восточных немцев. Поэтому неудивительно, что тема Тройханда сегодня так эксплуатируется в предвыборной гонке.

Для левых партий, конечно, стало большим ударом, что их козырь – критику Тройханда, которую левые партии использовали в своих предвыборных речах начиная с 1990 г., – перехватили правые, а именно АдГ. Именно борьба разных политических сил за право эксплуатации темы Тройханда в своих предвыборных кампаниях стала отправной точкой разразившихся бурных дискуссий в 2018–2019 гг. в Германии о том, чем был на самом деле Тройханд и в чем именно было виновато это учреждение.

Ведь по мнению восточных немцев, именно Тройханд виноват во всех бедах, свалившихся на Восточную Германию после объединения. Восточные немцы часто говорят: «Хоть мы и граждане Германии, но граждане второго сорта, у нас ниже зарплаты, а пенсии, на которые мы делали отчисления, работая в ГДР, в новой Германии уже никак не учитываются, сейчас они у нас так же, как и зарплаты, существенно ниже, чем на западе. У нас гораздо меньше предпринимателей, гораздо ниже уровень жизни, и даже те мелкие собственники, мелкие предприниматели, которые у нас есть, зачастую не местные, не из Восточной Германии. То есть у нас как до, так и после объединения экономика устроена совершенно иначе, чем в Западной Германии. У нас по-другому устроен производственный процесс, да и станки, на которых мы работаем, в основном уже давно превысили свои сроки эксплуатации. На территории Восточной Германии почти не осталось штаб-квартир крупных предприятий, юридические адреса оставшихся крупных концернов большей частью теперь на западе страны или за рубежом».

В некоторых восточных регионах сейчас все меняется к лучшему, но только это происходит очень и очень медленно, так скажем, не так быстро, как многим из нас хотелось бы. И, конечно, здесь всегда живо обсуждается тема Тройханданштальт, скандального учреждения, которое в 1990-е гг. на территории Восточной Германии было своеобразным аналогом Министерства экономики, принимало судьбоносные решения и воплощало их в жизнь в крайне сжатые сроки. Но что мы можем сказать точно, так это то, что мы видели собственными глазами... Демонтаж плановой экономики оказал огромное негативное влияние на миллионы восточных немцев... Для них такая капиталистическая реальность стала глубоким разочарованием, крушением надежд на светлое будущее... Людей накрыла волна безработицы, люди были совершенно растеряны и беспомощны, у них вообще не было никаких шансов адаптироваться к новой системе, не было шансов вписаться в рынок, так сказать. Но были и другие восточные немцы, которым удалось адаптироваться к новым условиям, построить свой бизнес, как говорится, создать свою историю успеха.

Надо сказать, что при обсуждении Тройханда в подавляющем большинстве случаев все внимание уделяется скандалам, связанным с этим учреждением, и разного рода вещам, которые прошли не так уж и гладко. Однако в среднем и малом бизнесе некоторым восточным немцам удавалось достичь успеха. Конечно, в 1991, 1992 и 1993-м гг. было не так уж и много восточных немцев, владеющих значительными суммами денег, достаточными для начала собственного бизнеса, а также тех, кто мог бы пойти на риск в условиях

неопределенности и открыть свой бизнес. Да, это были, конечно, интересные и целеустремленные личности, но, повторяю, таких людей среди восточных немцев, разумеется, было немного. Ведь подавляющее количество восточногерманских предприятий было передано западным немцам, и конечно, это не могло не сказаться на материальном благополучии восточных немцев. Массовые приватизации и ураганный демонтаж планового хозяйства за несколько лет привели восточногерманское общество к глубочайшему кризису, который сохраняется и сегодня. В то же время сегодня в Западной Германии, да и за ее пределами, часто задаются вопросом: «Почему восточные немцы все никак не могут перестроиться на нормальную жизнь?».

Лично я считаю, что восточным немцам нужно перестать воспринимать себя жертвами или же объектами капиталистических преобразований. Полагаю, это будет эффективнее, чем раз за разом ворошить прошлое, оставаясь на одном и том же месте. Но, конечно, понятно, что не все так просто... Неспроста сейчас там процветают такие явления, как неприязнь к мигрантам, правый экстремизм и подобного рода вещи. Понятно, что такие проблемы трудно решаются, но именно поэтому их и нужно обсуждать.

Несомненно, радикальные действия Тройханданштальт затронули экономику, культуру, политику и все общество в целом. Но я считаю, что нет никакого смысла сосредотачивать все свое внимание и заикливаться на одном этом учреждении, на тех травмирующих событиях, которые с ним связаны, и при этом постоянно задаваться вопросом: «Что же тогда произошло с восточногерманским обществом в первой половине девяностых?». И стоит сказать, что на восточногерманское общество повлиял целый ряд факторов, которые были взаимозависимы друг от друга, усиливали друг друга. Поэтому Тройханданштальт нельзя назвать только лишь экономическим учреждением, так как он существенным образом повлиял не только на экономику Восточной Германии, но и на менталитет восточных немцев.

О. Н.: Понятно, что эта тема очень сложная, поэтому совсем неудивительно, что ваша книга объемом 766 страниц. Тут недавно я узнал, что первое издание вашей книги «Тройханд: Идеи. Практика. Опыт с 1990 по 1994 год» [1] было очень дорогим – примерно 80 евро. Но сейчас вашу книгу издательства «Зуркамп» (Suhrkamp) можно купить и дешевле – всего за 29 евро 95 центов. А это значит, что те, кто заинтересовался этой темой, может чуть меньше, чем за 30 евро купить почти восьмисотстраничную книгу о Тройханде.

Доктор Маркус Бьёик, я благодарю вас за нашу с вами беседу.

М. Б.: Да, и вам большое спасибо за прекрасное интервью... Большое спасибо!

Перевод с немецкого канд. филос. наук В. А. Миронова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.

Информация об авторах.

Маркус Бьёик – стипендиат Мемориального товарищества Джона Ф. Кеннеди; приглашенный исследователь Центра Европейских исследований им. Минды де Гинцбург Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс, США.

Оле Нимоен – независимый журналист, Йена, Германия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.

Information about the authors.

Markus Böick – John F. Kennedy Memorial Fellow; Visiting Scholar, Minda de Gunzburg Center for European Studies, Harvard University, Cambridge, MA, USA.

Ole Nymoен – Freelance Journalist, Jena, Germany.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.04.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.4; 316.3; 32.019.5
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-73-85>

Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования феномена корпоративного гражданства

Лариса Валентиновна Шарахина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
lvsharakhina@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0454-0448>*

Введение. Тектонические сдвиги в экономической, социальной, политической системах становящегося информационного общества актуализируют исследования сущностных оснований института гражданства. Научная новизна статьи состоит в выделении перспектив неоинституционального подхода и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса в качестве методологической основы изучения феномена корпоративного гражданства в условиях медиатизации.

Методология и источники. Неоинституциональный подход и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса используются в качестве методологии исследования. В данном контексте гражданство рассматривается не в качестве статусно-правовой характеристики, а как социально-политический феномен, отражающий активные характеристики субъекта. Эмпирическую базу анализа составили открытые нефинансовые отчеты российских компаний, входящих в российскую сеть Глобального договора ООН (UN Global Compact Network) и имеющих разработанные масштабные социально ориентированные программы в рамках корпоративных стратегий устойчивого развития, а также корпус экспертных интервью со специалистами данной сферы.

Результаты и обсуждение. В информационном обществе в результате развития шестого технологического уклада с его акцентом на наукоемкие отрасли и гибкие системы управления под влиянием углубляющейся медиатизации происходит становление социально-политического феномена корпоративного гражданства, структурную основу которого составляют ценностно ориентированные коммуникативные конфигурации. В результате проведения эмпирического исследования выделены ключевые особенности формирования модели российского феномена корпоративного гражданства.

Заключение. Развертывание сетевых структур в обществе актуализирует переход от бюрократической логики институциональной структуры индустриального этапа развития к коммуникативной рациональности социально-политического проектирования. Коммуникативные конфигурации, сформированные корпорациями-гражданами, с позиций неоинституционального подхода являются структурным базисом для социализации представителей местных сообществ, а также влияют на приобретение корпорациями субъектности в системе политических коммуникаций.

Ключевые слова: корпоративное гражданство, социальный институт, коммуникативное действие, коммуникативная конфигурация, медиатизация

Для цитирования: Шарахина Л. В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования феномена корпоративного гражданства // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-73-85.

© Шарахина Л. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Neoinstitutional Approach as a Methodology of Corporate Citizen-ship Phenomenon Analysis

Larisa V. Sharakhina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
lvsharakhina@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0454-0448>*

Introduction. The relevance of citizenship institute basics research is actualized by the upheavals in economic, social, and political systems. The scientific novelty consists of the outlined neoinstitutional approach and Ju. Habermas communicative action theory perspectives as a methodology for corporate citizenship of mediatized society study.

Methodology and sources. Neoinstitutional approach and Ju. Habermas communicative action theory represent the methodological basis of the research. Citizenship is reviewed as a social and political phenomenon with implied active position of the subject, rather than a legal status. A comprehensive analysis of empirical data is based on transparent nonfinancial reporting of Russian companies, which are the members the UN Global Compact Network, with well-developed large-scale socially oriented programs and projects of corporate sustainability, and expert interviews.

Results and discussion. The deepening mediatization of postindustrial society influences the formation of corporate citizenship social and political phenomenon, whose structural basis is represented by value-based communicative figurations. The empirical study allowed us to outline the key features of the corporate citizenship formation model in Russia.

Conclusion. Postindustrial society network structures deployment forces the transition from bureaucratic logic of industrial society institutional structures to communicative rationality of sociopolitical designing. From the perspective of the neoinstitutional approach, communicative figurations established by corporate citizens represent structural basis for local communities members socialization and influence corporations' subjectivity acquiring in political communications system.

Keywords: corporate citizenship, social institute, communicative action, communicative figuration, mediatization

For citation: Sharakhina, L.V. (2023), "Neoinstitutional Approach as a Methodology of Corporate Citizen-ship Phenomenon Analysis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 73–85. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-73-85 (Russia).

Введение. Исследуя смысл гражданства и гражданское самосознание в нынешних условиях социально-политических «разломов» и неопределенности, мы в контексте настоящего исследования обращаемся к неинституциональному подходу, подчеркивая значимость системы взаимосвязей и взаимообусловленности индивидуальных граждан и социальных институтов, включая властные структуры.

Понятие «институт» зародилось в юриспруденции еще до нашей эры, но рассматривалось исключительно как правовой институт, т. е. как часть отрасли права, представляющая собой «совокупность норм, регламентирующих определенную группу общественных отношений» [1, с. 92]. Основоположниками институционального подхода в социологии и политологии считаются О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс и Э. Дюркгейм.

Влияние технологического развития на социальные институты отмечается Эмилем Дюркгеймом в рамках функционального подхода к социальным институтам, под которыми

он понимал «все верования, все поведения, установленные группой» [2, с. 20]. При этом «наибольшая часть социальных институтов передана нам в совершенно готовом виде предшествующими поколениями; мы не приняли никакого участия в их формировании, и, следовательно, обращаясь к себе, мы не сможем обнаружить породившие их причины» [2, с. 1]. Дюркгейм отмечает, что с развитием техники, усложнением социальных структур институты меняются и даже разрушаются (институт семьи, например), изменяется сила социальных уз: «Параллельно с процессом диссоциации семьи идет процесс диссоциации общественного сознания, ослабление и частичное исчезновение морального чувства» [3]. По мнению Дюркгейма, сила социальных уз зависит «от соотношения между объемами коллективного и индивидуального сознания: “социальные узы тем энергичнее, чем более первое покрывает второе”», от «интенсивности состояний коллективного сознания: если оно состоит из слабых импульсов, то оно слабо увлекает индивида в коллективном направлении и наоборот» и «от большей или меньшей определенности этих самых состояний. “Действительно, чем более определены верование и обычаи, тем менее оставляют они места индивидуальным расхождениям <...> консенсус является тогда самым совершенным: все сознания вибрируют в унисон”» [4, с. 121]. Ученый изучает с этих позиций профессиональные корпорации, разрабатывает понятие социальной солидарности.

Для настоящего исследования отдельный интерес представляет утверждение Дюркгейма о том, что «без сомнения, пока функции имеют некоторую общность, всякий может иметь о них какое-нибудь представление, но чем более они специализируются, тем более суживается круг лиц, имеющих сознание о каждой из них, следовательно, тем более выходят они из общего сознания» [Там же.]. Усложнение социальных структур и практик ведет к ослаблению социальных уз, снижению значимости общественного сознания для индивидуального и усложнению поиска единой консолидирующей общенациональной идеи. В данной ситуации групповое сознание становится более «близко расположенным» к индивидуальному, поэтому основной структурой современного Дюркгейму общества должна стать профессиональная группа: «Между тем, профессиональная этика существует поистине лишь в зачаточном состоянии... Кроме того, большинство этих предписаний совершенно лишены юридического характера. Они санкционированы лишь общественным мнением, не законом...» [5, с. 6].

Далее институциональный подход в социологии развивает Макс Вебер в рамках «понимающей социологии», предметом которой являются человек и его «социальные действия». Опираясь на данный подход, ученый рассматривал в рамках социологии социальные институты «в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентируются на них в своих действиях» [6, с. 180]. Для настоящего исследования примечательным является то, что М. Вебер рассматривал институт бюрократии как тип администрации, соответствующий индустриальному типу общества. Бюрократическая система противостояла иррациональному человеческому началу и способствовала рационализации деятельности, направленной на увеличение капитала. В отличие от К. Маркса, М. Вебер рассматривал капитализм как закономерный результат рационализации общественной жизни, как повседневную практику рационально-методической жизни [7]. Закономерно предположить, что со сменой технологического уклада, т. е. перехода от

индустриального общества к постиндустриальному его типу, институт бюрократии может уйти в прошлое.

В рамках структурно-функциональной теории Толкотта Парсонса классическая концепция социальных институтов, под которыми он понимает «организованную систему культурных представлений, норм, общих для большинства индивидов» [8, с. 721–722], получает наибольшую проработанность. Ученый предложил парадигму AGIL, которая применима для анализа социальной системы как целого, ее подсистем и социальных действий. По отношению к социальным институтам парадигма выражается в следующем [9]:

- Adaptation – интернализация принятых в обществе правил и лояльность к существующим порядкам.
- Goal attainment (целедостижение) – рациональное упорядочение задач.
- Integration – поддержка бесконфликтных взаимоотношений между индивидами, группами, сообществами.
- Latent pattern maintenance – ролевые образцы, позволяющие поддерживать нормативный контроль.

По мнению Т. Парсонса, ценности и нормы составляют суть социальных институтов, наблюдаемые поведенческие образцы – внешнее их проявление. Большое значение ролевым образцам (интернализации и экстернализации ролей) придавали и сторонники социально-конструктивистского подхода в понимании институтов и процессов институализации П. Бергер и Т. Лукман [10]. Структурно-функциональный подход позволяет рассматривать истоки институализации в действиях социальных индивидов, т. е. через социальные институты в процессе социализации личности происходит «опривычивание», типизация социальных действий и акторов: «Институционализация имеет место там, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [10, с. 92]. Кроме того, «по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, контролирующий характер присущ институционализации как таковой и существует до механизма санкций безотносительно к нему, поддерживающих институт и составляющих систему социального контроля» [11, с. 124].

Неоинституционалисты расширили трактовку института – это «относительно стабильный, интегрированный в систему смыслов и средств набор правил и организованных практик, который имеет условную независимость от смены персоналий и относительную сопротивляемость к определенным индивидуальным предпочтениям и ожиданиям, а также к изменяющимся внешним обстоятельствам» [12, р. 3]. Для неоинституционального подхода характерен принцип «методологического индивидуализма», в соответствии с которым коллективные образования (коммерческие организации, государственные структуры, некоммерческие объединения и др.) неотделимы в своем существовании от людей, их составляющих, и поэтому должны объясняться с учетом их целеполагания и поведения. Соответственно, практика неоинституционального анализа может осуществляться на индивидуальном, организационном и институциональном уровнях.

Д. Норт, известный своими работами по новой институциональной экономике, понимает институт как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [13, с. 73].

В составе институтов он выделяет «три главные составляющие: а) неформальные ограничения (традиции, обычаи, социальные условности); б) формальные правила (конституции, законы, судебные прецеденты, административные акты); в) механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т. д.)» [14]. Институциональные изменения происходят, в свою очередь, из-за изменения структуры относительных цен и идеологии (индивидуальной, организационной и государственной, т. е. в зависимости от уровня анализа).

Так или иначе, но «центральная идея неоинституционализма состоит в том, что институты представляют собой орудия по экономии трансакционных издержек» [14]. Тем не менее формирование и управление системой таких институтов требует немалых ресурсов, поэтому экономически неэффективные институты нередко сохраняются длительное время благодаря заинтересованности государства или влиятельных акторов, а также под влиянием некогда избранной траектории общественного развития (path dependance). Институты, рассматриваемые через призму неоинституционального подхода, формируют среду, снижающую неопределенность в восприятии ее индивидом, задавая стимулы для социально одобряемого и порицаемого поведения.

Данный подход формирует разнообразие объектов изучения, в связи с чем неоинституционализм целесообразно рассматривать как «семейство подходов» и течений, объединенных тремя основополагающими принципами [15, с. 98–101]:

- 1) институты формируют политику (политические правила игры);
- 2) институты формируются историей;
- 3) практическая деятельность институтов определяется социальным контекстом, внутри которого они функционируют.

Роберт Джекман и Росс Миллер отмечают существование неких кластеров мнений, распространенных среди индивидов, которые отражают сформировавшуюся политическую культуру: «Эти кластеры, представляющие собой субъективные мировоззрения, обладают высоким уровнем сопротивляемости к изменениям, они служат фундаментом экономических и политических достижений» [16]. Субъективные установки имеют большее значение, чем объективные обстоятельства, воплощенные в институтах, и они более устойчивы к изменениям. Кроме того, индивиды из различных культур воспринимают одну и ту же информацию по-разному, в том числе при столкновении с одними и теми же институциональными ограничениями или стимулами. В связи с этим эффективные политические коммуникации должны учитывать самоидентификацию индивидов и институциональные структуры, в которые они вписаны, а также предшествующий опыт их взаимодействия.

Обобщая научные трактовки институтов, следует резюмировать, что институты организуют социальные системы, обладают внутренней структурой, накапливают информацию, взаимодействуют с внешней средой, самоорганизуются и самовоспроизводятся. Основные отличия классического и неоинституционального подходов заключаются в том, что «преимущественное внимание представителей старого институционализма обращено на действия коллективов, а нового институционализма на действия индивидов» [17, с. 48]. При этом неоинституционализм исходит из позиции, что человек обладает ограниченной рациональностью [18], а также склонен к оппортунистическому поведению, т. е. «преследованию собственного интереса, доходящего до вероломства» (self-interest-seeking with guile) [19, p. 458].

Акцент на индивидуальных акторах, в которых сочетаются способность к самоорганизации и ограниченная рациональность, актуализирует коммуникативную рациональность как методологическую основу системы политических коммуникаций для эффективного управления социальными институтами.

Методология и источники. Современные государства, властные институты реализуют свои функции, в том числе и на легитимацию насилия, через программирование сложной системы институтов: семьи, религии, образования, бизнеса, масс-медиа и др. Становление информационного общества повлияло на увеличение значимости коммуникации в становлении, сохранении, воспроизведении и разрушении ролевых образцов, социальных институтов и государств в целом. В связи с этим в научной методологии актуализируется коммуникативный подход.

Для изучения политической коммуникации, в том числе программирования современными властными институтами «должного» гражданина, особое значение имеют труды Ю. Хабермаса, который отмечает, что «коммуникативные структуры публичной сферы формируют обширную сеть воспринимающих элементов, которые реагируют на давление общественно распространенных проблем и стимулируют влиятельные мнения...» [20, с. 56]. Ю. Хабермас критикует бюрократическую природу современных государственных институтов, основанных на «инструментальной рациональности, критерии которой – эффективность и целестремление. Государственный аппарат утверждается за счет информированного обладания окружающим миром, технически-научного познания действительности и приспособления к ее условиям» [20].

Инструментальное действие, лежащее в основе коммуникационной деятельности бюрократического государства, подчиняет интересы граждан (в данном случае, на наш взгляд, уместнее использовать термин «население») интересам власти, нередко отказывая им в коммуникационной субъектности и «оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником» [21, с. 199], т. е. применяя манипулятивный подход. Коммуникативное действие, коммуникативная рациональность, по Хабермасу, основывается на взаимоуважении и внимании к ценностям, убеждениям и интересам. Коммуникативная рациональность социальных структур определяет достижение цели не через логику кибернетической системы, но через диалог, компромисс, консенсус: «Равное уважение к каждому распространяется не на себе подобных, но на личность другого в инаковости» [22, с. 48]. В контексте политической коммуникации индивидуальных и корпоративных граждан коммуникативному действию имманентно присущ в той или иной мере развитый социальный активизм, т. е. их активное участие в принятии решений, имеющих для них значение. Таким образом, «коммуникативная рациональность как базовый принцип властных институтов подразумевает диалог и признание субъектности социальных акторов» [23, с. 48].

С позиций классического понимания институтов, институт масс-медиа позволял реализовывать информационный обмен различных социальных институтов и общностей. Смещение акцента на действия индивидов, отраженное в неoinституционализме, и развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) создали для властных институтов новую ситуацию, когда трансляция и интернализация индивидами ролевых образцов, коммуникационное взаимодействие граждан, их социализация реализуются на онлайн-платформах, изначально не смоделированных государственными структурами.

Социализация индивида ранее происходила преимущественно в офлайн-взаимодействии – в семье, школе, вузе, на работе и пр., а также через средства массовой информации. Развитие ИКТ сформировало новую ситуацию «глобальной деревни», когда человек усваивает модели поведения, не свойственные для той местности и общности, в которой он живет. Кроме того, реальная деятельность политических институтов и бизнес-структур находится в непосредственной взаимосвязи с медиареальностью и часто обусловлена ею [24, с. 11–12].

Взаимопроникновение коммуникативного медиа- и политического дискурсов рассматривается как медиатизация политики. Медиатизация оформляется как новое научное направление, в рамках которого происходит категориальное осмысление указанного процесса. Под влиянием растущей медиатизации на корпоративном уровне формируется феномен корпоративного гражданства, когда коммерческие структуры в рамках своей бизнес-стратегии разрабатывают программы корпоративной социальной ответственности (корпоративной устойчивости).

Результаты и обсуждение. Отметим, что гражданство мы рассматриваем не в качестве пассивной статусно-правовой характеристики, а как социально-политический феномен, отражающий активные характеристики личности [25, р. 203]. Т. Х. Дебердеева уточняет черты такой личности: «Гражданин – это человек, который знает свои права и обязанности и, что самое главное, обладает общественным чувством соучастия в больших и малых делах. Это человек, который понимает свой гражданский долг, у которого есть гражданская ответственность, гражданская совесть» [26, с. 62]. Но если гражданство относилось традиционно к свойствам индивидуального субъекта, то использование гражданства как свойства корпоративных акторов позволяет рассматривать организацию не только как хозяйствующий субъект, но и как коммуникативную фигурацию, интегрирующую, транслирующую и воспроизводящую ценности, свойственные для гражданина как личности. Таким образом, корпорация-гражданин, вовлекая субъектов в свою коммуникативную фигурацию, принимает участие в социализации индивидов и формировании образа «должного», с точки зрения такого корпоративного актора, гражданина.

На организационном уровне гражданская ответственность реализуется в проектах и программах корпоративной социальной ответственности или корпоративной устойчивости. В соответствии с ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Национальный стандарт Российской Федерации «Руководство по социальной ответственности» социальная ответственность – это «ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; интегрировано в деятельность всей организации и применяется в ее взаимоотношениях» [27]. Корпоративная социальная ответственность бизнеса реализуется, как правило, в соответствии с запросами ключевых стейкхолдеров, что отличает данный подход от корпоративной социальной устойчивости, ориентированной на достижение тех или иных из 17 целей устойчивого развития, принятых ООН. Таким образом корпоративная устойчивость представляет собой «популярную макроконцепцию устойчивого

развития на микроуровне» [28, с. 11]. В последнее время в корпоративном медиадискурсе чаще звучит ESG-подход как интегратор практик экологической ответственности, социальной устойчивости и ответственного корпоративного управления.

Корпоративное гражданство, или дискреционная ответственность, в соответствии с классической пирамидой КСО А. Керолла [29, с. 9] представляет собой наивысший уровень ответственного «поведения» организации, включающий в себя и экономическую (прибыльность), и правовую (следование закону), и этическую ответственность. Более подробно мы останавливались на изучении характеристик корпоративного гражданства в иных работах [23, 30, 31]. Корпорации, эффективно реализующие на системном уровне программы корпоративной социальной ответственности, корпоративной устойчивости, разрабатывают свои ESG-платформы, включаются в решение проблем местных сообществ, стимулируют социальный активизм, способствуют формированию гражданского самосознания акторов.

Иными словами, «бизнес не ждет, пока к нему обратятся за помощью, он сам ищет “объект” социальных инвестиций, сам находит проблемы, вызывающие беспокойство у населения, и решает их. Таким образом, бизнес получает отдачу от такого рода инвестиций и извлекает для себя выгоду» [32].

В период 2017–2021 гг. мы изучали открытую нефинансовую отчетность российских компаний, входящих в российскую сеть Глобального договора ООН (UN Global Compact Network), имеющих разработанные масштабные социально ориентированные программы в рамках корпоративных стратегий устойчивого развития, а также провели 13 экспертных интервью со специалистами данной сферы (10 практиков, представляющих ПАО «Газпром нефть» и программу социальных инвестиций «Родные города», ОАО «РЖД», X5 Retail Group, ПАО АФК «Система», ПАО «ГМК «Норильский никель» и др., а также три академических исследователя) с целью выявления особенностей российского феномена корпоративного гражданства.

В фокусе исследования были следующие аспекты: масштаб реализуемых программ и проектов, их связь с корпоративной стратегией бизнеса, отражение в открытой нефинансовой отчетности, особенности процесса принятия решений о реализации социальных программ и проектов (на основании запросов разных аудиторий) и оценки их эффективности. Кроме того, при рассмотрении корпоративного гражданства как социально-политического феномена особое значение уделялось основному содержательному акценту реализуемых программ, а также роли лидеров мнений среди местного населения в их разработке, так как в эпоху виртуализации, хрупкости и многообразия социальных связей [33, с. 180] подобные организации формируют системы подвижных, но относительно устойчивых коммуникативных фигураций, составляющих основу сетевого общества.

В результате эмпирического исследования в качестве основных особенностей формирования модели российского феномена корпоративного гражданства мы выделили следующие:

– модель корпоративного гражданства реализуется преимущественно в крупных компаниях с участием государственного капитала, в то время как малый и средний бизнес в основном практикуют традиционную модель корпоративной социальной ответственности (социальное предпринимательство считаем возможным рассматривать как исключение);

– крупные корпорации, как правило, рассматривают корпоративное гражданство как технологию построения долгосрочных отношений с властными структурами (технологию GR-коммуникации);

– основными драйверами разработки и реализации социально ориентированных программ и проектов были требования рынка (привлечение инвестиций и партнеров), формирование культуры ответственного бизнеса и международные стандарты корпоративной социальной ответственности, а также ожидания местных сообществ;

– при разработке таких программ бизнес опирается чаще всего на собственное видение потребностей населения или на запросы местных органов власти, нежели на запросы населения (как правило, моногорода составляют исключения, так как в данном случае сотрудники компании и местное сообщество являются одними и теми же людьми);

– коммуникационное сопровождение социально ориентированных программ и проектов интегрируется в корпоративную стратегию и приобретает стратегический характер, создаются специальные организационные структуры для реализации такой деятельности;

– выделяется задача построения диалогической модели взаимодействия с адресатами программ (в отличие от модели информирования);

– тем не менее при оценке эффективности реализации сопровождения социально ориентированных программ и проектов преобладают количественные характеристики с фокусировкой на ассоциированность таких программ с компаниями, а не на изучение общественных настроений в регионах присутствия.

Заключение. На основе проведенного исследования российского феномена корпоративного гражданства с позиций неинституционального подхода и коммуникативного действия сделаем следующие выводы:

1. Корпоративные граждане в рамках взаимодействия с властными структурами (практики GR-коммуникаций) предлагают местным властям свои ресурсы для преодоления кризисных ситуаций или вместе с лояльным сообществом граждан берут на себя инициативу и реализуют функции государства, нередко замещают государство в исполнении его традиционной социальной и экологической функций (оказывая тем самым влияние на идеологическую, т. е. прививая определенные ценностные ориентации и формируя мировоззрение).

2. Корпоративные граждане постиндустриального общества с развитыми цифровыми медиаансамблями иллюстрируют феномен корпоративной медиатизации.

3. Корпоративные акторы с развитой инфраструктурой коммуникационного взаимодействия с различными стейкхолдерами создают систему подвижных, но в то же время устойчивых взаимосвязей, формируя коммуникативные фигуры сетевого общества, оказывая влияние на вовлеченных в них индивидов.

4. Становление информационного общества повлияло на разрушение социальных связей, характерных для обществ более раннего типа, и на экстенсивное развитие коммуникационных связей индивидов, что приводит к трансформации сложившихся институтов, в том числе и политических, в связи с чем корпоративным гражданам с развитыми медиаансамблями следует уделять большее внимание изучению общественных настроений адресатов разрабатываемых социальных программ.

5. Бюрократическая рациональность институтов власти сформировала ситуацию, когда развитие ИКТ обеспечивает социализацию граждан через удобные сетевые платформы

коммуникации, не созданные государством и, соответственно, обладающие потенциалом прививать альтернативные ценности и нормы поведения, поэтому при разработке программ и проектов корпоративным гражданам следует выстраивать диалог с адресатами таких программ, выявляя их настроения и интересы, а не опираться лишь на собственное видение и запросы местных властей (коммуникативная рациональность как базовый принцип практики социальных инвестиций).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малый А. Ф., Логунова С. О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // *Образование и право*. 2021. № 2. С. 91–96. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-91-96.
2. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
3. Чеснокова В. Эмиль Дюркгейм. *Общественное сознание. Социологический метод* // *Полит.ру*. 05.11.2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/11/05/soc/> (дата обращения: 13.06.2022).
4. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ* / пер. с фр. П. Юшкевич. Одесса: тип. Г. М. Левинсона, 1900.
5. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии* / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
6. Осипов Г. В. *История социологии в Западной Европе и США*. М.: Наука, 1993.
7. Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. 4-е изд. / сост. Ю. Н. Давыдов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
8. Парсонс Т. *О социальных системах* / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.
9. Ядов В. А. *Социальные институты* // *Человек. Сообщество. Управление*. 2006. № 1. С. 4–13.
10. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* / пер. Е. Руткевича. М.: Медиум, 1995.
11. Михалева К. Ю., Полякова Н. Л. Концепция социального института в социологической теории // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2012. № 2. С. 117–132.
12. March J. C., Olsen J. P. *Elaborating the "New Institutionalism"* // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / R. A. W. Rhodes, S. A. Binder, B. A. Rockman (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. P. 3–22.
13. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.
14. Капелюшников Р. *Неоинституционализм* // *Отечественные записки*. 2004. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2004/6/neoinstitutionalizm> (дата обращения: 10.01.2023).
15. Ачкасов В. А. *Сравнительная политология: учеб.* М.: Аспект Пресс, 2011.
16. Jackman R. W., Ross A. M. *Social capital and politics* // *Annual Review of Political Science*. 1998. № 1. P. 47–73. DOI: 10.1146/annurev.polisci.1.1.47.
17. Малкина М. Ю., Логинова Т. П., Лядова Е. В. *Институциональная экономика: учеб. пособие*. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2015.
18. Simon H. A. *Models of Man*. NY: Johnn Wiley & Sons, 1957.
19. Williamson O. E. *The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting*. NY: The Free Press, 1985.
20. Линде А. Н. *Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации* // *Общество: политика, экономика, право*. 2016. № 2. С. 53–57.

21. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
22. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2001.
23. Шарахина Л. В. Корпорация-гражданин в политическом дискурсе в условиях пандемии // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 4. С. 46–58. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-46-58.
24. Луман Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.
25. Turner B. S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>.
26. Дебердеева Т. Х. Национальная идея в России: гражданственность в содружестве с патриотизмом // Совет ректоров. 2010. № 1. С. 60–65.
27. Руководство по социальной ответственности. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/6/4/64150d953949a8b84b2e0c315e8e4318.pdf> (дата обращения: 13.08.2022).
28. Благов Ю. Е. Эволюция концепции КСО и теория стратегического управления // Вестн. СПбГУ. Менеджмент. 2011. № 1. С. 3–26.
29. Управление проектами в области социального предпринимательства: учеб. пособие / Ю. Н. Арай, О. В. Бандалюк, Д. И. Баркан и др.; под общ. ред. Ю. Е. Благова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017.
30. Азарова Л. В., Ачкасова В. А., Шарахина Л. В. Стратегическая роль PR в формировании новой модели корпоративной социальной ответственности российского бизнеса // Российская школа связей с общественностью. 2019. № 14. С. 11–26.
31. Sharakhina L. V. Digital Technologies in Russian Corporate Citizenship Initiatives // Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021, St Petersburg, April 14, 2021 / St. Petersburg Electrotechnical Univ., SPb., 2021. P. 91–94. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422869.
32. Божко И. Корпоративное гражданство как составляющая устойчивого развития бизнеса и региона // Устойчивый бизнес. URL: <https://csrjournal.com/12931-korporativnoe-grazhdanstvo-kak-sostavlyayushhaya-ustojchivogo-razvitiya-biznesa-i-regiona.html> (дата обращения: 20.09.2021).
33. Публичная политика. Институты, цифровизация, развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018.

Информация об авторе.

Шарахина Лариса Валентиновна – кандидат философских наук (2007), доцент (2019), заведующая кафедрой связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: управление корпоративными коммуникациями, коммуникации в постиндустриальном обществе, социализация, социальная ответственность.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.08.2022; принята после рецензирования 15.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Malyj, A.F. and Logunova, S.O. (2021), "Institutions of law and legal institutes in the modern Russian law and features of their formation", *Education and Law*, vol. 2, pp. 91–96. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-2-91-96.
2. Durkheim, É. (1995), *Sociology. Its subject, method, purpose*, Transl. by Hoffmann, A.B., Kanon, Moscow, RUSSIA.

3. Chesnokova, V. (2008), "Émile Durkheim. Public consciousness. Sociological method", *Polit.ru*, 05.11.2008, available at: <https://polit.ru/article/2008/11/05/soc/> (accessed 13.06.2022).
4. Durkheim, É. (1900), *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés*, Transl. by Yushkevich, P., tip. G.M. Levinsona Odessa, RUS.
5. Durkheim, É. (1991), *De la division du travail social*, Transl. by Hoffmann, A.B., Nauka, Moscow, RUS.
6. Osipov, G.V. (1993), *Istoriya sotsiologii v Zapadnoi Evrope i SShA* [The history of sociology in Western Europe and the USA], Nauka, Moscow, RUS.
7. Weber, M. (2017), *Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus*, 4th ed., Davydov, Yu.N., Centr gumanitarnykh iniciativ, SPb., Moscow, RUS.
8. Parsons, T. (2002), *The Social Theories*, in Chesnokova, V.F. and Belanovskii, S.A. (eds.), *Akademicheskii proekt*, Moscow, RUS.
9. Yadov, V.A. (2006), "Social institutes", *Human. Community. Management*, vol. 1, pp. 4–13.
10. Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.
11. Mikhaleva, K.Yu. and Polyakova, N.L. (2012), "The concept of the social institution in the sociological theory", *Moscow State Univ. bulletin. Ser. 18. Sociology and Political Science*, no. 2, pp. 117–132.
12. March, J.C. and Olsen, J.P. (2006), "Elaborating the "New Institutionalism"", *The Oxford Handbook of Political Institutions*, Rhodes, R.A.W., Binder, S.A. and Rockman, B.A. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, USA, pp. 3–22.
13. North, D. (1997), *Institutions, institutional change and economic performance*, Transl. by Nesterenko, A.N., Fond ekonomicheskoi knigi "NACHALA", Moscow, RUS.
14. Kapelyushnikov, R. (2004), "Neoinstitucionalizm", *Otechestvennye zapiski*, no. 6, available at: URL: <https://strana-oz.ru/2004/6/neoinstitucionalizm> (accessed 10.01.2023).
15. Achkasov, V.A. (2011), *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative politics], Aspekt Press, Moscow, RUS.
16. Jackman, R.W. and Ross, A.M. (1998), "Social capital and politics", *Annual Review of Political Science*, vol. 1, pp. 47–73. DOI: 10.1146/annurev.polisci.1.1.47.
17. Malkina, M.Yu., Loginova, T.P. and Lyadova, E.V. (2015), *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economics], Nizhegorodskii gos. un-t, N. Novgorod, RUS.
18. Simon, H.A. (1957), *Models of Man*, John Wiley & Sons, NY, USA.
19. Williamson, O.E. (1985), *The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting*, The Free Press, NY, USA.
20. Linde, A.N. (2016), "The meaning of J. Habermas's communicative approach in the development of the modern theory of political communication", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 2, pp. 53–57.
21. Habermas, J. (2001), *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln*, Transl. by Sklyadneva, D.V., SPb., Nauka, RUS.
22. Habermas, J. (2001), *Die Einbeziehung des Anderen Studien zur Politischen Theorie*, Transl. by Medvedev, Yu.S., SPb., Nauka, RUS.
23. Sharakhina, L.V. (2021), "Corporate citizen in political discourse amidst the pandemic", *J. of Political Research*, vol. 5, no. 4, pp. 46–58. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-46-58.
24. Luhmann, N. (2005), *Die Realität der Massenmedien*, Transl. by Antonovskii, A.Yu., Praxis, Moscow, RUS.
25. Turner, B.S. (1990), "Outline of a Theory of Citizenship", *Sociology*, vol. 24, no. 2, pp. 189–217. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038590024002002>.
26. Deberdeeva, T.H. (2010), "National Idea in Russia: civic consciousness connected to patriotism", *Sovet rektorov*, no. 1, pp. 60–65.
27. *Social responsibility guideline*, available at: <https://gostexpert.ru/data/files/26000-2012/66792.pdf> (accessed 13.08.2022).

28. Blagov, Yu.E. (2011), "Evolution of CSR Concept and the Strategic Management", *Vestnik of Saint-Petersburg Univ. Management*, no. 1, pp. 3–26.

29. Arai, Yu.N., Bandalyuk, O.V., Barkan, D.I. et al. (2017), *Upravlenie proektami v oblasti sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Project management in the field of social entrepreneurship], Izd-vo SPbGU, SPb., RUS.

30. Azarova, L.V., Achkasova, V.A. and Sharakhina, L.V. (2019), "Strategic role of PR in formation of a new Russian business corporate social responsibility model", *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu*, no. 14, pp. 11–26.

31. Sharakhina, L.V. (2021), "Digital Technologies in Russian Corporate Citizenship Initiatives", *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2021*, St Petersburg, RUS, April 14, 2021, pp. 91–94. DOI: 10.1109/ComSDS52473.2021.9422869.

32. Bozhko, I. (2015), "Corporate citizenship as an element of business and region sustainable development", *Ustojchivyy biznes* [Sustainable business], available at: <https://csrjournal.com/12931-korporativnoe-grazhdanstvo-kak-sostavlyayushhaya-ustojchivogo-razvitiya-biznesa-i-regiona.html> (accessed 20.09.2021).

33. *Publichnaya politika. Instituty, tsifrovizatsiya, razvitie* [Public policy. Institutes, digitalization, development] (2018), in Smorgunov, L.V. (ed.), Aspekt Press, Moscow, RUS.

Information about the author.

Larisa V. Sharakhina – Can. Sci. (Philosophy, 2007), Docent (2019), Head of the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 60 scientific publications. Area of expertise: corporate communication management, postindustrial social communication, socialization, social responsibility.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.08.2022; adopted after review 15.04.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья

УДК 314.74

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-3-86-98>

Многообразии трактовки понятия «диаспора» в китайском языке и их влияние на социальную теорию и практику

На Ван¹, Эльвира Октавьевна Леонтьева^{2✉}

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹wangnazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0357-2100>

^{2✉}Elvira.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>

Введение. В китайском языке, в отличие от русского языка, есть несколько терминов, которые обозначают разные статусы китайских мигрантов, но при этом отсутствует термин «диаспора» как таковой. Эти особенности авторы интерпретируют в русле социальной онтологии как самостоятельные социологические концепции, конструирующие отдельные мигрантские группы. Цель статьи – показать их внутреннюю связность, соотношение с понятием «диаспора» и обозначить сложности и проблемы, возникающие в результате взаимодействия исследователей, обращающихся к этой проблематике. Актуальность исследования состоит в том, что при огромном интересе к миграции исследователи мало внимания обращают на разницу национальных академических дискурсов, имеющую между тем огромное значение, потому что о межкультурных различиях можно договариваться лишь тогда, когда есть понимание, в чем они состоят. В отношении дискуссий о диаспоре такое понимание только предстоит выработать. Статья показывает, что в исследованиях диаспоры есть языковой барьер, который на данный момент является непреодолимым препятствием для авторов, которые пишут о диаспоре на разных языках.

Методология и источники. Использовался дискурсивный анализ научных текстов, посвященных китайской миграции и китайским мигрантам, а также словари и официальные документы, такие как Большой китайско-русский словарь, словарь «Цыхай» (辞海 cihai – «Море слов»), Большая российская энциклопедия, постановления Госсовета и законодательство КНР.

Результаты и обсуждение. Раскрываются трактовки 10 терминов, замещающих понятие «диаспора» в китайском языке. Дается характеристика особенностей каждой из групп. Показано, что существует языковая асимметрия, в результате которой европейское понятие «диаспора» при переводе на китайский язык получает специфические коннотации, которые не могут учесть всех признаков этой общности, поэтому в китайском академическом дискурсе осуществляется замена на наиболее важный с точки зрения переводчика и редактора эквивалент (ситуация «вместо понятия диаспоры»).

Заключение. Делается вывод о том, что в китайском языке через перевод автор выражает выбранные им важные черты мигрантского сообщества, подчеркивая его близость к статусу «диаспора» или отдаленность от него.

Ключевые слова: миграция, диаспора, китайские мигранты, китайская диаспора, исследования диаспоры

© Ван Н., Леонтьева Э. О., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 22-28-00411 «Особенности социальной идентичности мигрантов из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России»).

Для цитирования: Ван Н., Леонтьева Э. О. Многообразие трактовок понятия «диаспора» в китайском языке и их влияние на социальную теорию и практику // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 86–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-86-98.

Original paper

The Interpretation of “diaspora” in Chinese Language: its Diversity and Influence on Social Theory and Practice

Van Na¹, Elvira O. Leonteva²

^{1,2}*Pacific National University, Khabarovsk, Russia*

¹*wangnazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0357-2100>*

²*Elvira.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>*

Introduction. The Chinese language, unlike Russian, has several terms, denoting different statuses of Chinese migrants, but there is no term such as “diaspora”. These features are interpreted by the authors along the lines of social ontology as independent sociological concepts, constructing particular migrant groups. The article’s objective is to show their internal coherence and correlation with the notion of “diaspora” as well as to outline the difficulties and problems occurring as the result of the interaction between researchers dealing with the topic. The relevance of the study stems from the fact that researchers have paid little attention to differences in national academic discourses that are meanwhile very important because intercultural differences can only be negotiated if there is an understanding of what they are. With regard to diaspora discussions, this understanding has yet to be developed. The article shows that in diaspora studies there is a language barrier, which at the moment is currently an impassable obstacle for authors who write about the diaspora in different languages.

Methodology and sources. To work on the article, the authors used a discursive analysis of academic texts on Chinese migration and Chinese migrants, as well as dictionaries and official documents such as the Large Chinese-Russian Dictionary, the Tshai Dictionary (辞海 *ci hai* – Sea of words), the Large Russian Encyclopedia, State Council resolutions, and Chinese legislation.

Results and discussion. The treatment of 10 terms replacing the notion of “diaspora” in Chinese language is disclosed. The authors describe characteristic features of each group. It is illustrated that there is a linguistic asymmetry, as a result of which the European notion of “diaspora” receives specific connotations when translated into Chinese that cannot account all the features of this community, thus in the Chinese academic discourse the substitution with the most important from the translator and editor’s point of view equivalent (the situation “instead of diaspora”) is made.

Conclusion. It is concluded that in Chinese, through translation, the author expresses important features of the migrant community, emphasising either its closeness, or its distance to the “diaspora” status.

Keywords: migration, diaspora, Chinese migrants, Chinese diaspora, studies on diaspora

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00411 “Features of the social identity of migrants from Central Asian countries in the Russian Far East”).

For citation: Van, N. and Leonteva, E.O. (2023), "The Interpretation of "diaspora" in Chinese Language: its Diversity and Influence on Social Theory and Practice", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 86–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-86-98 (Russia).

Введение. Исследования диаспоры давно стали важным самостоятельным направлением в социальных науках, и, поскольку именно китайская община является одной из наиболее многочисленных практически во всех странах мира, совершенно естественно, что ей уделяется особенное внимание исследователей. Существует достаточно большое количество работ, посвященных теоретическим вопросам понимания диаспоры, проблеме многозначности трактовки, критериев, по которым сообщество квалифицируется как «диаспора», и др. Однако несмотря на то, что некоторые авторы сомневаются, можно ли считать китайских мигрантов в России диаспорой [1, 2], в большинстве работ, посвященных им, этот термин используется как интуитивно ясный, обозначающий более или менее устойчивое сообщество китайских мигрантов, проживающих за пределами страны происхождения.

При этом чаще всего авторами упускается из виду тот важный, с нашей точки зрения, момент языковой асимметрии, который вносит диссонанс в дискурсивное поле миграционных исследований, связанных с китайской диаспорой. Эта асимметрия проявляется в том, что в китайском языке, в отличие от русского языка, есть несколько терминов, которые обозначают разные статусы китайских мигрантов, но при этом отсутствует термин «диаспора» как таковой. Эти лингвистические нюансы имеют важное значение для социальных наук и социологических исследований, так как не только термин «диаспора» переводится китайскими авторами по-разному, но и работы российских и англоязычных авторов, использующих это понятие, в китайской социальной науке и для китайского читателя приобретают новые коннотации. Эти, казалось бы, чисто языковые особенности мы попытались интерпретировать в русле социальной онтологии как значимые координаты, позволяющие исследователю-социологу, вооруженному знанием нюансов употребления понятий в китайском языке, диагностировать степень зрелости эмигрантского сообщества, в большей или меньшей степени соответствующей статусу «диаспора». Иначе говоря, каждый термин, используемый в китайском языке для обозначения диаспоры, представляет собой целую социологическую концепцию, конструирующую особенную мигрантскую группу. В своей статье мы показываем, как эти концепции могут быть связаны между собой и как они соотносятся с понятием «диаспора».

Методология и источники. Исследование опиралось на методологию теоретического уровня в междисциплинарном поле, сконструированном на стыке лингвистики и социальной теории. В качестве главного метода исследования выступал дискурсивный анализ избранных научных текстов, посвященных китайской миграции и китайским мигрантам, написанных как российскими, так и китайскими авторами. В качестве важных источников выступали также словари и официальные документы, такие как Большой китайско-русский словарь (БКРС) [3], словарь «Цыхай» (辞海 *cíhǎi* – «Море слов») [4], Большая российская энциклопедия [5], официальные документы Госсовета КНР по определению статуса отдельных категорий китайских мигрантов [6, 7].

Результаты и обсуждение.

Место понятия «диаспора». В этом блоке рассмотрим понятия, обозначающие мигрантские статусы в китайском языке, которые замещают отсутствующее понятие «диаспора».

Несмотря на то, что трактовки термина «диаспора» постоянно уточняются исследователями, его общий смысл и значение, как правило, не вызывают затруднений для русскоязычного или англоязычного читателя. В китайском языке соответствующий перевод этого слова отсутствует, есть только лексическое описание: в электронном переводчике БКРС [3] слово «диаспора» объясняется на китайском языке как «часть людей или этническая группа, живущая за границей или за пределами места рождения».

Есть два китайских слова, которые подходят по значению к русскому слову «диаспора», но ими нечасто пользуются. Первое: 侨民 (qiáomín, цяоминь) – эмигрант, резидент, гражданин (страны), проживающий за границей, временный житель. Второе: 散居国外者 (sǎnjū guowàizhě, саньцзюэ говайчжэ) – лицо, проживающее рассредоточенно (разбросанно или разрозненно) в разных местах за границей. Эти понятия не соразмерны «диаспоре», так как относятся к отдельному индивиду – мигранту, в то время как «диаспора» – понятие собирательное. В связи с этим любопытно, что для китайцев и всех остальных этнических групп, коллективно проживающих за пределами страны происхождения длительное время, в китайском языке используются разные понятия. Далее мы покажем, какие это понятия и в отношении каких групп людей они используются.

Для собирательного понятия в китайском языке используется другое китайское слово 唐人街 (tāng rén jiē, Танжэньцзе) – всем известный «чайна-таун» – китайский квартал, городок. Очевидно, что и это слово не заменит понятие «китайская диаспора», так как относится к территории, локации, месту, где живет диаспора, «вынося за скобки» проживающих в этом месте людей и связи, которые их соединяют. Кроме того, это понятие также используется только для китайцев и не подходит для обозначения компактных мест проживания людей других национальностей.

Более строгим понятием, используемым китайскими исследователями в своих работах, является термин 移民 (yìmín, иминь), который на русский переводится дословно как «мигрант». При переводе российских научных статей на китайский язык для термина «диаспора» чаще всего используется именно это понятие, в котором, как мы видим, также отсутствует собирательный смысл, самый важный для понимания сути диаспоры. Кроме того, и в трактовке этого термина есть много нюансов. В энциклопедическом словаре «Цыхай» [4] дается несколько его значений. Во-первых, оно трактуется как простое существительное: человек или люди, которые переехали в другое государство или место на долгосрочное проживание. Дословно переводится по-русски «мигрант», «мигранты». Во-вторых, как отглагольное существительное, обозначающее перемещение большого количества организованного населения, т. е. действие, связанное с перемещением, передвижением и расселением (по-русски «миграция», «эмиграция», «иммиграция», «колонизация»). В-третьих, как глагол, означающий «мигрировать», «переселять народ», «эмигрировать», «иммигрировать», «колонизировать».

Любопытно, что в электронном переводчике БКРС перевод русского слова «мигрант» обозначает не только перемещающихся людей, но и животных и растения. Китайское слово 移民 (yìmín, иминь) относится только к переселяющимся людям. Таким образом, перевод русского слова «мигрант» хоть и хорошо подходит к китайскому слову 移民 (yìmín, иминь), однако между ними нет гомологического (корреспондированного) перевода и присутствует

разница в объемах понятий. Так, русское слово «мигрант» обозначает переселяющихся людей, а китайское слово 移民 (yimin, иминь) обозначает и переселяющихся людей, и процесс переселения людей, и глагол «переселяться». Кроме того, оно так же, как русское слово «мигрант», подходит для наименования лиц, изменяющих свое место жительства и переезжающих в другой регион в пределах одной и той же страны.

Обратившись к традиционной трактовке слова «мигранты» как она дается в российском электронном словаре (Большая российская энциклопедия [5]), мы прочитали, что под мигрантами следует понимать лиц, проживающих на законных основаниях в государстве, гражданами которого они не являются. В этом определении важное значение имеет временный статус мигранта, который утрачивается в связи с выездом из страны пребывания или приобретением ее гражданства. Таким образом, значение слова «мигрант» связано с наличием гражданства. Вместе с тем в китайском языке существуют термины, отдельно обозначающие мигрантов с гражданством – Хуажэнь (华人) (п. 1 таблицы) и мигрантов без гражданства – Хуацяо (华侨) (п. 2 таблицы). Если принимать во внимание разницу между иммигрантами – иностранцами, прибывшими в страну на постоянное жительство, и эмигрантами – лицами, покинувшими страну своего гражданства или постоянного проживания, тогда для перевода китайского слова Хуажэнь (华人) больше подходит понятие «эмигрант» (с поправкой на то, что речь идет только о китайских эмигрантах).

Таким образом, в Китае существует несколько различных терминов, которые обозначают китайцев, проживающих за пределами страны. Рассмотрим более подробно самые распространенные из них – Хуажэнь (华人), Хуацяо (华侨) и Хуаи (华裔) (п. 3 таблицы).

Термин Хуажэнь (华人) в широком смысле обозначает всех китайцев, проживающих как в Китае, так и за его пределами. Он не имеет территориального ограничения, обобщая всех, кто имеет китайское происхождение. В узком смысле он обозначает китайцев, проживающих за пределами Китая и получивших гражданство данного государства, в котором они проживают. Китайцы, которые живут в Китае, не называют себя Хуажэнь (华人), так как нет необходимости дифференцировать, вокруг тоже китайцы, поэтому Хуажэнь (华人) назовут себя те, кто живет за пределами Китая, чтобы подчеркнуть свое этническое происхождение. Также можно упоминать конкретное гражданство, например, 俄罗斯籍华人 – Хуажэнь с российским гражданством.

Термин Хуацяо (华侨) в сравнении с Хуажэнь (华人) отличается тем, что Хуацяо (华侨) – это китайцы, которые постоянно живут за пределами Китая, но обладают китайским гражданством. Значение иероглифа Цяо (侨) обозначает: жить не там, где родился, или проживать в чужой местности, т. е. обычно Хуацяо (华侨) долго живут в одной стране, но когда получают гражданство данной страны, становятся Хуажэнь (华人).

Термин Хуацяо хорошо известен российским исследователям и часто используется в научной литературе. Так, в статье «Китайская диаспора в странах ЕС» авторы пишут, что «это понятие исторически относилось к китайцам, переехавшим за рубеж на некоторое время, и не включало лиц, проживающих в других странах на постоянной основе. Данный термин получил широкое распространение в русскоязычной научной литературе» [8, с. 85].

В 2021 г. Канцелярия по делам проживающих за границей китайских граждан при Госсовете КНР опубликовала свои разъяснения к термину Хуацяо (华侨). В этом постановлении Хуацяо делятся (华侨) на две категории. Во-первых, китайские граждане, получившие права на долгосрочное или постоянное жительство (например, грин-карту) в зарубежных странах. Они должны прожить там два года подряд непрерывно, из которых в общей сложности пребывать в стране не менее 18 месяцев. Во-вторых, это китайские граждане, получившие временное право на проживание и проживающие непрерывно (подряд) 5 лет при общей сложности пребывания в стране не менее 30 месяцев. При этом к Хуацяо не могут быть отнесены туристы, студенты, приглашенные с визитом лица, государственные служащие, рабочие-экспатрианты, работники и специалисты, отправленные правительством Китая для содействия строительству в других государствах [6].

Есть также отдельные понятия, употребляющиеся по отношению к мигрантам второго поколения. Например, термин Хуаи (华裔) дословно переводится как «потомки китайцев, проживающих за пределами Китая», так как иероглиф И (裔) обозначает отдаленных потомков, отпрысков, потомство и происхождение. Однако и здесь есть нюанс, связанный с тем, о каких потомках идет речь: Хуажэнь (华人) или Хуацяо (华侨)? Обычно считается, что Хуаи (华裔) – это китайцы, которые родились и выросли за пределами Китая, получившие образование и социализировавшиеся за рубежом как китайские мигранты второго и третьего поколений. Большинство из них даже не разговаривают на китайском языке. Однако если определять по юридическому статусу, то тех потомков, кто получил гражданство стран проживания, можно называть Хуаи (华裔), а тех, у кого китайское гражданство, нельзя. Таким образом, дети Хуажэнь (华人) однозначно являются Хуаи (华裔), а дети Хуацяо (华侨) хотя по социальному статусу и признакам идентичны детям Хуажэнь (华人), но не относятся к Хуаи (华裔), так как у них нет юридического статуса – гражданства. Однако часто бывает так, что и дети Хуацяо (华侨) тоже относятся к Хуаи (华裔). Например, в некоторых странах Европы и в США работает практика получения гражданства по месту рождения, поэтому дети, родившиеся у китайцев в этих местах, автоматически получают гражданство этих стран. Некоторые китайцы считают, что таких детей нельзя назвать Хуаи (华裔), но можно назвать Хуажэнь (华人) первого поколения или Вайцзи Хуажэнь (外籍华人) (п. 4 таблицы).

Таким образом, различие между Хуажэнь (华人) и Хуаи (华裔) – в месте рождения. Хуажэнь (华人) родились на территории Китая, а Хуаи (华裔) обычно родились за пределами Китая, т. е. Хуажэнь (华人) – первое поколение китайцев, живущих за границей и поменявших гражданство, а Хуаи (华裔) – второе, третье и последующие поколения этих китайцев. Обычно говоря о Хуаи (华裔), как и о Хуажэнь (华人), упоминают конкретное гражданство, например, 俄罗斯籍华裔 – Хуаи (华裔) с российским гражданством. Хуаи (华裔) входят в состав представителей Хуажэнь (华人) (рисунок).

Кроме этих трех основных понятий, установленных официально, еще существует и употребляется несколько терминов в других документах, научных статьях и публикационных новостных текстах.

Как уже упоминалось, от термина Хуажэнь (华人) происходит термин Вайцзи Хуажэнь (外籍华人) (п. 4 таблицы) – законные иностранцы китайского происхождения. При помощи приставки этого слова Вайцзи (外籍) подчеркивается юридический статус – некитайское

гражданство у человека китайского происхождения. Так называются люди с китайским происхождением, которые обладают иностранным гражданством, получившие его в результате натурализации или при рождении и в силу этого автоматически утратившие гражданство КНР. Вайцзи Хуажэнь (外籍华人) включает в себя три категории мигрантов: бывшие китайские граждане, получившие гражданство других государств; Хуаи (华裔) (п. 3 таблицы); дети китайских граждан, имеющие иностранный паспорт (так как во многих странах ребенок, рожденный в стране, автоматически получает гражданство данной страны, несмотря на то, что его родители иностранцы). При этом категории Вайцзи Хуажэнь (外籍华人) и Хуажэнь (华人) очень близки по значению, являются практически синонимами, обозначая китайцев, не имеющих китайского гражданства.

Еще один термин Хайвай Хуажэнь (海外华人) (п. 5 таблицы) дословно переводится как «заморские Хуажэнь», по-английски – «Overseas Chinese». В статье «Китайская диаспора в странах ЕС» авторы пишут, что «во всех официальных документах КНР для определения китайского населения, проживающего за пределами Китая, независимо от гражданства используется именно этот термин» [8, с. 85–86]. Они считают, что Хайвай Хуажэнь (海外华人) – это «все китайцы и лица китайского происхождения, проживающие за рубежом, совокупность всех китайских мигрантов, зарубежная китайская община, фактически китайская диаспора» [8, с. 85]. Если следовать такой логике, то больше по смыслу здесь подходит словосочетание Хайвай Хуажэнь Хуацяо (海外华人华侨) (п. 6 таблицы), так как Хуажэнь (华人) в узком смысле обозначает китайцев, проживающих за пределами Китая и получивших гражданство государства, в котором они проживают, а Хуацяо (华侨) как раз обозначает китайцев, проживающих за пределами Китая и не получивших гражданства данного государства.

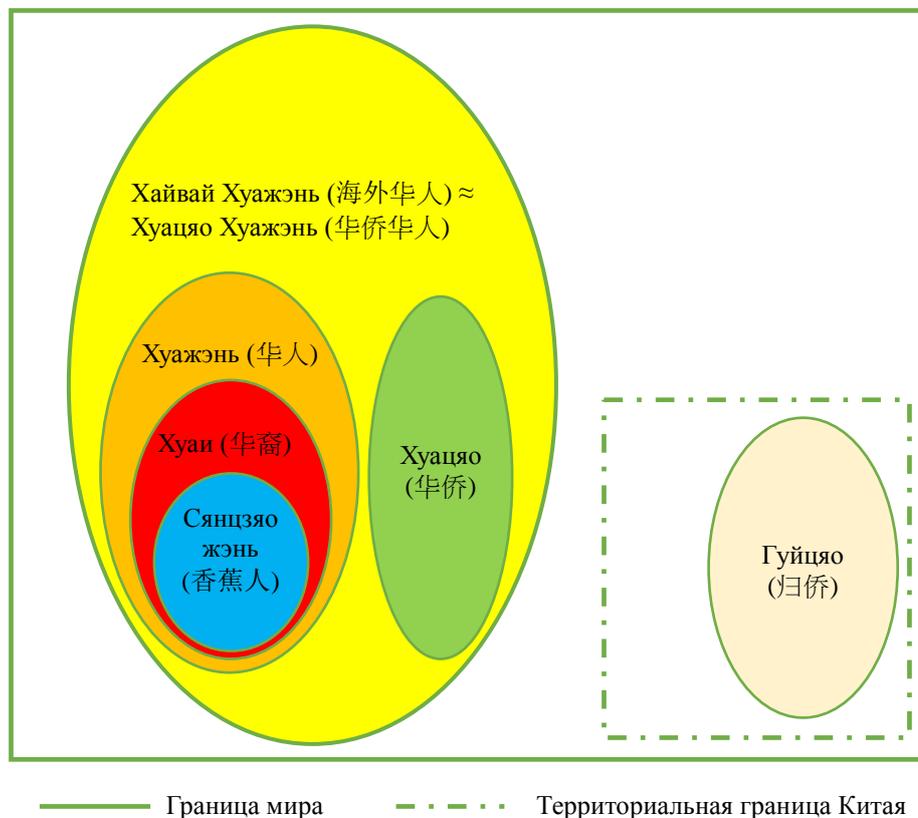
Сочетание терминов Хуацяо (华侨) и Хуажэнь (华人) дает новое понятие Хуацяо Хуажэнь (华侨华人) (п. 7 таблицы), который широко употребляется и в официальной, и в разговорной речи, например, встречается в названии интернет-ресурса 中国侨网 (Китайский сайт зарубежных китайцев) [9]. Нюанс состоит в том, что название Хайвай Хуажэнь (海外华人) используется для обращения к китайцам, проживающим за рубежом, со стороны китайцев в Китае, в то время как Хуацяо Хуажэнь (华侨华人) – это обращение зарубежных китайцев к самим себе. Это значит, что именно эта категория наилучшим образом выражает этническую идентичность и используется самими же мигрантами для самоидентификации себя в качестве отдельной группы соотечественников, проживающих за рубежом. В эту группу можно включить Хуацяо (华侨) плюс Вайцзи Хуажэнь (外籍华人).

В эту сложную систему соподчинения терминов включается еще и лексика, обращенная к возвращенцам. Так, в «Законе Китайской Народной Республики о защите прав и интересов возвращенцев из-за рубежа и членов их семей» (中华人民共和国归侨侨眷权益保护法, принятом на Пятнадцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Седьмого созыва 7 сентября 1990 г. с поправками от 31 октября 2000 г.) [7] дано объяснение термина Гуйцяо (归侨) (п. 8 таблицы). Гуйцяо (归侨) – возвращенцы, это слово относится к китайцам, которые долго жили за рубежом, но вернулись на родину и обосновались в Китае. Эта группа включает в себя часть Хуацяо (华侨), которые вернулись жить в Китай, и часть Вайцзи Хуажэнь (外籍华人), которые восстановили свое китайское гражданство в соответствии с китайским законодательством. Китайское правительство

предоставляет ряд льгот, оказывает помощь вернувшимся соотечественникам, а разработкой конкретных мер поддержки занимаются соответствующие ведомства при Государственном совете КНР. В связи с этим используется специальное слово для еще одной группы мигрантов – Цяоцзюань (侨眷) (п. 9 таблицы). Так называются члены семей Хуацяо (华侨) и Гуйцяо (归侨): сами Хуацяо (华侨) продолжают жить за границей Китая, но члены их семей, живущие на территории Китая, будут называться Цяоцзюань (侨眷) и будут защищены законом КНР «О защите прав и интересов возвращенцев из-за рубежа и членов их семей».

Среди многочисленных терминов имеются также жаргонизмы, например сленговое молодежное слово Сянцзяо Жэнь (香蕉人) (п. 10 таблицы). Сянцзяо Жэнь (香蕉人) – «человек-банан» («желтый снаружи, белый внутри»). Так говорится о китайцах, родившихся на Западе и/или воспитанных в европейском ключе, не знающих китайскую культуру и традиции. Это прозвище китайцев, подвергшихся влиянию западной культуры, которым называют большинство Хуаи (华裔). В противовес этому прижилось другое метафорическое выражение – Манго Жэнь (芒果人) – «человек-манго» («желтый снаружи, желтый внутри»), обозначающее китайцев, родившихся вне территории Китая, но, в отличие от Сянцзяо Жэнь (香蕉人), знающих китайский язык, историю и культуру.

Соотношение между терминами, приведенными в тексте, представлено на рисунке и в таблице.

Соотношение содержаний понятий, замещающих термин «диаспора» в китайском языке
The concepts' correlation replacing the term of "diaspora" in Chinese

Сводная характеристика разных типов китайских мигрантов в китайском языке
The general characteristics of different Chinese migrants' types in Chinese language

№	Названия терминов китайских мигрантов	Признаки				
		Наличие китайского гражданства	Проживание в Китае	Использование в официальных документах	Знание китайского языка и культуры	Соотношение между терминами
1	Хуажэнь (华人)	нет	нет	да	Часть знают, часть плохо знают, часть не знают	Этнический китаец с гражданством других стран
2	Хуацяо (华侨)	есть	нет	да	да	Китаец с китайским гражданством
3	Хуаи (华裔)	нет	нет	да	Часть знают, часть плохо знают, часть не знают	Потомки Хуажэнь (华人) или Хуацяо (华侨)
4	Вайцзи Хуажэнь (外籍华人)	нет	нет	нет	да/нет	Хуажэнь (华人) ≈ Вайцзи Хуажэнь (外籍华人)
5	Хайвай Хуажэнь (海外华人)	да/нет	нет	нет	да/нет	Хайвай Хуажэнь (海外华人) ≈ Хуацяо Хуажэнь (华侨华人)
6	Хайвай Хуажэнь Хуацяо (海外华人华侨)	да/нет	нет	нет	да/нет	Хайвай Хуажэнь (海外华人) + Хуацяо (华侨)
7	Хуацяо Хуажэнь (华侨华人)	да/нет	нет	нет	да/нет	Хуацяо (华侨) + Хуажэнь (华人)
8	Гуйцяо (归侨)	да	да	да	да	Возвращенцы
9	Цяоцзюань (侨眷)	да/нет	да/нет	да	да/нет	Члены семей Хуацяо (华侨) и Гуйцяо (归侨)
10	Сянцзяо Жэнь (香蕉人)	да/нет	нет	нет	нет	Часть из Хуаи (华裔), которые незнакомы с китайским языком и культурой

Вокруг понятия «диаспора». В рамках обсуждения рассмотрим, как многообразие трактовок к понятию «диаспора» образует дискуссионную площадку, формирующую новое смысловое пространство в социологии миграции.

При том, что среди исследователей всех стран мира нет согласия в том, что считать диаспорой, для всех очевидно, что это понятие собирательное, т. е. представлено комплексом признаков, которым должно соответствовать сообщество, чтобы так называться. В первом параграфе мы упомянули те из них, которые в китайском языке, не зная слова «диаспора», могут помочь его сконструировать по отношению к китайской диаспоре. Теперь рассмотрим, как все эти сложности и многообразие трактовок отражаются на работе исследователей и влияют на взаимопонимание между китайскоязычными и русскоязычными исследователями.

В китайской социальной науке сложности с переводом термина «диаспора» уже достаточно давно являются предметом анализа и дискуссии. Так, профессор Сямыньского университета Ли Минхуань в своей статье «Diaspora: определение, дифференциация, объединение и реконструкция» пишет, что, «будучи академической концепцией иностранного происхождения, этот термин ставит китайских исследователей в затруднительное положение, при котором невозможно найти его точное соответствие в китайскоязычном дискурсе» [10, с. 3].

Автор отмечает, что различия в переводах этого термина на китайский язык возникли давно и менялись со временем. Так, в ранних переводах значения используемых понятий сильно отличались: Любу – 流布 (распространяться, рассеиваться, циркулировать), Саньчудэ Диюй – 散处的地域 (рассеянные регионы), Цзаго Чживай – 家国外 (за пределами страны) и т. д. В конце 1990-х гг. при переводе стал больше акцентироваться факт «рассеянного по миру» существования этнической группы, который передавался следующими словами:

- Да Люсань – 大流散 (великое рассеяние);
- Иминь Шицзу – 移民氏群 (клан эмигрантов);
- Лисань – 离散 (рассеиваться, рассыпаться, разбредаться в разные стороны);
- Люсань – 流散 (растекаться, скитаться, излучать, эманировать);
- Саньцзюй – 散居 (рассеяние, прожить разрозненно, прожить рассредоточенно);
- Ицюнь – 裔群 (группа этнических потомков);
- Цзуи Саньцзюй – 族裔散居 (этническое рассеяние);
- Фейсан – 飞散 (разлетаться, рассеиваться) и т. д.

По словам Ли Минхуань, с точки зрения социальной антропологии именно «рассеянность» людей повсюду составляет ключевое содержание термина «диаспора». Также важно, по ее мнению, что, помимо «рассеянности» по миру, в этом понятии присутствует чувство преданности и ностальгии по своей родине, поэтому исследователь в течение многих лет и до настоящего времени переводит «диаспора» через понятие Люсань Цзуюнь – 流散群族 (рассеянные этнические группы или разрозненная группа).

Ли Минхуань отмечает, что именно это понятие использовалось также и при переводах самых известных в мире трудов о диаспоре: книги Габи Шеффера «Современные рассеянные этнические группы в международной политике» (Gabi Sheffer, 1986), первой в мире «Энциклопедии диаспор» (Encyclopedia of Diasporas), книги Робина Коэна «Глобальные диаспоры» (Robin Cohen, Global Diasporas), а также для названия международного научного журнала «Рассеянные этнические группы», издаваемого Университетом Торонто в Канаде [10, с. 4].

Аргументы Ли Минхуань очень убедительны, и можно было бы согласиться с автором, что понятие Люсань Цзуюнь – 流散群族 – подходит для перевода слова «диаспора». Однако с нашей точки зрения, рассеянное существование, несомненно являясь важным свойством диаспоры, не исчерпывает всех характеристик, обязательных для понимания этого термина. Так, совсем не принимается во внимание, что рассеянная этническая группа чтобы называться диаспорой, должна, помимо прочего, обладать свойством внутренней организованности: показывать себя как относительно сплоченное сообщество, имеющее институциональную форму, т. е. живущее по своим нормам и правилам. Это свойство диаспоры считается настолько важным, что из-за его отсутствия многие авторы не могут назвать некоторые рассеянные группы диаспорами, например, китайских мигрантов в России. Следовательно,

несмотря на распространенность и значимость в китайских переводах понятия Люсань Цзуюнь (流散群族), мы не можем считать его полностью заменяющим понятие «диаспора».

Вероятно, правомерно говорить о том, что разные признаки диаспоры подчеркиваются разными китайскими словами, поэтому мы считаем, что термин Люсань Цзуюнь – 流散群族 – подходит в том случае, когда для исследователя или читателя наиболее важным свойством диаспоры является ее рассеянность по миру и связь с местом исхода. Этот термин пока не является общеупотребительным в китайской научной традиции, однако получает все большее распространение и чаще всего используется для обозначения не китайских этнических диаспор. Что же касается китайских мигрантов, для них существует целый словарь отдельных терминов, обзор которых мы представили выше.

В переводах работ о китайских мигрантах в России чаще всего, как уже упоминалось, используется термин Иминь – 移民 (yimin-мигранты). Из этого можно предположить, что авторы не считают китайских мигрантов в России группой, имеющей важные для диаспоры признаки численности и сплоченности, как, например, для Люсань Цзуюнь – 流散群族 или Хуацяо Хуажэнь – 华侨华人. Например, широко известная в России и Китае книга А. Г. Ларина «Китайские мигранты в России: история и современность» вышла в России в 2009 г. с китайским названием на обложке «中国人在俄罗斯», переводящимся как «Китайцы в России» [11]. Однако для китайского перевода этой книги, опубликованного в 2017 г. «中国移民在俄罗斯: 历史和现实» [12], было использовано понятие Иминь – 移民 (yimin-мигранты).

Из таких переводческих решений можно сделать вывод, что все важные для статуса диаспоры характеристики, о которых мы говорили выше, при общем анализе китайской миграции в Россию не принимаются переводчиком как существенные. Для перевода сознательно используется наименее содержательный и максимально общий термин, чем подчеркивается такой же неопределенный и размытый статус мигрантской группы, явно не дотягивающий до диаспоры. С этим согласны и многие российские исследователи [1, 2]. Действительно, Россия не входит в число самых привлекательных стран для китайских мигрантов, планирующих долгосрочные стратегии пребывания за рубежом, в связи с чем относительно небольшая численность группы и низкая ее сплоченность определяет то, какой термин выбрать для перевода.

В такой логике использование других терминов может являться сигналом для читателя, показывающим, какие характеристики мигрантской группы важны для автора. Например, Гао Янь в работе «Социально-экономическое положение современных китайских мигрантов на Дальнем Востоке России» для обозначения китайцев, живущих на Дальнем Востоке, использует термин Хуацяо Хуажэнь (华侨华人) [13]. Из такого названия ясно, что при исследовании социального и экономического положения зарубежных китайцев на российском Дальнем Востоке для автора не являются важными наличие или отсутствие у них китайского гражданства, владение китайским языком, однако важным является понимание этой группы как условно сплоченной компактным (нерассеянным) проживанием. Выше мы упоминали, что именно этот термин используется зарубежными китайскими мигрантами для самоидентификации.

Заключение. Таким образом, ситуация отсутствия прямого эквивалента понятия «диаспора» в китайском языке приводит к достаточно любопытным выводам. С одной сто-

роны, создается впечатление бедности языка, не имеющего возможности для точного академического перевода. С другой стороны, мы видим наличие большого количества схожих и замещающих терминов – целое дискурсивное поле или отдельный немаленький словарь. В связи с этим сама проблема подбора подходящего понятия становится серьезной научно-теоретической проблемой. Ведь в действительности оказывается, что почти каждое свойство, которое вкладывает европеец в термин «диаспора», в китайском языке имеет свой отдельный, онтологически нагруженный эквивалент, выраженный отдельным иероглифом или группой иероглифов. Это создает возможность через перевод выразить и статус мигрантского сообщества, подчеркивая важность для него определенных признаков – численности, рассеянности, сплоченности, времени проживания, наличия или отсутствия гражданства. Подбирая эквивалент, в котором эти характеристики доминируют или комбинируются, автор тем самым указывает и на то, насколько исследуемая группа близка к тому, чтобы называться диаспорой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киреев А. А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4 (27). С. 28–47.
2. Ларин А. Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 5. С. 65–82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82.
3. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch> (дата обращения: 15.12.2022).
4. 辞海 (cǐhǎi/Цыхай) («Море слов» – словарь). URL: <https://www.cihai.com.cn/baike/detail/72/5614475?q=移民> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/migranty-7fe590> (дата обращения: 10.02.2023).
6. 华侨华人华裔分不清？哪个才是中国籍？ // 中国侨网微信公众号. 18.09.2021. URL: <http://www.gqb.gov.cn/news/2021/0918/52188.shtml> (дата обращения: 10.02.2023).
7. «中华人民共和国归侨侨眷权益保护法». URL: <https://new.qq.com/rain/a/20220907A07BJ100> (дата обращения: 18.01.2023).
8. Слука Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 80–95. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.
9. 中国侨网. URL: <http://www.chinaqw.com/hqhr/> (дата обращения: 15.02.2023).
10. 李明欢. Diaspora: 定义, 分化, 聚合与重构 // 世界民族. 2010. 期 5. 页 1–8.
11. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная кн., 2009.
12. 拉林·亚·格(俄罗斯), 刘禹, 刘同平(译), 中国移民在俄罗斯: 历史和现实, 天津人民出版社, 2017.
13. 高艳. 俄罗斯远东地区当代华侨华人社会经济状况 // 黑河学院学报. 2021. 期 2. 页 16–18.

Информация об авторах.

Ван На – аспирантка Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: теории миграции, китайская миграция в разных странах мира.

Леонтьева Эльвира Октавьевна – доктор социологических наук (2011), профессор Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, ул. Тихоокеанская, 136, г. Хабаровск, 680035, Россия. Автор 73 научных

публикаций. Сфера научных интересов: университет как феномен культуры, социология коррупции, неформальные практики, миграционные процессы в приграничных регионах.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.05.2023; принята после рецензирования 09.06.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Kireev, A.A. (2013), "Is there a Chinese Diaspora in the Far East of Russia", *Ojkumena. Regional Researches*, no. 4 (27), pp. 28–47.
2. Larin, A.G. (2017), "Chinese Diaspora in Russia", *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 10, no. 5, pp. 65–82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82.
3. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Big Chinese-Russian Dictionary], available at: <https://bkrs.info/slovo.php?ch> (accessed 15.12.2022).
4. 辞海 (Cihai, Sea of Words), available at: <https://www.cihai.com.cn/baike/detail/72/5614475?q=移民> (accessed 10.02.2023).
5. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia], available at: <https://bigenc.ru/c/migranty-7fe590> (accessed 10.02.2023).
6. "How to distinguish Huaqiao and Hajing? Which of them is a Chinese citizen?", (2021), *The Office for the Affairs of Chinese Citizens Living Abroad under the State Council of the People's Republic of China*, available at: <http://www.gqb.gov.cn/news/2021/0918/52188.shtml> (accessed 10.02.2023).
7. *Zhonghua renmin gongheguo guiqiao qiaojuan quanyi baohufa* [Law of the People's Republic of China on the Protection of the Rights and Interests of Returnees from Abroad and Their Family Members], available at: <https://new.qq.com/rain/a/20220907A07BJ100> (accessed 18.01.2023).
8. Sluka, N.A., Korobkov, A.V. and Ivanov, P.N. (2018), "The Chinese Diaspora in the EU Countries". *Baltic Region*, vol. 10, no. 3, pp. 80–95. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.
9. *Zhongguo qiaowang* [Chinese website of foreign Chinese], available at: <http://www.chinaqw.com/hqhr/> (accessed 15.02.2023).
10. Li, M. (2010), "Diaspora: definition, differentiation, unification and reconstruction", *Shijie minzu*, no. 5, pp. 1–8.
11. Larin, A.G. (2009), *Chinese migrants in Russia: history and our contemporary time*, Vostochnaya kn., Moscow, RUS.
12. Larin, A.G. (2017), *Chinese migrants in Russia: history and our contemporary time*, Transl. by Liu, Yu, TongPing, Tianjin People's Publishing House, CHN.
13. Gao, Ya. (2021), "Socio-economic situation of modern Chinese migrants in the Russian Far East", *Heihe xueyuan xuebao*, no. 2, pp. 16–18.

Information about the authors.

Van Na – Postgraduate at the Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk 680035, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: migration theories, Chinese migration in the world.

Elvira O. Leonteva – Dr. Sci. (Sociology, 2011), Professor at the Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk 680035, Russia. The author of 73 scientific publications. Area of expertise: university as culture phenomena, sociology of corruption, informal practices, migration processes in border regions.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.05.2023; adopted after review 09.06.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.77
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-99-113>

Репрезентация национальной идентичности в сети

Маргарита Романовна Снегур

*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия,
m@margosnegur.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4137-811X>*

Введение. Целью данной статьи являются изучение и построение типологии ситуаций актуализации национальной идентичности молодежи в цифровом пространстве. Научная новизна данной работы заключается в изучении процесса конструирования национальной идентичности как результата усвоения институционального национализма, пропущенного сквозь фильтры личностных установок, что в итоге проявляется в вариативности способов репрезентации национальной идентичности в различных социальных ситуациях. Актуальность обусловлена современными социополитическими условиями и необходимостью глубинного изучения категории национальной идентичности.

Методология и источники. Методология исследования базируется на подходах социального конструктивизма (нация как «воображаемое сообщество» Б. Андерсона), символического интеракционизма (драматургический подход И. Гофмана), этносимволизма (повседневный национализм Дж. Хатчинсона) и memory studies (культурная память Я. Ассмана). Метод исследования – дискурс-анализ блогов в TikTok и Instagram*, единица анализа – блог как кейс, объем выборки составил 127 кейсов. Сбор эмпирических данных проходил в период с 26.01.2022 по 10.03.2022.

Результаты и обсуждение. Цифровое пространство предоставляет условия для выражения максимальной степени интенсивности репрезентации национальной идентичности, которая может проявляться в социальных сетях в самых разнообразных формах (костюм, текст, музыка, изображение, декорации и т. д.). Выявлены следующие типы репрезентации национальной идентичности в сети: национальная идентичность как «профессия», как «фанатство», национальная идентичность в условиях постоянной актуализации (мигранты, межкультурный брак), в контексте повседневности, ситуационная национальная идентичность, отсутствие определенной национальной идентичности.

Заключение. На основе проведенного эмпирического исследования предлагается типология ситуаций конструирования национальной идентичности молодежи в сети на основе степени интенсивности ее репрезентации. Типологию можно представить в виде континуума, на одном полюсе которого – яркая репрезентация национальной идентичности, на другом – активное размывание и смешение национальных маркеров.

Ключевые слова: национальная идентичность, конструирование идентичности, цифровая идентичность, перформанс, социальная идентичность, глобализация, цифровое пространство, социальные сети, национальные символы

Для цитирования: Снегур М. Р. Репрезентация национальной идентичности в сети // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-99-113.

© Снегур М. Р., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

* Социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации. Принадлежит экстремистской организации.

Original paper

Representation of National Identity on the Net

Margarita R. Snegur

*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia,
m@margosnegur.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4137-811X>*

Introduction. The purpose of the article is to study and construct the typology of situations of the national identity actualization of young people in the digital space. The scientific novelty of the work lies in the study of the constructing national identity process as a result of the assimilation of institutional nation-building, passed through the filters of personal attitudes, that can be observed in the variability of representing national identity ways in various social situations. The relevance is conditioned by modern socio-political conditions and the need for in-depth study of the category of national identity.

Methodology and sources. The research methodology is based on the approaches of social constructivism (the nation as an “imaginary community” by B. Anderson), symbolic interactionism (the dramatic approach of I. Goffmann), ethno-symbolism (everyday nationalism of J. Hutchinson) and memory studies (cultural memory of J. Assman). The research method is a discourse analysis of blogs in TikTok and Instagram, the unit of analysis is a blog as a case, sample size made up 127 cases. The collection of empirical data took place from 01.26.2022 to 03.10.2022.

Results and discussion. The digital space provides the conditions for the maximum degree of intensity of the national identity representation, which can be represented in social networks by a wide variety of forms (costume, text, music, image, scenery, etc.). The following types of representation of national identity in the network have been identified: national identity as a “profession”, as “fandom”, national identity in the context of constant updating (migrants, intercultural marriage), in the context of everyday life, situational national identity, lack of a specific national identity.

Conclusion. The conducted empirical research allows to construct the typology of situations of national identity of young people representations in the network. The typology is based on the degree of intensity of national identity representation. The typology can be represented as a continuum, on one pole of which there is a vivid representation of national identity, on the other - an active blurring and confusion of national markers.

Keywords: national identity, identity construction, digital identity, performance, social identity, globalization, digital space, social networks, national symbols

For citation: Snegur, M.R. (2023), “Representation of National Identity on the Net”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-99-113 (Russia).

Введение. Национальная идентичность индивида долгое время рассматривалась как одна из наиболее стабильных социальных идентичностей. Профессия или политические взгляды могут меняться неоднократно на протяжении жизни человека, но его чувство принадлежности к нации не было столь сильно подвержено изменениям вплоть до XXI в. Немаловажную роль в размывании стабильности национальной идентичности сыграло, в том числе, бурное техническое развитие, обусловившее и рост географической мобильности, доступ к информации, взаимопроникновение течений и идей, и возможность поддержания коммуникации представителями разных культур друг с другом [1–5]. В ходе идущих глобализационных процессов все чаще можно слышать о множественности идентичности,

кризисе идентичности, о диффузной идентичности, о транснациональных взаимодействиях [6–8]. В то же время во многих странах отмечается рост уровня национального самосознания. Выражается он чаще всего именно на уровне повседневных практик, что зачастую идет вразрез с официальными заявлениями политических лидеров, преимущественно транслирующих повестку о международном сообществе и культурном разнообразии.

Российская молодежь в возрасте от 14 до 35 лет представляет собой социально-демографическую группу, которая наиболее активно подвергается влиянию двух противоречивых трендов. С одной стороны, эта возрастная когорта росла в период распространения компьютерных технологий, импорта продуктов зарубежного массового искусства, развития широких возможностей различных стажировок, обменов и программ академической мобильности и т. д., иными словами – под воздействием процесса глобализации. С другой стороны, укрепление национальной безопасности и отношение к молодежи как к будущему страны обуславливают активные государственные меры по укреплению национального самосознания, патриотического воспитания посредством различных социальных институтов, влияя на повседневные практики населения, в том числе и в цифровом пространстве.

Социальные сети сегодня стали одной из важнейших практик повседневности, с помощью которых пользователями решается ряд задач, и среди них особую роль играет применение широкого функционала и возможностей для активной самопрезентации. Предоставленный набор средств применяется по-разному в зависимости от целей пользователей: кто-то стремится создать цифровую версию себя, кто-то – определенный образ, далекий от реальности. Цифровой профиль раскрывает определенный спектр тематик: блог ограничен интересами и возможностями своего автора, и в рамках ведения собственной страницы пользователь жонглирует своими социальными идентичностями, актуализируя ту или иную идентичность из доступного репертуара в зависимости от ситуации. Сформированный посыл размещенного видео и фото может неоднозначно считываться подписчиками. Например, девушка с ограниченными возможностями, показывающая в видеоролике технику нанесения макияжа, может получить больше комментариев относительно ее здоровья, чем реакций на результат ее творческой деятельности, несмотря на основной смысл отправляемого сообщения. Национальная идентичность в случае перехода в цифровое пространство также является одной из социальных идентичностей, которая может целенаправленно конструироваться с помощью различных технологий, а может неосознанно для автора проговариваться, привлекать к себе внимание пользователей, считывающих определенные символы и по-своему интерпретирующих их. Конструирование национальной идентичности в сети представляется своего рода виртуальным перформансом, в котором социальные ситуации определяют интенсивность использования национальных символов и образов. Понимание специфики ситуаций, актуализирующих национальную идентичность в сети, позволит углубить понимание особенностей формирования индивидуальной национальной идентичности.

Так, целью настоящего исследования являлись построение и типизация моделей социального конструирования перформативной национальной идентичности молодыми россиянами в начале второго десятилетия XXI в. в социальной сети. Предметом исследования выступают интенсивность применения и количество способов (технологий) конструирования национальной идентичности молодыми пользователями в социальных сетях TikTok

и Instagram*. Объектом исследования являются блоги в социальных сетях TikTok и Instagram*. Основной исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: какие существуют типы репрезентации национальной идентичности в данных социальных сетях? Так, основой типологии являются интенсивность и количество используемых технологий для репрезентации национальной идентичности в сети. В качестве гипотезы исследования можно предположить, что типы репрезентации национальной идентичности можно представить в виде континуума, где на одном полюсе – максимально яркая репрезентация национальной идентичности и активное использование всех возможных технологий для ее представления, на другом – отсутствие выраженности определенной национальной идентичности блога.

Методология и источники. В рамках данной работы предлагается рассмотреть национальную идентичность с позиции социального конструктивизма. Одним из первых о конструктивистском характере нации заявил Э. Ренан, определивший еще в XIX в. нацию как ежедневный плебисцит, т. е. ежедневный выбор самоопределения себя как члена определенной нации [9]. Одной из наиболее известных работ по данной проблематике является «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона. Он считал нацию воображаемым сообществом, которое имеет собственные границы и обладает суверенитетом [10]. Нация потому воображаема, что все члены этого сообщества никогда не видели друг друга, однако у них присутствует убежденность в наличии схожих, объединяющих черт, отличающих их от других. Так, нация представляется ее членам ограниченным сообществом, которое включает определенное количество людей и культурные границы с другими сообществами. Другой работой, вышедшей одновременно с «Воображаемыми сообществами», содержащей конструктивистское понимание нации, является «Нации и национализм» Э. Геллнера. Он определил нацию как своеобразный результат взаимного соглашения: «Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации; нации – продукт человеческих убеждений, страстей и склонностей» [11]. Согласно концепции этничности Ф. Барта процесс идентификации обусловлен наличием границы с «Другими» [12]. Определение различий способствует самокатегоризации, предписанием значимых характеристик. Некоторую схожесть представляют теории когнитивной психологии, в рамках которых склонность человека подчеркивать различия между одними категориями и сходства между другими обусловлена стремлением к упорядочиванию мира [13–15].

Таким образом, теоретические подходы к пониманию категории национальной идентичности обладают широкой вариативностью, а попытки дать ее определение исчисляются десятками. На необходимость кристаллизации понятий «нация» и «национализм» указывали американский социолог Р. Брубейкер [16] и отечественный этнолог В. А. Тишков [17]. Важной чертой является использование данной категории в русском языке, где она имеет ярко выраженную этническую коннотацию. Многослойность категории проявляется в публичном ее использовании российскими политиками, СМИ в разных контекстах, что отражается также и в официальных документах. Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли Л. М. Дробижева [18], З. В. Сикевич, Н. Г. Скворцов [19–21], А. Г. Здравомыслов [22], Э. А. Паин [23] и др. Отечественные авторы указывали на проблему соотношения национальной и этнической идентичности и сложности в применении данных категорий. При этом

в соответствии с западной традицией национальная идентичность определяется в большей степени как гражданская идентичность.

В данной работе предлагается включить и гражданский, и этнический компоненты в понимание национальной идентичности в силу того, что характер качественного полевого исследования предполагает выявление и понимание феномена самими информантами без жестко ограничивающих предварительно разработанных категорий. К тому же изучение личных блогов, т. е. именно перформативной, репрезентируемой национальной идентичности блогером в цифровом пространстве обуславливает невозможность выявления того, что именно вкладывал в понимание национальной идентичности (гражданский или этнический компонент) сам автор, и соответствует ли она реальной национальной идентичности автора.

В соответствии с целью исследования одной из задач является описание не столько декларируемой автором блога национальной идентичности, сколько представляемой национальной идентичности аудитории. Так, это представление может иметь осознанный целенаправленный характер, а может быть неосознанным. Достижение поставленной задачи возможно с помощью категории «перформативной идентичности». Концепт «перформативности» приобрел значительную популярность в результате исследований Дж. Батлер; она применяет его в отношении к производству действий через телесность. Говоря о гендерной идентичности, Батлер утверждает, что она не является предопределенной, а конструируется в результате специфических («перформативных») действий [24]. Подобное понимание перформативной идентичности применимо в том числе для анализа национальной идентичности. Так, можно говорить о том, что национальная идентичность конструируется и воспроизводится через перформанс. Р. Шехнер определяет перформанс как любое человеческое действие в повседневной жизни людей, т. е. перформанс как повседневное представление. Подобное понимание также находит свое отражение в драматургическом подходе И. Гофмана, который также использует концепт «перформативности», анализируя взаимодействия. В работах «Представление себя другим в повседневной жизни» [25] и «Поведение в публичных местах» [26] взаимодействия людей рассматриваются с помощью метафоры театра, т. е. как представления, которые направлены исполнителем на аудиторию с целью создания определенного впечатления, поддержания идентичности и закрепления собственного права на определенную социальную роль.

Таким образом, в рамках данного исследования рассматривается именно та национальная идентичность, которая представляется аудитории, с помощью различных технологий в определенных условиях цифрового пространства.

Социальная идентичность, в том числе национальная, имеет ситуационный характер, т. е. становится актуальной в определенных условиях. Одним из основных факторов, обуславливающих актуализацию идентичности, является ситуация прямого или косвенного взаимодействия с «другими»: пересечение национальных границ, жизнь в условиях мультикультурализма, межэтнические и международные экономические отношения, бытовые или политические конфликты. Здесь распознавание по шкале «свой/чужой» нередко имеет практическое значение.

С целью изучения и выявления типологии ситуаций актуализации национальной идентичности в цифровом пространстве было проведено эмпирическое исследование. Объектом

исследования являются блоги в социальных сетях TikTok и Instagram* с основной публикационной активностью в период 2020–2022 гг. Выбор социальных сетей обусловлен их высокой популярностью среди молодых людей, а также в силу широкой вариативности визуального перформанса: основным способом коммуникации являются изображения или видео и их обсуждение. Иными словами, данные социальные сети в большей мере предоставляют возможности для создания образа и управления впечатлением. Единицей анализа является отдельный блог как кейс. Объем выборки составил 127 профилей (кейсов). Поиск кейсов для анализа осуществлялся в несколько этапов: сначала изучался каждый профиль по хештегам «нация», «национальность»; затем отмечались комментарии, набравшие больше всего лайков, и изучались профили комментирующих; по трендовым звукам; при отметках и видео в формате «дуэты». Поиск кейсов осуществлялся с опорой на вопрос: «А как еще может репрезентироваться национальная идентичность?». Сбор эмпирических данных проходил в период с 26.01.2022 по 10.03.2022.

В дискурс-анализе коммуникация понимается как символическое поле, где происходит распознавание отношения «другого» ко мне и меня к «другому» в традициях теории М. Мосса. В процессе коммуникации символы актуализируются, реконструируются, а высказывание стремится к соответствию с действием [27]. Более того, значительный вклад в понимание процесса представления национальной идентичности в блоге может внести дискурсивная психология как метод дискурс-анализа. Дискурсивная психология опирается в большей степени на опосредованные свидетельства тех или иных установок и убеждений, чем на изучение личности напрямую, что соответствует цели исследования [28]. Предметом дискурс-анализа в данном случае является содержание блогов. Для интерпретации процесса коммуникации блогера в отношении своей национальной идентичности с аудиторией применялся визуальный метод по принципу метода анализа фотографий. Однако в данном случае материалом для анализа выступали не только фото и видео в социальных сетях, но также авторское текстовое сопровождение к ним, хештеги, а также комментарии пользователей [29].

Кейс (блог) подвергался анализу следующим образом: в текстовом формате описывался профиль – аватарка, «шапка» (т. е. самописание) профиля, автор профиля (пол, приблизительный возраст, место проживания/рождения (при упоминании самим автором), после чего описывался отдельно каждый клип или пост. Система категорий анализа определяется технологиями конструирования национальной идентичности в сети: наличие самоидентификации, используемый язык, костюм, кухня, музыка, декорации (природа, интерьер дома и т. д.), национальные праздники; обычаи, традиции, участие в политическом дискурсе, участие в туристических практиках. Текстовые файлы каждого кейса анализировались с помощью программы Atlas.ti. При описании используется кодировка, где К – кейс, цифра – номер проанализированного кейса в хронологическом порядке. В сносках представлены названия профилей.

Результаты и обсуждение. Полученные данные позволили определить широкую вариативность применения различных технологий конструирования национальной идентичности в сети. Определив основным критерием интенсивность (количество и частоту используемых маркеров) представления национальной идентичности, можно построить типологию ее репрезентации в различных ситуациях.

В каких ситуациях национальная идентичность блогера актуализируется и какими бывают эти ситуации? Рассмотрим выявленную типологию ситуаций в порядке убывания интенсивности репрезентации национальной идентичности.

Так, наиболее яркое выражение национальной идентичности проявляется у блогеров с «просветительской» функцией (примеры: K30, K31, K38, K49, K50, K62)¹. Чаще всего это блоги, основная тематика которых строится на репрезентации своей национальности. В отличие от реального мира, цифровое пространство в данном случае предлагает множество различных технологий конструирования и репрезентации национальной идентичности. Разработка поста или видео предполагает предварительную подготовку: продумывание внешнего вида, локации в качестве фона, музыкального сопровождения, сюжета и основного посыла размещаемого материала, что позволяет сделать его максимально наполненным передаваемыми символами и образами. Профили включают в себя широкое применение технологий: использование только родного языка или дублирование аудио текстом на русском языке, если родной язык отличается, демонстрация национальных костюмов, съемка в аутентичных пейзажах, использование национальных элементов в интерьере, демонстрация национальной кухни. Часто видео имеют образовательный характер: «как приготовить дагестанский хинкал», «так празднуют свадьбу на Кавказе» и т. д. Музыкальное сопровождение также имеет национальный характер, однако возможно периодическое использование трендовых звуков, что позволяет продвигать видео для более широкой аудитории. Подобная стратегия может быть обусловлена стремлением популяризировать собственную культуру в том числе и с помощью таких методов. Также наблюдаются модификации известных композиций на этнический манер: создание ремиксов, исполнение на родном языке и т. д. Контент блогов с данной тематикой транслирует значительное количество национальных символов и образов. Однако важными целями для многих блогеров данного направления являются разрушение мифов, стереотипов о своей культуре и повышение интереса к ней. Таким образом реализуется стремление дать голос меньшинству, сделать его заметным, узнаваемым хотя бы в цифровом пространстве. Так, актуализация национальной идентичности в данном случае характерна в ситуациях этнического меньшинства (подчеркивание культурного своеобразия) или экономического рынка (оригинальный контент как инструмент маркетингового позиционирования для привлечения аудитории).

Ярко конструируется идентичность блогеров – «фанатов»: в данном случае основная тематика блога посвящена какой-то культуре (к которой блогер не принадлежит по факту рождения, но которой сильно интересуется или даже стремится в нее влиться). Желание включения может иметь разную интенсивность: от визуализированных мечтаний до реального переезда (K36, K60, K70, K71, K82, K84, K87)². В этом случае контент строится вокруг культурных различий, изучения языка, обычаев, традиций. Проживание на определенной территории обуславливает набор конкретных условий, в рамках которых индивид существует в повседневности. Важно подчеркнуть, что этот выбор ограничен: культурными, политическими, экономическими условиями. Так, проживая в России, человеку вне зависимости от его желания приходится расплачиваться рублями, использовать для полноценной

¹ @sati0070, @rioni_dance, @missilnara_, @kryasheny, @dnevnik_udmurtki, @monarxist_2021.

² @fydybasta, @abuzerttt, @_nastya_, @dianadobrew, @azam.angela, @neturchanka, @user153766442.

социальной жизни русский язык, видеть особенности архитектуры и памятники национальным героям и т. д. В случае глубокого интереса к культуре другой страны именно цифровое пространство становится площадкой для выражения этого интереса, разделения его с другими, погружения в ее атмосферу без необходимости географической мобильности. Находясь в условиях одной социокультурной ситуации, можно виртуально переместиться в другую и примерить другую национальную идентичность в режиме онлайн. Характерной чертой данного типа блогов является преимущественное использование чужих фото- и видеоматериалов и создание различных постов из них, за исключением случаев посещения страны с изучаемой культурой (в этом варианте часто публикуется множество оригинального контента собственного производства). Сам контент представляет собой использование продуктов массовой культуры (изображения знаменитостей, сцены из сериалов и фильмов и т. д.), с помощью которых автор знакомился и интересовался определенной страной. Это чаще всего корейские и турецкие сериалы. В последнее время наблюдается также рост популярности испанских сериалов. В ситуациях «фанатства» имеют место поддержание и распространение культурных мифов с помощью создания материалов, насыщенных стереотипными атрибутами определенной культуры для формирования определенного впечатления; использование наиболее узнаваемых и популярных символов культуры.

Другое направление блогов, наполненных множеством различных национальных символов, связано с активной политической идентичностью, которая имеет в том числе культурные, социальные и экономические аспекты. В данной категории может быть разное направление политической мысли и идейных течений (национал-социализм, либерализм, монархизм, славянофильство, язычество, новые правые, ультраправые и т. п.), выражаемое также в разных формах. Так, например, в случае с блогами с активной репрезентацией приверженности либерализму это может выражаться как в видео лекционных форматах с личным участием автора, дискуссиях о новостных сюжетах, политических лидерах, так и в создании видео с юмористическим контентом по данной тематике, использовании готовых видео- и фотоматериалов (K106, K107, K108, K109, K110, K111)¹. Блоги активных приверженцев монархизма часто носят обезличенный характер, а контент демонстрирует значительное количество национальных символов Российской Империи (флаг, архитектура, персоналии, костюмы, формы досуга и т. п.). В данной ситуации перформанс национальной идентичности сопряжен с определенным историческим периодом и ностальгией по нему, что выражается в создании определенного спектакля без актера (K2, K62, K66, K67)². В случае с правым движением представление идентичности может быть различным – как обезличенный спектакль с широким разнообразием символов и сюжетов, так и репрезентация своей позиции через демонстрацию ее проявления в повседневной жизни: нанесение специфических тату-ировок, ношение конкретных марок одежды, определенный внешний образ, спортивная подготовка, формы досуга, открытая декларация ценностей и собственного мнения по социально-культурным вопросам (K98, K100, K102, K103, K104)³.

¹ @kristi.khv, @marfaaaw, @mustum_marie, @alilouist, @karluklarkorall, @vakuolly.

² @chistiu_6537, @monarxist_2021, @chistiu_6537, @kkryukd.

³ @kirillrus178, @gorochnik_2004, @ander_344, @willss_11, @_parizhanin_.

В рассмотренных случаях часто характерной чертой является то, что публикации по указанной тематике – это единственный контент профиля, развитие иных направлений либо вовсе отсутствует, либо выбирается смежная тематика. Например, при ведении блога о какой-то культуре автор может сделать серию постов и видео о семье, деревне или популярных фильмах в данном регионе и т. п., однако эти тематики имеют этнический контекст и продолжают реализовывать функцию просветительства.

Следующий тип ситуации можно обозначить как «межкультурный брак»/«интегрирующийся мигрант» (К4, К5, К6, К41, К42/К9, К10, К11, К12, К13, К14, К76)¹. В данном случае блог наполняет контент, подчеркивающий различия, сравнения «нас» и «их», который может иметь разную форму: от рассказов-монологов до юмористических скетчей. В некоторых случаях данная тематика сопряжена с образовательным или бизнес-направлением: ведение русскоговорящим блогером, проживающим в другой стране, блога на русском языке, нацеленного на определенную русскоговорящую аудиторию, где демонстрируется его повседневная рутина во взаимодействии с представителями другой культуры и продается своя «экспертность»: язык, знание «тайных» туристических маршрутов, технологий подачи документов на визу и т. д. С помощью различных технологий конструируется и активно репрезентируется идентичность самого блогера, а также демонстрируется среда, насыщенная элементами другой культуры. Зрителям представляются сразу два различных национальных образа: самого автора и окружающих условий. Автор профиля использует различные технологии конструирования национальной идентичности, но также показывает способы адаптации в ситуациях культурных разграничений, конфликтов. Контент здесь может иметь более широкий круг: не только тематическое направление вроде «русский муж пробует татарскую кухню», но и включать другие тематики, интересные блогеру. Однако основным контентом являются национальные различия.

В несколько меньшей степени национальная идентичность актуализируется в ситуации «включенности в контекст»: автор не публикует специализированный контент о своей культуре, разграничениях и сравнениях и т. д. и ведет профиль по принципу «личного дневника», но идентичность все равно считывается (порой вопреки замыслу автора) из визуализируемых повседневных практик: внешнего облика, используемого основного языка, демонстрируемой кухни, привычек, декораций, музыкального сопровождения, участия в празднествах и т. д. (К15, К17, К19, К24, К25, К26, К28, К32, К33 и др.)². В данной ситуации технологии конструирования идентичности отражают повседневную жизнь автора: туристические поездки по родному краю, прослушивание музыки местных исполнителей, демонстрация блюд, которые готовятся в семье из поколения в поколение, и т. д. Предметами повседневного быта становятся те объекты, которые доступны, распространены на территории проживания автора, а потому для сторонней аудитории становятся узнаваемыми. Автор зачастую не проводит самоопределение, не подписывает национальность в описании профиля, не ставит хештеги целенаправленно, и зачастую аудитория таких профилей

¹ @oksana_iz_dagestana, @riabyk, @yamalovy_a_a, @kristina_bo1, @real_kiradetka/@anasuriii, @amina.news, @true_amsterdam, @my_russian_accent, @janifel, @easy_spain, @travel_paris.

² @rasima_mig, @ammi_gig, @aihai_2_3, @fsb020, @zaynab_akaeva, @soslan_15, @patiewww, @shamsi_ya, @xayal_266.

составляет не больше 100 подписчиков. В то же время, несмотря на отсутствие явного конструирования идентичности с помощью комбинации различных технологий и обилия национальных символов, ведение блога в формате lifestyle в подобной ситуации приводит к считыванию аудиторией символов из контекста.

Некоторые блоги имеют одну определенную тематику (например, спорт, компьютерные игры, мода и т. д.) или достаточно ограниченный набор тематик. Такие блоги привлекают целевую аудиторию со специфическими интересами. Зачастую в них язык не является главным, автор может его не использовать вовсе, применяя эмоджи и популярные песни или звуки, или использовать английский как язык международного общения. В таких блогах ядром контента является не сам автор, а какая-то сфера жизни.

Подобные условия формируют два типа ситуаций: «космополитизма» и «временной актуализации» идентичности. В последнем случае в блоге конструируется в первую очередь идентичность эксперта, которая может иметь «национальный окрас»: специфика конкретных условий места проживания блогера, языка (акцента), применения доступных материалов, программного обеспечения, продуктов и т. д. в определенной стране (K113, K114, K115)¹. Возможны также варианты блогов, контент которых разнообразен, основан на личном бренде автора, однако автор жонглирует несколькими социальными идентичностями, среди которых национальная идентичность практически не проявляется или проявляется крайне редко. «Временная актуализация» происходит в ситуациях невозможности или особенностей реализации деятельности основной тематики блога и демонстрацией в нем определенных обстоятельств, актуализировавших проблему национальной идентичности: туристическая или бизнес-поездка, политический конфликт, значимый национальный праздник, популярность тематического тренда TikTok. Так, например, в период начала специальной военной операции России на Украине высказывание собственной позиции стало распространенным не только в личных профилях блогеров, но и в различных бизнес-аккаунтах. Однако данное событие в целом спровоцировало актуализацию репрезентации национальной идентичности и волну видеороликов в поддержку страны принадлежности (K1, K52, K53, K55, K61, K65, K105, K112)².

В ситуации «космополитизма» используемых национальных символов так много, они имеют столь разное происхождение, что самоидентификация автора не считывается (K22, K23, K46, K116, K117, K118, K119, K120, K126, K127)³. Подобный стиль ведения блога часто встречается среди фрилансеров, дауншифтеров, экспертов в определенной узкой теме, активных путешественников, имеющих широкую социальную сеть поверх национальных границ и ведущих свой профиль без определенной тематики в режиме lifestyle, чем вызвана потребность быть понятным большинству: использовать международный язык общения, примерять разные идентичности во время туристических или бизнес-поездок, на время включаясь в определенную группу, или сконцентрировать внимание на конкретной теме или проблеме определенного круга профессионалов вне зависимости от их национальной принадлежности.

¹ @ssofitos.expert, @elisha_lis, @janegaroux.

² @ksyshamedvedeva1987, @alexsus, @_kiskaplak_@mark_devolt, @katucha009, @tvoy_antibiotik_88, @martihhha_, @amidiv_776.

³ @margarita_so_, @krisdyumina, @vasilisabeautiful, @vk48th, @anastasile, @girlwalkgonfire, @ze_makeupart, @fingerhustler, @lord.socks.

Несмотря на то, что изучение национальной идентичности в целом представляется достаточно актуальной темой, спецификой данного исследования выступил анализ не столько самой идентичности, сколько типов ее представления в социальной сети с помощью применения возможных для этого инструментов цифрового пространства. Социальные сети помогают преодолевать географическое пространство и конструировать и репрезентировать тот тип национальной идентичности, который кажется наиболее предпочтительным для автора блога.

Анализ эмпирических данных в виде материала социальных сетей Instagram* и TikTok сопряжен с рядом трудностей: особенности внутренних алгоритмов, обуславливающих риск попадания в так называемый «пузырь фильтров», множественность символических и культурных знаков, возможность несоответствия цифрового образа реальной идентичности автора. Нивелирование данных рисков происходило в силу обозначенной цели исследования, с помощью разнообразных методов поиска материала.

Исследования перспективы использования материалов указанных социальных сетей и проведенные эмпирические исследования реализованы преимущественно за рубежом [30–32]. В отечественном академическом дискурсе материал в социальных сетях рассматривается в большей степени с позиции экономики, общественных отношений и рекламы [33–35 и др.]. В связи с этим применение визуального метода анализа данных в рамках эмпирического исследования типологии репрезентации национальной идентичности в социальных сетях молодыми авторами блогов представляет собой научную новизну и позволяет углубить понимание процесса репрезентации национальной идентичности в повседневных практиках.

В то же время важно подчеркнуть, что сбор данных происходил в период с 26.01.2022 по 10.03.2022, включивший начало специальной военной операции России на Украине. Данное событие способствовало актуализации национальной идентичности, что выразилось в значительном росте преимущественно политического контента.

Заключение. Цифровой образ может являться виртуальной копией реального человека, а может совершенно отличаться от него и представлять собой нечто новое, желаемое. Другими словами, автор блога выступает как режиссер спектакля в социальных сетях, где актером чаще всего является он сам, конструируя образ с помощью различных цифровых технологий (изображения, видео, звука). При этом блог является своеобразной сценой, где идентичность режиссера может обозначаться и без присутствия актера, а создаваться как некий антураж с помощью других форм (в данном случае – национальных символов). Репрезентация национальной идентичности в цифровом пространстве представляется неизбежным процессом вне зависимости от желания автора блога. В той или иной мере она присутствует в блоге, актуализируясь в определенных ситуациях различий.

По результатам проведенного эмпирического исследования была предложена типология репрезентации национальной идентичности в социальных сетях, основным критерием которой является интенсивность. Так, в одних случаях национальная идентичность выступает своего рода «профессией», занимая первое место в системе идентичностей. В данном случае события, явления, модели поведения и т. п. рассматриваются сквозь призму национальной идентичности. Интенсивность репрезентации обуславливается применением большого количества различных форм конструирования национальной идентичности, активной

самоидентификацией. На другом полюсе – человек, у которого гибкое, пестрое амплуа, он может «доставать» свою национальную идентичность и «прятать», «заигрывать» с ней, вспоминать тогда, когда ему необходимо, а в некоторых случаях и вовсе целенаправленно ее избегать.

Высокая интенсивность репрезентации национальной идентичности отмечается в блогах, посвященных определенной культуре, к которой автор блога принадлежит (группы этнического меньшинства, национального объединения) или не принадлежит, но стремится быть включенным («фанатство»), а также тех, что построены на выражении политической идентичности. Значительная степень интенсивности репрезентации национальной идентичности обнаруживается в блогах мигрантов и людей, состоящих в межкультурных браках. В данных блогах присутствуют национальные символы и различные формы конструирования национальной идентичности, однако зачастую параллельно с другими темами или услугами (образование, работа, юридическая и туристическая помощь, мода, спорт и т. д.). В середине между полюсами можно расположить блоги, авторы которых ведут их по принципу личного дневника, а потому национальная идентичность считывается аудиторией на основании включенности в контекст: демонстрацией определенных мест, товаров, пейзажей, кухни, языка, традиций и т. д. Меньшая степень интенсивности репрезентации национальной идентичности отмечена в блогах, использующих символы различных культур и течений, однако в определенных ситуациях (национальный праздник, поездка за рубеж, политический конфликт и т. д.) актуализирующих свою национальную идентичность. И последним по уровню интенсивности является тип личных блогов, в которых представлено широкое разнообразие различных национальных символов, демонстрируется поддержка и разделение различных культурных традиций, что делает затруднительной национальную идентификацию аудиторией.

Таким образом, выявленная типология репрезентации национальной идентичности сфокусирована на ее перформансе именно в цифровом пространстве. Рассмотренные типы конструирования и представления национальной идентичности в сети позволили подчеркнуть различие способов конструирования реальной и виртуальной национальной идентичности. Максимальное количество применяемых способов характерно именно для интернет-пространства, где возможно конструирование образа с крайне высокой степенью интенсивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
3. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, ООО «Транзиткнига», 2004.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2021.
6. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2021.

8. Foucault M. *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction*. NY: Pantheon Books, 1978.
9. Ренан Э. Что такое нация? // *Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова. Т. 6. Киев: Типография Ф. М. Фиха, 1902. С. 87–101.*
10. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева; под ред. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016.*
11. Геллнер Э. *Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991.*
12. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006.*
13. Tajfel H., Turner J. C. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Social psychology of intergroup relations / in Worchel S., Austin W. G. (eds.). Chicago: Nelson-Hall Publishers. 1986. P. 7–24.*
14. Тернер Дж. *Социальное влияние / пер. с англ. З. С. Замчук. СПб.: Питер, 2003.*
15. Deschamps J. C., Doise W. *Crossed category memberships in intergroup relations / in H. Tajfel (ed.) // Differentiation between social groups. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. P. 141–158.*
16. Брубейкер Р. *Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.*
17. Тишков В. А. *Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопр. филос. 1998. № 9. С. 3–26.*
18. Дробижева Л. М. *Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–228.*
19. Сикевич З. В. *Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 2. С. 41–58.*
20. Сикевич З. В., Скворцов Н. Г. *Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // Вестн. РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 277–291. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291.*
21. Скворцов Н. Г. *Этничность и национализм: этнические корни национализма // Релятивистская теория нации // М.: РНИСиНП, 1998. С. 26–45.*
22. Здравомыслов А. Г., Цуциев А. А. *Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социол. журн. 2003. № 3. С. 20–50.*
23. Паин Э. А. *Этничность, нация и политика: критические очерки по этносоциологии. М.: Новое литературное обозрение, 2023.*
24. Батлер Дж. *Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.*
25. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. Е. Антоновой. СПб.: Питер, 2021.*
26. Гоффман Э. *Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ: пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. М.: Элементарные формы, 2017.*
27. Кожемякин Е. А. *Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.*
28. Красина М. Н. *Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология. 2018. № 2. С. 159–165.*
29. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2007.*
30. Schellewald A. *Communicative forms on TikTok: Perspectives From Digital Ethnography // International J. of Communication. 2021. Vol. 15. P. 1437–1457.*
31. Mackenzie S. A., Nicholas D. *Finding 'places to be bad' in social media: the case of TikTok // Urban Australia and Post-Punk / in D. Nichols, S. Perillo (eds.). Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. P. 285–298. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9702-9_22.*
32. McCosker A., Gerrard Y. *Hashtagging depression on Instagram: Towards a more inclusive mental health research methodology // New Media & Society. 2020. Vol. 23, iss. 7. P. 1899–1919. DOI: 10.1177/1461444820921349.*

33. Оточина М. С. Реклама в социальных сетях: тенденции и перспективы развития // Вестн. ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 1. С. 82–86.

34. Терских М. В., Плюснина Н. В. Рекламные интеграции в социальной сети TikTok: понятие, функции, форматы, жанры // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 345–357. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-345-357.

35. Богомолова Д. А. Социальная сеть Tik Tok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 572–576.

Информация об авторе.

Снегур Маргарита Романовна – ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: национальная идентичность, этническая идентичность, гражданская религия, перформативная идентичность.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.04.2023; принята после рецензирования 15.06.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.

REFERENCES

1. Urry, Jo. (2012), *Mobilities*, Transl. by Lazarev, A.V., Praxis, Moscow, RUS.
2. Bauman, Z. (2008), *Liquid Modernity*, Transl. by Asochakov, Yu.V., Piter, SPb., RUS.
3. Bauman, Z. (2019), *Retrotopia*, Transl. by Silaeva, V.L., in Oberemko, O.A. (ed.), VCIOM, Moscow, RUS.
4. Huntington, S. (2004), *Who are we?*, Transl. by Bashkirov, A., Izd-vo ACT, ООО "Tranzitkniga", Moscow, RUS.
5. Huntington, S. (2021), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, Transl. by Velimeev, T., Izd-vo ACT, Moscow, RUS.
6. Giddens, A. (1991), *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
7. Baudrillard, J. (2021), *L'echange Symbolique et La Mort*, Transl. by Zenkin, S.N., RIPOL classic, Moscow, RUS.
8. Foucault, M. (1978), *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction*, Pantheon Books, NY, USA.
9. Renan, E. (1902), "What is nation?", *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected works: in 12 vol.], vol. 6, Transl. by Mikhailov, V.N., Tipografiya F. M. Fikha, Kiev, RUS, pp. 87–101.
10. Anderson, B. (2016), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V.G., in Ban'kovskaya, S.P. (ed.), Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
11. Gellner, E. (1991), *Nations and Nationalism*, Transl. by Berdikova, T.V. and Tyun'kina, M.K., Progress, Moscow, RUS.
12. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference* (2006), in Barth, F. (ed.), Transl. by Pil'shchikov, I., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.
13. Tajfel, H. and Turner, J.C. (1986), "The Social Identity Theory of Intergroup Behavior", *Social psychology of intergroup relations*, in Worchel, S. and Austin, W.G. (eds.), Nelson-Hall Publishers, Chicago, USA, pp. 7–24.
14. Turner, Jo. (2003), *Social influence*, Transl. by Zamchuk, Z.S., Piter, SPb., RUS.
15. Deschamps, J.C. and Doise, W. (1978), "Crossed category memberships in intergroup relations", in Tajfel, H. (ed.), *Differentiation between social groups*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 141–158.
16. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity without Groups*, Transl. by Borisova, I., Izd. dom VShE, Moscow, RUS.
17. Tishkov, V.A. (1998), "Forget about the nation (post-nationalist understanding of nationalism)", *Voprosy Filosofii*, no. 9, pp. 3–26.
18. Drobizheva, L.M. (2008), "National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility", *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in reform], iss. 7, pp. 214–228.

19. Sikevich, Z.V. (2011), "The influence of the ethnic factor on modern society and man", *The J. of sociology and social anthropology*, vol. 14, no. 2, pp. 41–58.
20. Sikevich, Z.V. and Skvortsov, N.G. (2020), "Contemporary society: the urgent issues and prospects for development", *RUDNJ. of Sociology*, vol. 20, no. 2, pp. 277–291. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291.
21. Skvortsov, N.G. (1998), "Ethnicity and nationalism: ethnic roots of nationalism", *Relyativistskaya teoriya natsii* [Relativistic theory of the nation], RNISiNP, Moscow, RUS, pp. 26–45.
22. Zdravomyslov, A.G. and Tsutsiev, A.A. (2003), "Ethnicity and ethnic violence: opposition of theoretical paradigms", *Sociological J.*, no. 3, pp. 20–50.
24. Pain, E.A. (2023), *Etnichnost', natsiya i politika: kriticheskie ocherki po etnosotsiologii* [Ethnicity, nation and politics: critical essays on ethnosociology], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
24. Batler, J. (2018), *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*, Transl. by Kralechkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
25. Goffman, E. (2021), *The Presentation of Self in Every Day Life*, Transl. by Antonova, E., Piter, SPb., RUS.
26. Goffman, E. (2017), *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* Glencoe, Transl. by Korbut, A.M., in Sokolov, M.M. (ed.), *Elementarnye formy*, Moscow, RUS.
27. Kozhemyakin, E.A. (2006), "Discourse analysis in modern social and humanitarian knowledge", *Human. Community. Management*, no. 3, pp. 25–39.
28. Krasina, M.N. (2018), "Discourse, discourse analysis and methods of their application to interdisciplinary projects", *Herald of Tver State Univ. Ser.: Philology*, no. 2, pp. 159–165.
29. Sztompka, P. (2007), *Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza*, Transl. by Morozova, N.V., Logos, Moscow, RUS.
30. Schellewald, A. (2021), "Communicative forms on TikTok: Perspectives from Digital Ethnography", *International J. of Communication*, vol. 15, pp. 1437–1457.
31. Mackenzie, S.A. and Nicholas, D. (2020), "Finding 'places to be bad' in social media: the case of TikTok", *Urban Australia and Post-Punk*, in Nichols, D. and Perillo, S. (eds.), Palgrave Macmillan, Singapore, SGP, pp. 285–298. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-32-9702-9_22.
32. McCosker, A. and Gerrard, Y. (2020), "Hashtagging depression on Instagram: Towards a more inclusive mental health research methodology", *New Media & Society*, vol. 23, iss. 7, pp. 1899–1919. DOI: 10.1177/1461444820921349.
33. Otochina, M.S. (2020), "About advertising trends and development prospects in social networks", *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova*, no. 1, pp. 82–86.
34. Terskikh, M.V. and Plyusnina, N.V. (2022), "Advertising integrations in the TikTok social network: concept, functions, formats, genres", *Neophilology*, vol. 8, no. 2, pp. 345–357. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-345-357.
35. Bogomolova, D.A. (2020), "Tik Tok social network as an element of integrated marketing communications", *Sciff. Questions of Students Science*, no. 4 (44), pp. 572–576.

Information about the author.

Margarita R. Snegur – Associate Researcher, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: national identity, ethnic identity, civil religion, performative identity.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 03.04.2023; adopted after review 15.06.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 316.7
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-114-126>

К вопросу об отношении к спортивным практикам в православии

Александр Сергеевич Гонашвили

*Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет),
Санкт-Петербург, Россия,
a.s.gonashvili@technolog.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4205-7035>*

Введение. Статья содержит всесторонний и целостный анализ существующих в православных кругах суждений относительно физической культуры и спорта, отражающих православное мировоззрение и его ценностный уклад. Новизна статьи заключается в эмпирическом обосновании роли телесного и духовного развития верующих людей на фоне спортивных практик, а также в статье представлено обоснование противоречий и проблем восприятия спортивных практик в условиях православного мировоззрения.

Методология и источники. В качестве методологической базы используется комплексный подход к проблеме изучения и анализа спортивных практик. Основным исследовательским методом в работе является интернет-опрос.

Результаты и обсуждение. Согласно проведенному исследованию среди православных людей не наблюдается единства в понимании роли физической культуры в православном духовном развитии. Большая часть респондентов считает, что призывы к развитию своего тела не является делом церкви, в неразвитости своего тела они не видят никакого греха. Это результат влияния различных ценностей общества, в котором проживают люди. Поэтому особо важно подчеркнуть роль церкви в воспитании физической культуры у молодежи и подрастающего поколения.

Заключение. В целом автор статьи приходит к выводу, что среди православных людей не наблюдается единства в понимании роли физической культуры в православном духовном развитии.

Ключевые слова: православие, спортивные практики, спасение души, физические упражнения, физическая культура, спорт, религия

Для цитирования: Гонашвили А. С. К вопросу об отношении к спортивным практикам в православии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 114–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-114-126.

Original paper

On the Question of the Attitude to Sports Practices in Orthodoxy

Aleksandr S. Gonashvili

*Saint Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russia,
a.s.gonashvili@technolog.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4205-7035>*

Introduction. The article is aimed at a comprehensive and holistic analysis of the judgments existing in Orthodox circles regarding physical culture and sports, reflecting the Orthodox worldview and its values. The novelty of the article lies in the empirical

© Гонашвили А. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

substantiation of the role of the physical and spiritual development of believers against the background of sports practices, as well as the substantiation of contradictions and problems of perception, sports practices in the conditions of the Orthodox worldview.

Methodology and sources. A comprehensive approach to the problem of studying and analyzing sports practices is used as a methodological basis. The main research method in the work is an Internet survey.

Results and discussion. According to the study, it should be noted that there is no unity among Orthodox people in understanding the role of physical culture in Orthodox spiritual development. Most people believe that the call for the development of their body is not the work of the church, they do not see any sin in the underdevelopment of their body. This is the result of the influence of various values that are in one or another society in which people live. Therefore, it is especially important to emphasize the role of the church in the educational process of physical culture among young people and the younger generation.

Conclusion. In general, the author of the article comes to the conclusion that there is no unity among Orthodox people in understanding the role of physical culture in Orthodox spiritual development.

Keywords: orthodoxy, sports practices, salvation of the soul, physical exercises, physical culture, sports, religion

For citation: Gonashvili, A.S. (2023), "On the Question of the Attitude to Sports Practices in Orthodoxy", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 114–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-114-126 (Russia).

Введение. Спорт в процессе своего развития преобразовался в универсальный социальный институт. В последние годы наблюдается активное развитие такого направления, как социология спорта. Это научное направление представляет собой важную составляющую при изучении взаимодействия таких понятий, как спорт и общество. Прежде чем вести речь о социологии спорта, нам необходимо дать определение научному направлению, связанному с социологией спорта и пониманием спорта в целом.

Социальный институт спорта строится на социальных отношениях, циркулирующих в обществе, например, классик социологии Т. Веблен в своей работе «Теория праздного класса» [1] обозначал спорт как элемент демонстрации праздным классом своего потребления в отношении профессиональных спортсменов. Но со временем отношения в спорте и к спорту сильно изменились. Если пытаться определить, когда спорт стал приобретать черты социального института, то можно отметить период начала XX в., когда спорт стал бурно развиваться и популяризоваться как социальный феномен. Изучением социальной функции спорта принято считать изучение взаимодействий людей в области спорта или физической культуры, где под физической культурой понимают упражнения, направленные на развитие здоровья и укрепление различного рода физических способностей, которые, в свою очередь, являются физиологическими задатками человека и передаются генетическим путем следующему поколению [2]. Под спортом понимается часть физической культуры, направленная на специальную подготовку к соревновательному процессу, который должен проходить в рамках досуга. Спорт вырабатывает в человеке стремление к лидерству в спортивной борьбе за победу. Другими словами, спорт закаляет в человеке такое качество, как лидерство, и делает его более адаптированным к реальности. Это качество в свою очередь проявляется в человеке в различных сферах его деятельности: учебе, работе и т. п. Исторически так сложилось, что процесс институционализации спорта связан с ростом и изменением статуса

буржуазного класса. Это связано с тем, что у буржуазии появляется свободное время благодаря технологическому прогрессу, а именно из-за промышленной революции XVIII в. Согласно мнению известного исследователя в области социологии спорта К. Айзенберга «спортсмен рассматривается здесь как подверженная влиянию переменчивых, отчасти противоречивых импульсов, и вследствие этого сама постоянно изменяющаяся социальная фигура; что позволяет предположить, что нынешний ее облик является результатом многочисленных метаморфоз» [3, с. 4].

Спорт является не только отражением социального воплощения общественных норм и ценностей, но он еще тесным образом связан с политической, экономической и культурной сферой жизнедеятельности общества, что делает феномен спорта комплексным и многоуровневым общественным явлением. Спорт включает в себя четыре основные составляющие: досуг, игру, состязание и воспитание.

Исходя из сказанного, с целью понимания сложности анализа феномена спорта в контексте социологической науки, которая изучает спорт с позиции синтеза личностного и комплексного подхода, выраженного в синтетическом социальном представлении феномена спорта, создается новое научное направление в социологии, изучающее спорт в контексте социального явления с его функциональным многообразием [2]. Таким научным направлением является отраслевое направление социологии, изучающее феномен спорта и обозначаемое в научном сообществе как социология спорта. Данное направление ставит своей основной задачей изучение спорта с позиции его социального базиса посредством методологических и эпистемологических оснований социологической науки.

Социальное изучение спортивных практик связано с созданием Международного комитета социологии спорта, который был основан в Женеве в 1964 г. По этому поводу Н. Н. Визитей пишет, что «комитет находится в “двойном подчинении”»: является членом Международной социологической ассоциации и одновременно имеет ранг Специального комитета Международного совета физического воспитания и спорта (СИЕПС) – организации, обладающей консультативным “статусом А” при ЮНЕСКО» [4, с. 15]. С созданием Международного комитета социологии спорта возрастает тенденция к изучению спортивных практик с различных социологических точек зрения.

Социология спорта представляет собой социальную науку о спорте, которая при исследовании ряда объектов изучения привлекает данные других отраслей научного знания. К. Тан считает, что социология спорта всегда была в гораздо большей степени социальной наукой о спорте [5]. Помимо социологии, изучением спортивной деятельности человека занимаются представители таких наук, как история, политология, география, антропология, социальная психология и экономика. Кроме того, особый интерес со стороны представителей социологии вызывают междисциплинарные исследования в области культурологии, теологии, религиоведения. На этом фоне особый исследовательский интерес приобретают сосуществование, взаимопроникновение религиозных и спортивных ценностей, являющихся социокультурным отражением общественных ценностей. В обыденном сознании укоренилась установка, что это две крайности, противоположности. В социологических работах, особенно у западных исследователей, можно встретить утверждения, что социальные установки, циркулирующие в спорте и связанные с ним, выступают альтернативой религиозному образу жизни. С другой

стороны, отношение в церковной среде к спорту строится на посыле о том, что спорт бессмыслен, ибо все равно все мы тленны и в конце концов покинем этот мир.

Человек, который заботу о собственном здоровье ставит на первое место, стремится в первую очередь сохранить физическую красоту, является, как правило, неверующим или формально декларирующим себя верующим. С точки зрения Православной церкви, такой человек отдаляется от спасения души, т. е. от подлинной, вечной жизни, и начинает разделять неправильные ценности. В современных исследованиях в области здоровья и медицины, прежде всего западных, сформулированы оригинальные концепции и накоплены интересные результаты, отражающие социальные отношения и социальные установки здорового образа жизни в современных капиталистических обществах [6].

Спорт в последние десятилетия активно входит в сферу интересов философской науки [7, с. 4]. Согласно религиозной точке зрения, каждый человек является сложной, гармонично структурированной системой. При рассмотрении данной системы, в частности соотношения занятий спортом и религиозных ценностей, в первую очередь необходимо упомянуть о строении человеческого тела, а также о телесной гармонии (здоровье).

Согласно православному учению, тело – дар Божий, и сохранение своего тела (здорового функционирования органов) есть талант, который большинство людей закапывает в землю. Правильное сохранение нашего тела способствует спасению нашей души. По словам православного священника Амбарцумова, «тело – это храм души и, как святыня, должно сиять чистотой и здоровьем» [8, с. 29]. Сохранение своего тела – это особый труд, который выражается в нашей физической активности и физической культуре в целом. Физические упражнения способствуют не только сохранению тела человека, но также играют важную роль в развитии человеческой души. В частности, стоит сказать о том, что в рамках православия выделяют восемь основных добродетелей, которые выстроены в следующей последовательности: воздержание, целомудрие, нестяжание, кротость, радость, мужество, смирение и любовь [9, с. 24]. Первые три добродетели являются материальными добродетелями, из которых первые две напрямую связаны с развитием тела. Как пишет игумен Киприан, «прежде всего воздержание относится к физиологическим и телесным потребностям человека. Если вы не решили проблемы воздержанности, не приходите и не говорите: “Батюшка, как мне избавиться от тщеславия или гнева?” – вы ничего не сможете сделать» [9, с. 26]. Умение ограничивать себя в еде, придерживаться дисциплины является основополагающим фактором православного учения. Пост – это не только духовное развитие, но и телесное ограничение, умение управлять и контролировать свое тело. В подобном контексте спортивные практики и/или физические упражнения как элемент физической культуры являются необходимым подспорьем для развития православных добродетелей. Тем не менее в рамках религиозного мировоззрения не все физические упражнения способствуют данной цели. Связано это с тем, что физическая культура является частью общей культуры, внутри которой могут быть распространены ценности, несовместимые с православными идеалами.

Особенно стоит отметить тот факт, что решением Священного Синода русской православной церкви 24 декабря 2015 г. была учреждена Патриаршая комиссия по вопросам физической культуры и спорта [10]. Эта комиссия является координационным органом при Патриархе Московском и всея Руси, созданным для обеспечения и развития общецерковной

деятельности в области физической культуры и спорта, а также для поддержания сотрудничества Русской Православной Церкви с органами государственной власти и местного самоуправления, различными учреждениями и организациями в сфере пропаганды здорового образа жизни, поддержки занятий физической культурой и спортом. Во время выступления Святейшего Патриарха Кирилла на первом заседании Патриаршей комиссии по вопросам физической культуры и спорта 6 июня 2018 г. было отмечено следующее: «Мы не создаем церковное министерство по делам спорта со всеми вытекающими из этого последствиями; никакая бюрократическая система не создается. Деятельность Комиссии не может быть заорганизована, забота о спортсменах и развитии спорта не должна превращаться в сухую канцелярщину и отчетность. Мы не должны свою работу со спортом и спортсменами, то есть с миром социально активных людей, превращать в некую чиновничью программу. Церковь, приходя к спортсменам, должна сохранять свое основное призвание – свидетельствовать о правде, помогать людям в их духовной жизни, служить делу спасения человеческих душ» [11]. Исходя из сказанного, хотим подчеркнуть возрастающий интерес со стороны Православной церкви к спортивным занятиям, которые могли бы способствовать спасению человеческой души. Однако, в отличие от вертикального административного уровня, на горизонтальном уровне отношений среди православных людей все не так очевидно.

Методология и источники. Исследуя отношение к спортивным практикам православных христиан и опираясь на принципы проведения социологического исследования [12], мы разработали и провели пилотажное социологическое исследование. Данное исследование было построено в русле количественного метода, который, по мнению автора, более полно отражает взаимосвязи между спортивными практиками и религиозным мировоззрением. Методологическими рамками исследования выступает теория реляционных социальных отношений П. Донати [13]. Суть данной теории заключается в практиках социальных отношений, которые составляют общество. Именно познание системы связей социальных отношений характеризует образ общественной жизни людей в конкретный исторический период времени, в том числе и в области физической культуры и спорта.

В сентябре и октябре 2021 г. было проведено социологическое исследование, содержание которого заключалось в интернет-опросе православных людей. Целью исследования является эмпирическое выявление соотношения роли спортивных практик и духовного развития у православных христиан. Гипотезой исследования выступает идея о том, что, по мнению православных людей (прошедших Таинство крещения), спортивные практики не ведут к духовному развитию (укреплению добродетелей посредством совершенствования своего тела), способствующему спасению души. В исследовании учитывается базовая модель спортивных практик, которая не только обладает различными траекториями, но и способствует формированию религиозного (православного) мировоззрения в различных формах вариативности.

По мнению И. В. Леднева, одного из авторов книги «Физическая культура православного христианина», люди «уклонились с правильного пути на ложные, сбились на мнимые ценности – на “правильное” питание, на лекарства, а в физкультуре настроились на ложные цели достижения спортивных результатов» [8, с. 6]. Такого рода «мнимые ценности», отклоняющиеся от Церковных ценностей, в частности от православных, и даже порой от

общечеловеческих ценностей, проявляются также в физической культуре и физических упражнениях [7, 14–16]. «Это проявляется в широком распространении различных древних и современных оздоровительных средств физической культуры, основанных на религиозных, оккультных и философских платформах, несущих в себе искаженные представления о человеке и его назначении, насаждая идеалы сверхчеловека, гиперсексуальности, культы силы, тела и здоровья» [17]. «“Будьте совершенны!” – сказал Христос и тем самым осудил всякое несовершенство, всякую лень как грех» [8, с. 29]. Исходя из этого, мы можем предположить, что грех – это всякий недостаток, невежество, неразвитость, в том числе и физическая.

Для того чтобы наглядно изучить отношение православных (прошедших Таинство крещения) людей к занятию спортивными практиками, автором статьи было проведено эмпирическое социологическое исследование в виде социологического опроса общественного мнения. В опросе участвовали 117 респондентов – православных людей, которые прошли Таинство крещения. Выборка была случайной, результаты проведенного исследования не претендуют на репрезентативность. Исследование было направлено на выявление и постановку проблем, связанных с соотношением выполнения физических упражнений и духовного развития православных людей. Для понимания сущности духовного развития православных людей необходимо отметить важность соотношения между духом и формой. Согласно Луке (Войно-Ясенецкому) «в материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. И более того, дух творит форму» [18, с. 81]. Развитие духа выражено в формах человеческих тел, так «форма тела и его движения соответствуют душе, духу его, как в образе человека лукавого у Соломона» [Там же.]. Таким образом, под духовным развитием в рамках социологического исследования будет пониматься совершенствование своего тела как отражение духовной сущности человека. В гендерном соотношении из всего числа опрошенных 57 % было представлено женщинами и 43 % – мужчинами. Средний возраст респондентов составил 24 года, 80 % опрошенных имеют высшее образование.

Результаты и обсуждение. Переходя к результатам исследования, мы хотели бы отметить, что 50 % опрошенных характеризуют себя в качестве верующих людей, 30 % определили себя скорее неверующими людьми, а 20 %, будучи представителями православия, заявили, что они не претендуют на позицию верующего человека. В представленном исследовании не стояла задача конкретизации понятия «верующий», поэтому оно было отдано на самоопределение респондентам. Так как исследование является пилотажным, в нем вырисовываются потенциальные возможности и исследовательские вопросы для дальнейшего комплексного социологического исследования по изучаемой тематике.

При рассмотрении отношения респондентов к занятиям физической культурой следует сказать, что из ответов респондентов видно, что большинство опрошенных (45 %) считает занятия физической культурой скорее проявлением здорового образа жизни. 49 % опрошенных однозначно заявляют, что занятия физической культурой – проявление здорового образа жизни. Всего лишь 4 % респондентов считают, что занятия физкультурой скорее всего не связаны со здоровым образом жизни, и 2 % опрошенных людей считают, что физическая культура вообще не связана со здоровым образом жизни (рис. 1).

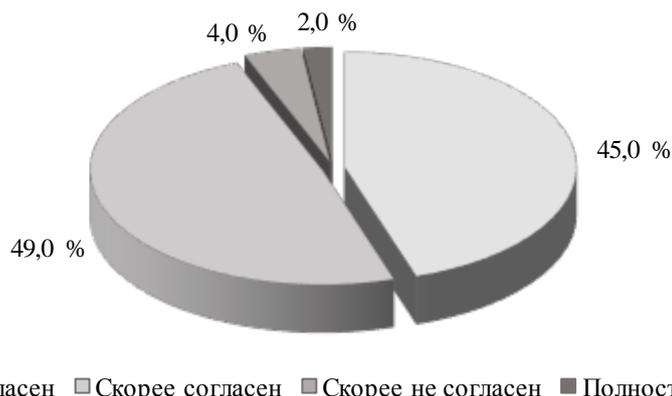

Рис. 1. Как Вы считаете, занятия физической культурой – это проявление здорового образа жизни?
Fig. 1. Do you think physical education is a manifestation of a healthy lifestyle?

Затем респондентам был задан вопрос, как они оценивают свое здоровье по шкале от одного до пяти. Большинство респондентов оценивает свое здоровье на «четверку» (67 %). Интересен тот факт, что согласно ответам респонденты, которые характеризуют себя как верующие люди, в среднем оценивают свое здоровье лучше, чем люди, отождествляющие себя как скорее неверующие люди, и люди, характеризующие себя неверующими.

Далее респондентам был задан вопрос, помогают ли занятия физической культурой в духовном развитии (рис. 2).

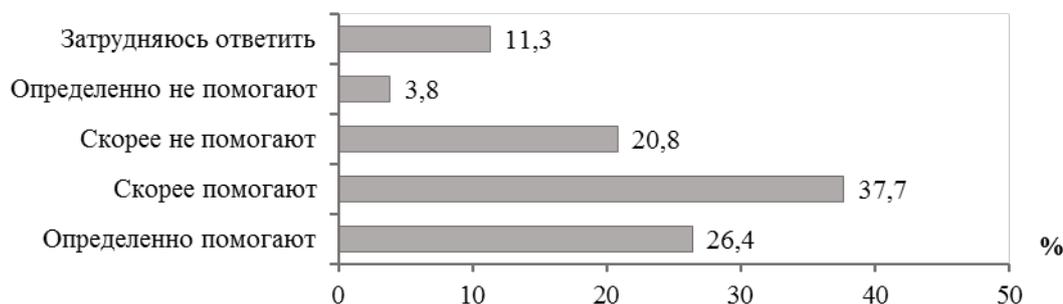

Рис. 2. Мнение респондентов относительно занятий физической культурой и их духовного развития
Fig. 2. Respondents' opinion on physical education and their spiritual development

Как видно из представленной диаграммы, большинство респондентов считает, что занятия физической культурой скорее помогают духовному развитию – 37,7 %. 26,4 % респондентов считают, что занятия физической культурой определенно помогают в их духовном развитии. Однако также среди респондентов существует мнение, что духовное развитие возможно без занятий физической культурой – так думают в совокупности 24,6 % опрошенных.

Следующий вопрос, который был задан респондентам, связан с их готовностью в свободное время заниматься физическими упражнениями (рис. 3). Большинство (84,9 %) респондентов готово в свободное время заниматься физическими упражнениями. Лишь 15,1 % опрошенных не готовы в свободное время заниматься физкультурой.

Далее респондентам был задан следующий вопрос: «Согласны ли Вы с высказыванием: грех – это вялость тела; это твоя умственная и физическая неразвитость?» (высказывание взято из книги «Физическая культура православного христианина») (рис. 4).

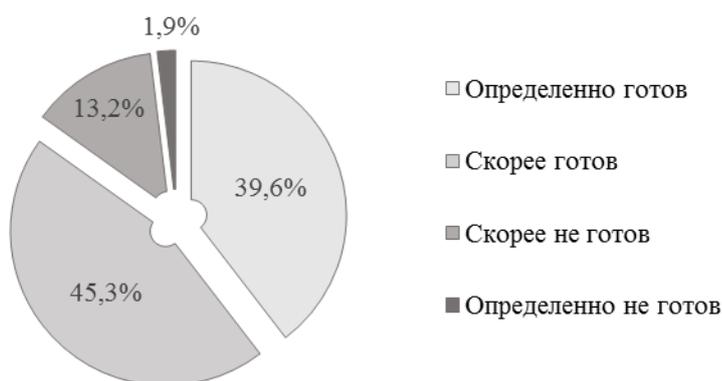

Рис. 3. Готовы ли Вы потратить свое свободное время на занятия физическими упражнениями?
Fig. 3. Are you ready to spend your free time doing physical exercises?

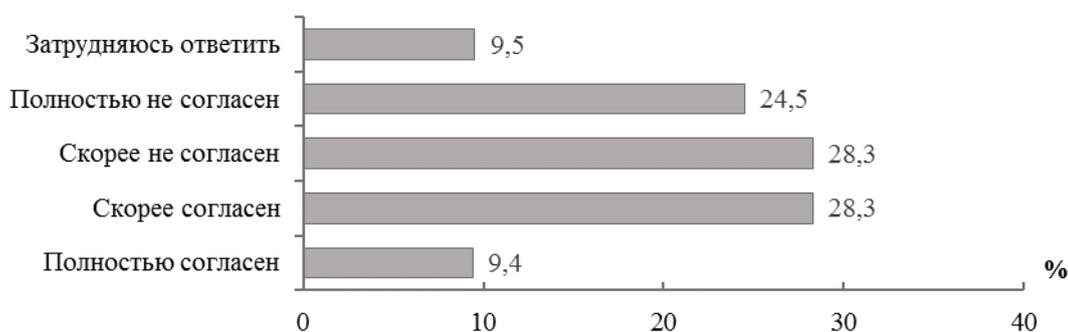

Рис. 4. Согласны ли Вы со следующим высказыванием: грех – это вялость тела; это твоя умственная и физическая неразвитость?
Fig. 4. Do you agree with the following statement: sin is the lethargy of the body; it is your mental and physical underdevelopment?

Ответы респондентов показывают, что по данному вопросу нет единого мнения. По ответам можно выделить три основные группы: респонденты, которые скорее согласны с данным убеждением – 28,3 %, респонденты, скорее не согласные с данным высказыванием – 28,3 % и респонденты, полностью не согласные с представленным высказыванием – 24,5 %. Если обобщить результаты, то несогласных с данным высказыванием будет гораздо больше, чем согласных. Тем не менее при внимательном прочтении Святого Евангелия и высказываний Святых Отцов можно заметить, что телу отводится особенная роль в качестве сосуда и орудия души. Так, например, Преподобный Варсонофий и Иоанн говорили: «Если мы заботимся о животных, которые служат нашим потребностям, тем более должны заботиться о теле как об орудии души. Когда орудие притупится, то это затрудняет скульптора, хотя бы он был и талантлив» [19]. Также важно отметить, что тело есть дар Божий. Если говорить о теле с позиции Божьего дара, а именно о развитости тела, его способности противостоять болезням и невзгодам, то развитие тела можно отождествить с приумножением талантов, а нежелание развивать его – с закапыванием таланта в землю. Согласно статистическим данным у большинства людей по всему миру имеются те или иные проблемы с телом. Особенно остро сейчас стоит проблема, связанная с лишним весом и его последствиями [20].

Ключевым фактором в процессе развития тела является ценностный уклад, связанный с отношением к развитию телесных способностей. Считается, что именно истинные ценности

приведут к верному результату. Однако в современном обществе циркулирует значительное число мнимых и чуждых православию ценностей, таких как достижение своего физического максимума, культ тела и т. д. [21, с. 137]. Культ тела согласно православному учению является грехом.

Следующий вопрос, который был задан респондентам, связан с их мнением о том, нужно ли верующему человеку заниматься физическими упражнениями (рис. 5).

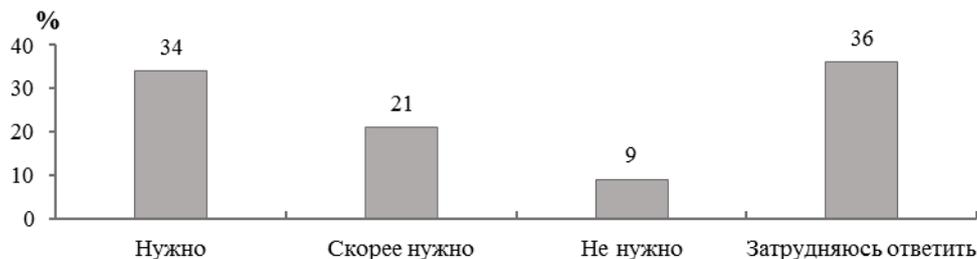

Рис. 5. Как Вы считаете, нужно ли верующему человеку заниматься физическими упражнениями?
Fig. 5. Do you think a believer needs to exercise?

Можно выделить две основные группы среди опрошенных: люди, уверенно заявляющие, что верующему человеку необходимо заниматься физическими упражнениями (34 %), и люди, которые затрудняются ответить на поставленный вопрос (35,8 %). Интересно, что согласно ответам респондентов лишь небольшой процент опрошенных с уверенностью говорят о ненужности физических упражнений для православного человека. При этом у большинства опрошенных ответ на этот вопрос вызывает затруднение, что может говорить о его нерешенности внутри православного сообщества.

В последнем пункте у респондентов спросили: нужно ли Церкви пропагандировать занятия физическими упражнениями для поддержания здорового (физического) образа жизни (рис. 6)? Ответы респондентов распределились так: скорее нужно пропагандировать – 30,2 %, Церковь должна пропагандировать занятия физическими упражнениями – 20,7 %, пропаганда физических упражнений – это не деятельность Церкви – 20,8 %.

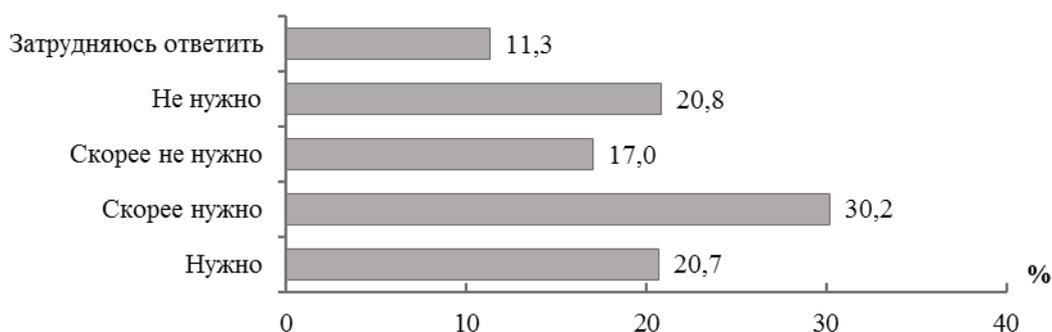

Рис. 6. Как Вы считаете, нужно ли Церкви пропагандировать занятия физическими упражнениями для поддержания здорового (физического) образа жизни?

Fig. 6. Do you think the Church needs to promote physical exercise to maintain a healthy (physical) lifestyle?

Заключение. Таким образом, исследуя отношение к спортивным практикам православных христиан, мы выделили тесную взаимосвязь между религиозными ценностями и отношением к занятиям спортивными практиками. Подводя итог всему сказанному, мы хотели бы отметить, что среди православных людей не наблюдается единства в понимании

роли спортивных практик в православном духовном развитии. Не все респонденты видят в совершенствовании своего тела духовное развитие, так как не воспринимают тело как атрибут духовного развития. Согласно исследованию, большая часть людей считает, что призыв к развитию своего тела не является делом церкви, в неразвитости своего тела они не видят греха. Подобное отношение – это результат влияния различных ценностей, присутствующих в том или ином обществе, в котором проживают люди. Согласно проведенному исследованию гипотеза о том, что, по мнению православных людей (прошедших Таинство крещения), спортивные практики не ведут к духовному развитию (укреплению добродетелей посредством совершенствования своего тела), способствующему спасению души, была подтверждена. При этом со стороны Православной церкви проводится большая просветительская работа в направлении свидетельства о правде, помощи людям в их духовной жизни, спасения человеческих душ в том числе через развитие своего тела как формы наполнения души. Подобного рода дихотомия отношения людей к занятию физической культурой и спортом говорит о том, что либо люди не следят за церковной жизнью и новостями, циркулирующими в ней, либо не разделяют мнения Православной церкви о необходимости занятий спортивными практиками. 84,9 % респондентов готовы потратить свое свободное время на занятия спортом, однако половина респондентов затрудняется ответить, необходимо ли заниматься спортивными практиками православным людям. Это свидетельствует о том, что среди православных людей существует непонимание и/или противоречие, связанное с религиозными ценностями и спортивными практиками, которые отождествляются с общественными ценностями. Другими словами, исходя из заданной методологической рамки исследования, мы выявили, что в российском обществе среди православных людей нет единства образа общественной жизни православных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокиной. М.: Либроком, 2011.
2. Гонашвили А. С. Методологические основы социологии спорта. СПб.: Лема, 2017.
3. Айзенберг К. Спортсмен / пер. с нем. Л. Кортуновой // Логос. 2006. № 3 (54). С. 3–22.
4. Визитей Н. Н. Социология спорта: курс лекций. К.: Олимпийская литература, 2005.
5. Tan C. Research on the Path of Sports Sociology Curriculum from the Interdisciplinary Perspective // Mobile Information Systems. 2022. Special Iss. DOI: <https://doi.org/10.1155/2022/3415257>.
6. Cockerham, W. C., Rütten, A., Abel, T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber // The Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38, iss. 2. P. 321–342. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1997.tb00480.x>.
7. Гуттман А. Капитализм, протестантизм и современный спорт // Логос. 2013. № 5 (95). С. 1–42.
8. Амбарцумов И., Леднев И. В. Физическая культура православного христианина. СПб.: Изд-во «Сатисъ», 2011.
9. Игумен Киприян (Яценко). Воспитание добродетелей: лекции и интервью. М.: Покров, 2014.
10. Патриаршая комиссия по вопросам физической культуры и спорта. URL: <https://www.rpcsport.ru/node/14> (дата обращения: 07.06.2023).
11. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на первом заседании Патриаршей комиссии по вопросам физической культуры и спорта // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5215803.html> (дата обращения: 07.06.2023).

12. Методология и методы социологического исследования / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.
13. Donati P. Morphogenic society and the structure of social relations // Late modernity: Trajectories towards morphogenic society. Cham: Springer, 2014. P. 143–172. DOI: 10.1007/978-3-319-03266-5_7.
14. Carlson C., Putz P. E., Bolt B. Introduction: Sport-Gender Orthodoxy and Muscular Christian Values // The International J. of the History of Sport. 2022. Vol. 39, iss. 4. P. 343–349. DOI: 10.1080/09523367.2022.2079312.
15. Rivalry and Group Behavior in Sport and Religious Brands / С. Т. Havard, M. Hutchinson, T. D. Ryan, M. Lomenick // Intense Group Behavior and Brand Negativity, Comparing Rivalry in Politics, Religion, and Sport. Cham: Springer, 2023. P. 57–75. DOI: 10.1007/978-3-031-23456-9.
16. Challenging the new orthodoxy: a critique of SPLISS and variable-oriented approaches to comparing sporting nations / I. Henry, M. Dowling, Ling-Mei Ko, Ph. Brown // European sport management quarterly. 2020. Vol. 20, iss. 4. P. 520–536. DOI: <https://doi.org/10.1080/16184742.2020.1719428>.
17. Никифоров Ю. Православный взгляд на физическую культуру // Доклад на V Международной конф. сообщества «ДелоРус» и Александро-Невского братства «Александр Невский – знамя наших побед», 2010. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/06/03/pravoslavnyj_vzglyad_na_fizicheskuyu_kulturu (дата обращения: 27.04.2023).
18. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М.: ООО «Духовное преображение», 2019.
19. Пестов Н. Е. Душа человека // Современная практика православного благочестия. Т. 1. Ч. 2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Pestov/sovremennaja-praktika-pravoslavnogo-blagochestija-tom-1/2 (дата обращения: 27.04.2023).
20. Колосницына М. Г., Бердникова А. Н. Избыточный вес: сколько это стоит и что с этим делать? // Прикладная эконометрика. 2009. № 3 (15). С. 72–93.
21. Гонашвили А. С. Физическая культура в жизни православного христианина: социологическое измерение // Восток Свыше. 2020. Т. 52, № 1. С. 137–140.

Информация об авторе.

Гонашвили Александр Сергеевич – кандидат социологических наук (2022), старший преподаватель кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), Московский пр., д. 24-26/49, литера А, Санкт-Петербург, 190013, Россия; помощник проректора по научной работе Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смольячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия; ассистент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций, в том числе двух монографий. Сфера научных интересов: социология спорта, экономическая социология, социология неравенства, межкультурные коммуникации.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.05.2023; принята после рецензирования 30.05.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Veblen, T. (2011), *The theory of the leisure class. An economic study of institutions*, Transl. by Sorokina, S.G., Librocom, Moscow, RUS.

2. Gonashvili, A.S. (2017), *Metodologicheskie osnovy sotsiologii sporta* [Methodological foundations of the sociology of sports], Lema, SPb., RUS.
3. Eisenberg, K. (2006), "Athlete", Transl. by Kortunova, L., *Logos*, no. 3 (54), pp. 3–22.
4. Vizitei, N.N. (2005), *Sotsiologiya sporta: kurs lektsii* [Sociology of sports: A course of lectures: A textbook for universities], Olimpiiskaya literatura, Kiev, UKR.
5. Tan, C. (2022), "Research on the Path of Sports Sociology Curriculum from the Interdisciplinary Perspective", *Mobile Information Systems*, Special Iss. DOI: <https://doi.org/10.1155/2022/3415257>.
6. Cockerham, W.C., Rütten, A. and Abel, T. (1997), "Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber", *The Sociological Quarterly*, vol. 38, iss. 2, pp. 321–342. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1997.tb00480.x>.
7. Guttmann, A. (2013), "Capitalism, Protestantism and Modern Sport", *Logos*, no. 5 (95), pp. 1–42.
8. Ambartsumov, I. and Lednev, I.V. (2011), *Fizicheskaya kul'tura pravoslavnogo khristianina* [Physical culture of an Orthodox Christian], Izd-vo "Sa-tis", SPb., RUS.
9. Igumen Kipriyan (Yashchenko) (2014), *Vospitanie dobrodetelei: lektsii i interv'yu* [Virtue Education: lectures and interviews], Pokrov, Moscow, RUS.
10. *Patriarshaya komissiya po voprosam fizicheskoi kul'tury i sporta* [Patriarchal Commission for Physical Culture and Sports], available at: <https://www.rpcsport.ru/node/14> (accessed 07.06.2023).
11. "Speech by His Holiness Patriarch Kirill at the First Meeting of the Patriarchal Commission on Issues of Physical Culture and Sports", *Official website of the Moscow Patriarchate*, available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5215803.html> (accessed 07.06.2023).
12. *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research]. 2014, in Dudina, V.I. and Smirnova, E.E. (eds.), Izd-vo SPbGU, SPb.
13. Donati, P. (2014), "Morphogenic society and the structure of social relations", *Late modernity: Trajectories towards morphogenic society*, Springer, Cham, CHE, pp. 143–172. DOI: 10.1007/978-3-319-03266-5_7.
14. Carlson, C., Putz, P.E., and Bolt, B. (2022), "Introduction: Sport-Gender Orthodoxy and Muscular Christian Values", *The International J. of the History of Sport*, vol. 39, iss. 4, pp. 343–349. DOI: 10.1080/09523367.2022.2079312.
15. Havard, C.T., Hutchinson, M., Ryan, T.D. and Lomenick, M. (2023), "Rivalry and Group Behavior in Sport and Religious Brands", *Intense Group Behavior and Brand Negativity, Comparing Rivalry in Politics, Religion, and Sport*, Springer, Cham, CHE, pp. 57–75. DOI: 10.1007/978-3-031-23456-9.
16. Henry, I., Dowling, M., Ko, Ling-Mei, Brown, Ph. (2020), "Challenging the new orthodoxy: a critique of SPLISS and variable-oriented approaches to comparing sporting nations", *European sport management quarterly*, vol. 20, iss. 4, pp. 520–536. DOI: <https://doi.org/10.1080/16184742.2020.1719428>.
17. Nikiforov, Yu. (2010), "Orthodox view of physical culture", *Doklad na V Mezhdunarod-noi konf. soobshchestva «DeloRus» i Aleksandro-Nevskogo bratstva «Aleksandr Nevskii – znamya nashikh pobed»* [Report on the V International Conf. community "DeloRus" and the Alexander Nevsky Brotherhood "Alexander Nevsky – the banner of our victories"], available at: http://ruskline.ru/analitika/2010/06/03/pravoslavnyj_vzglyad_na_fizicheskuyu_kulturu (accessed 27.04.2023).
18. Svyatitel' Luka (Voino-Yasenetskii) (2019), *Dukh, dusha i telo* [Spirit, soul and body], OOO "Dukhovnoe preobrazhenie", Moscow, RUS.
19. Pestov, N.E. "The soul of man", *Sovremennaya praktika pravoslavnogo blagochestiya* [Modern practice of Orthodox piety], vol. 1, part 2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Pestov/sovremennaja-praktika-pravoslavnogo-bлагоchestija-tom-1/2 (accessed 27.04.2023).
20. Kolosnitsyna, M. and Berdnikova, A. (2009), "Overweight: what are its costs and what could be done?", *Applied Econometrics*, no. 3 (15), pp. 72–93.
21. Gonashvili, A.S. (2020), "Physical culture in the life of an Orthodox Christian: a sociological dimension", *Vostok Svyshe*, vol. 52, no. 1, pp. 137–140.

Information about the author.

Alexandr S. Gonashvili – Can. Sci. (Sociology, 2022), Senior Lecturer at the Department of Sociology, Saint Petersburg State Institute of Technology, 26 Moskovsky ave., St Petersburg 190013, Russia; Assistant to the Vice-Rector for Scientific Work, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia; Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications, including two monographs. Area of expertise: sociology of sports, economic sociology, sociology of inequality, intercultural communication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.05.2023; adopted after review 30.05.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья

УДК 811.161.1'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138>

Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса)

Елена Юрьевна Викторова

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия,
Helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>*

Введение. Статья посвящена прагматическому синкретизму и особенностям его проявления в хеджах – коммуникативных единицах, используемых для снижения категоричности речи и деинтенсификации высказывания. Хеджи рассматриваются в качестве разновидности дискурсивных маркеров (дискурсивов), ориентированных на взаимодействие автора и адресата.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале речевого жанра официального отзыва на диссертацию, отличающегося подчеркнутой некатегоричностью, что обусловлено публичным характером защиты диссертации, предварительными положительными отзывами на нее, возможным личным знакомством участников защиты (соискателей, научных руководителей и оппонентов). Проанализированы 64 русскоязычных отзыва по лингвистике, литературоведению, истории, химии, физике и медицине в объеме около 90 тыс. словоупотреблений.

Результаты и обсуждение. Вводится понятие прагматического синкретизма, суть которого заключается в том, что одна языковая единица используется для одновременной передачи ряда функциональных значений в процессе реализации нескольких иллокутивных задач. В процессе исследования выделены две разновидности хеджей: 1) специализированные, выполняющие исключительно функцию снижения категоричности речи и 2) неспециализированные (синкретичные), дополнительно к функции снижения категоричности выполняющие еще и другие: авторизации (самоупоминания), перформативную, оценочную по отношению к содержанию высказывания и по отношению к использованным словам (рефлексивную). Согласно полученным количественным данным, синкретичные хеджи составляют 52 % от всех хеджей в текстах отзывов. С прагматических позиций проанализированы случаи использования синкретичных хеджей при реализации ими стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации. Чаще всего синкретически реализуются стратегии субъективизации и деперсонализации.

Заключение. Делается вывод о склонности хеджей к проявлению синкретизма, что может быть связано с изначально присущими хеджам субъективно-модальными значениями, которые реализуются целостным, единым, нерасчлененным образом. Онтологическое основание этой тенденции видится в симбиотическом мышлении человека, естественно и продуктивно совмещающем чувственные и рациональные начала.

Ключевые слова: хедж, хеджинг, дискурсив, дискурсивный маркер, синкретизм, отзыв на диссертацию, научный дискурс, русский язык

© Викторова Е. Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Викторова Е. Ю. Прагматический синкретизм в функционировании хеджей (на материале русскоязычного научного дискурса) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 127–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138.

Original paper

Pragmatic Syncretism in the Use of Hedges (Based on Russian Thesis Reviews)

Elena Yu. Viktorova

*Saratov State University, Saratov, Russia,
Helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>*

Introduction. The article deals with pragmatic syncretism and syncretic aspects of hedges – words and phrases used to mitigate claims, that is make them vaguer, more tentative and more uncertain. Hedges are looked upon as a type of discourse markers which are focused on the writer-reader interaction and the writer's self-presentation.

Methodology and sources. The research is based on the speech genre of the official thesis review known for its especially mitigated language, which may be determined by publicity of thesis defences at a viva voce in Russia, positive evaluation of thesis made at a predefence stage and potential personal relations of the degree seeker, their supervisor and the reviewer. The corpus of 64 reviews (about 90 000 words) written by Russian scholars was analyzed including reviews in linguistics, literature studies, history, physics, chemistry and medicine.

Results and discussion. The author introduces the notion of pragmatic syncretism which involves the merging or assimilation of several pragmatic functions performed by one linguistic unit while realizing several illocutionary tasks. The research allowed to single out two varieties of hedges: 1) single purpose hedges aimed only at mitigation of claims and 2) general purpose hedges aimed at mitigation of claims together with some other interactive task. Among these additional tasks are the following: authorization (self-mentions), performative, evaluative in relation both to the proposition or to the words used by the author. According to the quantitative analysis, syncretic hedges make up 52 % of all hedges used in the reviews. The author provides the pragmatically oriented analysis of syncretic hedges realizing strategies of indetermination, subjectivisation and depersonalization. Strategies of subjectivisation and depersonalization are registered as most frequent.

Conclusion. It is emphasized that hedges are predisposed to syncretic usage due to their inherent modal meanings which are realized integrally and which are, therefore, difficult to specify. The ontological ground of this tendency is associated with the symbiotic nature of human thinking where rational and sensuous baselines are naturally and productively reconciled.

Keywords: hedge, hedging, discursive, discourse marker, syncretism, thesis review, academic discourse, Russian language

For citation: Viktorova, E.Yu. (2023), "Pragmatic Syncretism in the Use of Hedges (Based on Russian Thesis Reviews)", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 127–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-127-138 (Russia).

Введение. Данная статья посвящена исследованию синкретичной природы хеджей (от англ. *hedge* – барьер, преграда, изгородь) – разновидности дискурсивных маркеров (или дискурсивов), выполняющих функцию деинтенсификации, снижения категоричности и иллокутивной силы высказывания [1–4].

Дискурсивы рассматриваются нами как система вспомогательных единиц коммуникации (вспомогательная система дискурса), выражающих дискурсивно-прагматическую информацию, функционирующих в интересах адресата, и в какой-то степени автора, и помогающих им правильно и адекватно порождать, реализовывать и интерпретировать дискурс. Вспомогательные единицы используются в дискурсе наряду с основными единицами коммуникации, выражающими фактуальную информацию. На основании выполняемых функций мы выделяем две большие группы дискурсивов: дискурсивы-организаторы и дискурсивы-регулятивы. Организаторы ориентированы на связность, цельность и логичность дискурса (*итак; далее; поэтому; в этой связи; кроме того*), а регулятивы – на взаимодействие автора и адресата (*очевидно; скорее всего; можно сказать; главное; вероятно; думается*) [5]. Вспомогательная система дискурса характеризуется как динамическая система с неоднородным и транскатегориальным составом единиц, объединяющим слова разных частей речи, словосочетания, устойчивые обороты и предикативные конструкции. Динамизм этой системы мы связываем с ее подвижностью и способностью постоянно пополняться за счет вхождения в ее состав основных единиц, утрачивающих свое первоначальное лексическое значение в процессе прагматикализации и грамматикализации. Кроме того, для многих дискурсивов характерны такие языковые явления, как синкретизм, диффузность и полифункциональность [6], обеспечивающие подвижность состава исследуемой системы.

В данной статье речь пойдет о синкретизме хеджей, относящихся к группе дискурсивов-регулятивов. Их синкретизм выражается в том, что помимо упомянутых выше функций снижения категоричности хеджи одновременно выполняют и некоторые другие дискурсивные функции в рамках вспомогательной системы.

Методология и источники. Исследование выполнено на материале оценочного научного дискурса, а именно на материале жанра официального отзыва на диссертацию. Выбор отзыва в качестве объекта исследования неслучаен и обусловлен особенной некатегоричной природой жанра официального отзыва. Его некатегоричность объясняется не столько принадлежностью этого жанра научной сфере, которой в целом присуща некатегоричность, сколько открытым, публичным характером всей процедуры защиты диссертации в РФ, а также часто личным знакомством участников коммуникации – соискателей, их научных руководителей и оппонентов. Более того, к защите, как правило, допускаются диссертации, уже прошедшие все предварительные этапы рецензирования, имеющие общую положительную оценку рецензентов и тем самым защищенные от категоричности, которая может сопровождать отрицательный отзыв. Некатегоричность отличает жанр официального отзыва от других оценочных жанров, например жанра анонимной (слепой) рецензии, которому, напротив, часто свойственна жесткая категоричность.

Источником материалов послужили сайты диссертационных советов двух университетов – Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского¹ и Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского². Всего было исследовано 64 отзыва по гуманитарным и естественно-научным дисциплинам (лингвистике, литературоведению, истории, химии, физике и медицине) общим объемом около 90 тыс. слово-

¹ <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council>

² <http://www.sgmru.ru/sci/dissov>

употреблений. Использовались методы контекстного наблюдения, дискурсивного анализа, количественный и сравнительный методы. Цель исследования – выявить специфику синкретизма в зарегистрированных хеджах, определить виды синкретизма и специфику функционирования синкретичных хеджей в жанре отзыва на диссертацию.

Результаты и обсуждение. Под синкретизмом мы вслед за многими исследователями этого лингвистического явления (Л. Ельмслев, В. В. Бабайцева, К. Э. Штайн, И. В. Высоцкая, М. А. Павлюковец, М. Вас. Пименова, В. А. Береснева, О. Н. Санжарова и др.) понимаем неоднозначность значения языковой единицы, которая выражается в совмещении или совпадении различных значений в одной форме [7–16]. Синкретизм изучается в русле теории переходности, разработанной В. В. Бабайцевой и ее учениками [8–10], и, по совершенно справедливому ее замечанию, «свойствен всем уровням языка и речи» [8, с. 446]. По мнению М. Вас. Пименовой, «синкретизм как выражение формально-содержательной языковой асимметрии представляет собой объективное языковое явление, а не языковой “изъян”» [13, с. 42]. Исследователи лингвистического синкретизма сходятся на его определении как системного универсального свойства языка, видят в нем выражение онтологического синкретизма, синкретичности мышления [14], проявляющегося «единством чувственного и рационального мышления» [11, с. 85].

Подавляющее большинство исследований сосредоточены на лексико-семантическом и грамматическом (морфологическом и синтаксическом) синкретизме [7–16], есть отдельные работы о речевом синкретизме (например, [17]). Специальных исследований, посвященных прагматическим аспектам синкретизма с опорой на особенности функционирования языковых единиц в речи, очень мало [18, 19]. Поскольку прагматический аспект является центральным в изучении дискурсивов, в данной статье остановимся именно на нем.

Хеджи как коммуникативные единицы и хеджинг как коммуникативная категория начали изучаться в начале 70-х гг. XX в. американскими лингвистами. Дж. Лакофф описал такие английские слова и сочетания, как *rather* (довольно, скорее), *largely* (главным образом), *in a manner of speaking* (в некотором роде), с точки зрения их способности менять степень истинности высказывания [20]. В современной лингвистике хеджинг включает в себя круг прагматических значений, способствующих деинтенсификации суждения, т. е. его некатегоричности, неопределенности, нечеткости [1–4].

С нашей точки зрения, класс хеджей, как и все дискурсивы [5], в прагматическом плане имеет условную полевую структуру с ядром и периферией. Ядро поля хеджей составляют специализированные средства выражения некатегоричности, смягчения, неуверенности: например, *возможно, вряд ли, видимо, вероятно, может быть, казалось бы*. Периферия поля представлена неспециализированными средствами, т. е. хеджами, которые помимо выражения некатегоричности выполняют еще какие-то функции, и в этих хеджах функция смягчения категоричности выступает как дополнительная к основной, доминантной функции: *я думаю; представляется; можно сказать; позволим себе отметить; мне кажется*. Такие хеджи, которые выполняют несколько прагматических функций одновременно, предлагаем называть синкретичными и рассматриваем их в рамках так называемого прагматического синкретизма, суть которого нам видится в использовании одной языковой единицы (означающего) для передачи нескольких (двух или больше) функциональных значений (означаемых) при реализации нескольких иллокутивных целей.

Подчеркнем, что прагматический синкретизм типичен для дискурсивов более, чем для каких-либо других языковых/речевых единиц. Представляется, что это происходит по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, дискурсивы характеризуются отсутствующим либо ослабленным денотативным значением, их функциональное значение трудно определяемое, нечеткое и размытое, и, кроме того, их значения часто определяются как целостные, слитные, не вытекающие из значений отдельных компонентов. Во-вторых, дискурсивы исследуются главным образом через свое употребление, т. е. на уровне своей прагматической специфики, которая появилась у этих единиц в ходе исторических процессов грамматикализации, прагматикализации и реже лексикализации.

Если выделить из всего многообразия дискурсивов те, которые чаще всего реализуют свой синкретизм, это будут именно хеджи, субъективно-модальные значения которых просто обречены на неоднозначность и многоплановость. По словам В. Н. Телии, «модальность, входящая в содержание коннотации, создает двуплановость высказываний, включающих слова, за которыми данная модальность закреплена» [21, с. 28]. В. Н. Телия и вслед за ней и М. Вас. Пименова относят модальные значения, а также оценочные, образные, экспрессивные и эмоциональные к коннотативным, т. е. добавочным значениям, которые дополняют основное предметное значение слова. М. Вас. Пименова называет такие значения нерасчлененными когнитивно-прагматическими, имея в виду сочетание в слове когнитивного (предметно-логического) и прагматического (эмоционально-рационального и/или мелиоративного/пейоративного) компонентов [13]. Многие хеджи по типу выражаемой ими информации сочетают в себе свойства вспомогательных и основных единиц коммуникации [6] и, значит, действительно обладают когнитивно-прагматическим значением. Мы называем этот синкретизм внешним, поскольку функции таких хеджей выходят за пределы поля вспомогательных единиц дискурса (подробнее о проявлениях внешнего синкретизма в дискурсивах см. [19]). В данной статье проанализируем случаи внутреннего синкретизма, проявляющегося исключительно в границах класса хеджей.

Отметим еще один важный момент в отношении нашего понимания синкретизма. Во многих исследованиях [7–16] термин «синкретизм» применяется относительно как контекстно разрешаемых случаев синкретизма, так и контекстно неразрешаемых случаев. Мы полагаем, что эти случаи следует терминологически разграничивать, и предлагаем называть синкретизмом только случаи одновременного, в одном и том же контексте проявления нескольких прагматических значений одного дискурсива. Такой синкретизм в нашем понимании является контекстно неразрешаемым, и именно ему посвящена данная статья. Тем не менее в дискурсивах реализуется и контекстно разрешаемый синкретизм, который мы относим к явлениям полифункциональности. В этом случае потенциально полифункциональный дискурсив реализует в конкретном контексте только одну из своих функций (например, дискурсив *вот* может использоваться либо как акцентив, либо как хезитатив) (подробнее см. [6]). Полифункциональные дискурсивы в данной статье не рассматриваем.

Существуют разные подходы к классификации хеджей, практически все они основаны на функциональных свойствах данных единиц. Как отдельные типы были выделены пропозициональные хеджи, модифицирующие степень истинности высказывания [20], речеактовые хеджи, снижающие иллокутивную силу речевого акта [22], перформативные хеджи,

смягчающие силу перформативного глагола [4], хеджи-аппроксиматоры со значением приблизительности, хеджи-атрибуции, содержащие ссылки на источник информации, хеджи достоверности, преуменьшения и др. [4, 23]. Кроме отдельных типов хеджей были разработаны более общие подходы к их типологии. Так, К. Хайланд в качестве критериев для типологии рассматривает участников коммуникативной ситуации и выделяет хеджи, ориентированные на содержание высказывания, на автора и на читателя [1, 2]. П. Мартин-Мартин классифицирует хеджи исходя из реализуемых ими стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации [24]. Надо сказать, что и К. Хайланд, и П. Мартин-Мартин признают условность своих классификаций, что выражается в возможности одновременного выражения двух и более стратегий или одновременной ориентации на двух и более участников ситуации, т. е., используя нашу терминологию, исследователи признают потенциальную синкретичность хеджей.

Проанализируем на примерах из русскоязычных отзывов на диссертацию случаи синкретичной реализации хеджирующих стратегий неопределенности, субъективизации и деперсонализации. Например, в типичных для научной речи в целом и для отзывов в частности авторизирующих конструкциях с опущенным подлежащим: *думаем; полагаем; подведем итоги; добавим; отметим; читаем; укажем на...; хотим уточнить; согласимся; позволим себе* – одновременно проявляются две, казалось бы, противоположно направленные стратегии – субъективизации и деперсонализации. С одной стороны, эти фразы сообщают нам о мнении или логических действиях автора, совершающихся по ходу его рассуждения, т. е. придают тексту личностное, субъективное звучание, а с другой стороны, это звучание благодаря отсутствию местоимения приглушается (местоимение отсутствует, хотя и легко восстанавливается – *мы*). В результате возникает эффект снижения ответственности автора за свои утверждения и более объективированного изложения. Выводя свою фигуру за рамки изложения, автор как бы придает своим речемыслительным действиям более умеренный характер. В результате в такой манере авторской самопрезентации возникает некая двойственность, которая, впрочем, для научной речи является нормативной, и авторов научного дискурса ничуть не смущает (и, вероятнее всего, даже ими не замечается).

Не менее стандартными для научной речи являются и хеджи типа *думается; представляется; хотелось бы добавить; хочется уточнить; хочется поразмышлять; кажется неудачным*. Как и в вышеописанных хеджах, здесь тоже представлены стратегии субъективизации и деперсонализации. С помощью этих хеджей передаются авторские мнения, желания и отношения, но форма этой передачи еще более косвенная, чем у вышеописанных случаев: данные формы возвратных глаголов являются безличными и при отсутствии подлежащего (или, точнее, детерминанта – *мне, нам, вам*) не позволяют однозначно указать на субъект действия. Вероятно, с помощью таких хеджей автор так или иначе уводит себя в тень, тем самым смягчая свои суждения и некоторым образом снимая с себя ответственность за сказанное. Таким образом, семантика глаголов в составе этих хеджей дает основание отнести их к хеджам, реализующим стратегию субъективизации, а форма глагола – к хеджам, демонстрирующим деперсонализацию. Полагаем, что деперсонализация у этих хеджей выражена более явно, чем у хеджей типа *считаем; добавим* и т. п. В редких случаях в хеджах с возвратными глаголами лицо выражается падежной формой личного местоимения: *нам*

видится; нам хотелось бы уточнить; как нам показалось. Однако данные дискурсивы все равно остаются деперсонализированными, а значит хеджированными, по сравнению, например, с *мы видим* или *мы хотели бы уточнить*.

Выделим еще одну группу синкретичных хеджей: *можно согласиться; можно добавить; можно признать*. В этих хеджах нам видится синкретичное проявление стратегий неопределенности и деперсонализации: семантика модального предикатива *можно* передает значение возможности, необязательности, неуверенности, а категория лица при этом реализована имплицитно: понятно, что, говоря о возможности согласия или признания, автор имеет в виду эту возможность для себя, но свое присутствие он в речи не эксплицирует. Подобное сочетание этих же стратегий можно увидеть и в дискурсивах *достаточно вспомнить; трудно не согласиться*.

На наш взгляд, специфика выделенных П. Мартин-Мартином стратегий состоит в их некоторой равноположенности относительно друг друга, ни одна из них не является более или менее главной, возможно, поэтому они довольно свободно объединяются друг с другом.

Как уже было отмечено, наше представление о хеджах связано с их полевым устройством, в результате которого хеджи делятся на ядерные специализированные (с одной функцией) и периферийные неспециализированные (с более чем одной функцией, выполняемых одновременно), т. е. синкретичные. С нашей точки зрения, в зону последних входят дискурсивы, доминантными функциями которых являются следующие: авторизация (авторское самоупоминание), перформативная (называние автором своего ментального или речевого действия), оценочная по отношению к содержанию высказывания или по отношению к употребляемым автором словам (рефлексивная). Для всех синкретичных хеджей функция снижения категоричности является дополнительной.

По данным проведенного нами количественного анализа, две разновидности хеджей в отзывах представлены примерно в равных долях: специализированные составляют 52 % от всех хеджей, синкретичные – 48 %. Авторизирующие конструкции самоупоминания являются самой большой подгруппой синкретичных хеджей в нашем материале. Самоупоминания в форме прямого называния себя личным местоимением *я/мы* в именительном падеже встречаются значительно реже косвенных самоупоминаний, при этом конструкции с *мы* преобладают (*я встретилось лишь однажды; я бы рекомендовал; мы вправе задать вопрос; мы добавили бы; мы считаем; мы полагаем; как мы понимаем; мы допускаем*). В таких хеджах некатегоричность выражается путем указания на то, что данное суждение является лишь мнением автора, которое не претендует на абсолютную истину. Использование *мы* вместо *я* тоже является способом хеджировать свое высказывание: можно спрятаться «за широкую спину» более авторитетного, надежного, но и более неопределенного (*мы* – это кто?) местоимения множественного числа, сохранить свое лицо в случае критики и снизить ответственность за свои суждения. Семантика *мы* в отличие от *я* отличается диффузностью и не всегда полностью раскрывается даже в контексте [25].

Все остальные способы самоупоминания являются косвенными и, хотя они тоже указывают на мнение автора, снижение ответственности демонстрируется в них более явно. Представим эти хеджи в порядке усиления в них эффекта хеджинга: с местоимениями *я/мы* в косвенных падежах (*нам видится; нам думается; нам представляется; мне кажется; как*

нам показалось), с имплицитным местоимением (*полагаем; допустим; согласимся; как видим*), с притяжательными местоимениями *мой/наш* (*на мой/наш взгляд; по-нашему мнению; с нашей точки зрения; вызывает наше согласие*). Как можно видеть, все эти хеджи вместе с квалификацией своего суждения как своего мнения демонстрируют некатегоричность автора через уклонение от прямого выражения мнения, которое могло бы быть представлено дискурсивом *я думаю, что...*, встречающегося в русской научной письменной речи все еще довольно редко даже в речи докторов наук.

Перформативные хеджи в чем-то близки авторизирующим конструкциям: в них тоже иногда присутствуют глагольные формы 1-го лица чаще множественного числа (*выскажем замечания; хотим уточнить; позволим себе; дадим слово*), но глаголы являются ментально перформативными – сообщают о действиях, совершаемых автором в процессе изложения. В некоторых случаях перформативные хеджи представлены конструкциями с безличными глаголами (*хочется поразмышлять; хочется прокомментировать; думается; представляется; хотелось бы назвать*), но самыми частотными являются хеджи с модальным предикативом *можно*, подчеркивающим возможность того или иного действия, или наречиями (предикативами) с оценочным значением: *можно утверждать; можно пойти дальше; можно считать; в качестве примеров можно указать; трудно не согласиться; можно не согласиться*. Иногда перформативы выражаются безагенсными конструкциями, которые за счет деперсонализации субъекта действия имеют хеджирующий эффект (*возникают замечания; возникает вопрос*), либо даже безглагольными конструкциями (*еще одно замечание по источникам; еще несколько наблюдений*).

В перформативах эффект некатегоричности речи создается путем частичного или полного выведения субъекта действия за пределы высказывания: указание на того, у кого именно возникают замечания и вопросы, кому можно утверждать, кому хочется поразмышлять, в тексте отсутствует (хотя, конечно, все понимают, что речь идет об авторе отзыва). Безличные, безагенсные, модальные перформативы являются отличительной чертой русской научной речи, ведь это очень удобные формы русского языка (в английском, например, такие конструкции невозможны), помогающие избежать рисков, уйти от ответственности. В то же время они дают возможность ученому уйти от неопределенного *мы*, употребление которого все чаще признается в русском научном дискурсе устаревшим и неуместным [26], хотя в итоге выбор делается в сторону еще более неопределенных по сути конструкций.

Слияние оценивающей функции и функции снижения категоричности наблюдаем в хеджах-оценках, сопровождающих отрицательные оценочные суждения в отзывах, чаще всего имеющих форму сожаления: *к сожалению; жаль, что...; остается пожалеть; можно только пожалеть*. В некоторых случаях отрицательная оценка выражается посредством предикативов *странно; непонятно; неясно*, некатегоричность которых проявляется через перевод объективной оценки в субъективную: автор отзыва косвенным образом указывает на то, что выявляемые им недостатки рецензируемой диссертации являются не объективным фактом, а результатом его субъективного восприятия. Встречаются хеджи с подобным значением и в виде безличных глагольных конструкций: *остается неясно; остается непонятным*. Безличные формы тоже смягчают отрицательные оценочные суждения.

Довольно часто с помощью хеджей оформляются пожелания автору диссертации от лица оппонента. Как правило, для этого используются формы сослагательного наклонения и сравнительные формы прилагательных и наречий: *было бы полезно; было бы корректнее; лучше было бы; естественнее было бы назвать; было бы интересно; было бы уместнее; точнее было бы*. Сослагательное наклонение, вероятно, является наилучшим способом выражения некатегоричных рекомендаций и пожеланий.

Что касается хеджей-рефлексивов, выражающих оценку употребляемых автором отзыва слов, то такие хеджи встречаются реже других. Среди них попадаются как стереотипные (*так называемый; так сказать; скорее; можно сказать*), так и более редкие выражения (*условно говоря; вообще говоря; в определенном смысле; в некотором привычном практически смысле*). Их главная функция – модифицировать содержание высказывания в сторону неопределенности. Они демонстрируют неуверенность и сомнения автора в выбранных им словах, указывают на их условность, неточность. Именно эти хеджи были предметом исследования Дж. Лакоффа [20].

Заметим, что хеджам присущ не только внутренний синкретизм, когда они демонстрируют несколько одновременно проявляющихся функций, связанных со снижением категоричности. Хеджи часто образуют синкретичные дискурсивы с интенсификаторами (бустерами): *нам кажется важным; точнее было бы сказать; можно уверенно констатировать; хотелось бы подчеркнуть* и др. В таких случаях семантика лексем в составе этих дискурсивов и/или их грамматическая форма могут одновременно и интенсифицировать, и деинтенсифицировать сказанное. Несмотря на кажущееся противоречивое содержание этих дискурсивов, они тем не менее довольно типичны для научного дискурса, где любое высказывание даже с небольшой долей категоричности может хеджироваться.

Заключение. Проведенное исследование показало, что синкретизм является типичным способом проявления функций хеджей в жанре отзыва на диссертацию. В процессе анализа были выделены специализированные хеджи, реализующие только функцию снижения категоричности, и синкретичные хеджи, одновременно реализующие несколько хеджирующих функций, среди которых снижение категоричности считается нами дополнительной. Кроме того, показана возможность выделения хеджей, сочетающих функции снижения и повышения категоричности. Синкретичные хеджи составляют в нашем материале примерно половину от всех хеджей и отличаются разнообразием функций. Наиболее частотной разновидностью синкретичных хеджей являются авторизирующие конструкции и перформативы, чей хеджирующий потенциал связан с реализацией стратегий субъективизации и деперсонализации, позволяющих авторам смягчать свои научные утверждения, уводить свою фигуру на задний план, тем самым переводя акцент со своей фигуры на содержание высказывания, что в целом способствует большей объективизации изложения. Стратегия неопределенности характерна для хеджей-рефлексивов, с помощью которых автор сигнализирует о возможной неточности, условности своих слов и высказываний или своей неуверенности в их выборе. Оценочные хеджи демонстрируют некатегоричные способы выразить свое непонимание того или иного содержания, высказать сожаление по поводу каких-либо неудач соискателя в рамках своей диссертации или выразить пожелания соискателю. Синкретичные хеджи позволяют автору одновременно реализовать несколько дискурсивных функций в рамках

авторской самопрезентации и взаимодействия автора и адресата. Частотность синкретизма на уровне хеджей можно объяснить в первую очередь первоначальной неоднозначностью и нерасчлененностью присущих хеджам субъективно-модальных значений, которые в общем можно охарактеризовать как изначально синкретичные, целостные. Как мы постарались показать, в функциях хеджей действительно проявляется свойственный человеческому мышлению естественный симбиоз чувственного и рационального.

Сделанные выводы о типах синкретичных хеджей и особенностях их функционирования основываются на проанализированном нами материале; для исследования других жанров предложенные подходы могут быть модифицированы. Исследование может быть и будет продолжено на материале других научных жанров и других сфер коммуникации, в том числе на материале других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hyland K. Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, iss. 2. P. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
2. Hyland K. Constructing proximity: relating to readers in popular and professional science // *J. of English for Academic Purposes*. 2010. Vol. 9, iss. 2. P. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jjeap.2010.02.003>.
3. Carter R., McCarthy M. *Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English. Grammar and Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
4. Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // *New Approaches to Hedging*. 2010. Vol. 9. P. 15–34. DOI: 10.1163/9789004253247_003.
5. Викторова Е. Ю. Дискурсивные слова: единство в многообразии // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 10–15. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15.
6. Викторова Е. Ю. *Вспомогательная система дискурса*. Саратов: Наука, 2015.
7. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / пер. // *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
8. Бабайцева В. В. Синкретизм // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Бабайцева В. В. *Явления переходности в грамматике русского языка*. М.: Дрофа, 2000.
10. Штайн К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // *Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. Вып. 7*. Ставрополь: СГУ, 2001. С. 11–26.
11. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / МГПУ. М., 2006.
12. Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СтавГУ. Ростов-на-Дону, 2009.
13. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // *Вопросы языкознания*. 2011. № 3. С. 19–48.
14. Береснева В. А. *Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология*. Киров: Изд-во Киров. гос. ун-та, 2011.
15. Высоцкая И. В. Неоклассика как профилактика методологического срыва // *Język i metoda*. 2016. № 3. S. 107–116.
16. Санжарова О. Н. Синкретизм: когнитивные истоки происхождения и когнитивные основания // *Изв. ВГПУ. Филологические науки*. 2020. Т. 146, № 3. С. 120–125.

17. Коновалова Н. И. Креативный синкретизм речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры // Уральский филологический вестн. Вып. 29. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 257–269. DOI: 10.26170/ufv20-02-23.
18. Перфильева Н. П. О синкретизме вводных единиц с семантикой «я думаю» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 2. С. 157–170.
19. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 14–21.
20. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Chicago Linguistic Society Papers. 1972. No. 8. P. 183–228.
21. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
22. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
23. Hübler A. Understatements and Hedges in English. Amsterdam: John Benjamins, 1983.
24. Martín-Martín P. The mitigation of scientific claims in research papers: A comparative study // Intern. J. of English Studies. 2008. Vol. 8, no. 2. P. 133–152.
25. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.
26. Шмелева Т. В. Вежливость в научном дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы междунар. научн. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. М.: РГГУ, 2018. С. 300–307.

Информация об авторе.

Викторова Елена Юрьевна – доктор филологических наук (2016), доцент (2009), профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия. Автор более 70 публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, научный дискурс, медиадискурс, интернет-дискурс, дискурсивные слова, коммуникативистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 09.03.2023; принята после рецензирования 12.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Hyland, K. (2005), "Stance and Engagement: A Model of Interaction in Academic Discourse", *Discourse Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365.
2. Hyland, K. (2010), "Constructing proximity: relating to readers in popular and professional science", *J. of English for Academic Purposes*, vol. 9, iss. 2, pp. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2010.02.003>.
3. Carter, R. and McCarthy, M. (2006), *Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
4. Fraser, B. (2010), "Pragmatic Competence: The Case of Hedging", *New Approaches to Hedging*, vol. 9, pp. 15–34. DOI: 10.1163/9789004253247_003.
5. Viktorova, E.Yu. (2014), "Discursive Words: Uniformity in Diversity", *Izvestiya of Saratov Univ. Philology. Journalism*, vol. 14, iss. 1, pp. 10–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2014-14-1-10-15>.
6. Viktorova, E.Yu. (2015), *Vspomogatel'naya sistema diskursa* [Supportive System of Discourse], Nauka, Saratov, RUS.
7. Hjelmslev, L. (1960), "Prolegomena to a theory of language", *Novoe v lingvistike* [New Theories in Linguistics], Transl., iss. 1, Moscow, USSR, pp. 264–389.
8. Babaitseva, V.V. (1990), "Syncretism", *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedian Dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.

9. Babaitseva, V.V. (2000), *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Transitional Phenomena in Russian Grammar], Drofa, Moscow, RUS.
10. Shtain, K.E. (2001), "Transitivity and syncretism in connection with the activity approach to language", *Yazykovaya deyatelnost': perekhodnost' i sinkretizm* [Language activity: Transitivity and Syncretism], iss. 7, Stavropol', SGU, RUS, pp. 11–26.
11. Vysotskaya, I.V. (2006), "Syncretism in the System of Modern Russian parts of speech", Dr. Sci. (Philology) Thesis, MGPU, Moscow, RUS.
12. Pavlyukovets, M.A. (2009), "Syncretism in English morphology and syntax as a sign of language economy", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, StavGU, Rostov-na-Donu, RUS.
13. Pimenova, M.V. (2011), "Syncretism in lexical semantics manifesting the linguistic asymmetry between form and meaning", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 3, pp. 19–48.
14. Beresneva, V.A. (2011), *Lingvisticheskiy sinkretizm: ontologiya i gnoseologiya* [Linguistic Syncretism: Ontology and Gnosiology], Izd-vo Kirov. gos. un-ta, Kirov, RUS.
15. Vysotskaya, I.V. (2016), "Neoclassics as prevention of methodological breakdown", *Język i metoda*, no. 3, s. 107–116.
16. Sanzharova, O.N. (2020), "Syncretism: cognitive origins and cognitive foundation", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ. Philology*, vol. 146, no. 3, pp. 120–125.
17. Konovalova, N.I. (2020), "Creative syncretism of speech genres threats and appeasement in sacred texts of traditional folk culture", *Ural Philological Herald. Iss. 29, Ser. language. System. Personality: the Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 257–269. DOI: 10.26170/ufv20-02-23.
18. Perfilyeva, N.P. (2019). "The syncretism of introductory units with the meaning "i think"", *Moscow Univ. Philology Bulletin*, no. 2, pp. 157–170.
19. Viktorova, E.Yu. (2014), "Syncretism of Discursive Words", *Izvestiya of Saratov Univ. New Series. Ser. Philology. Journalism*, vol. 14, iss. 3, pp. 14–21.
20. Lakoff, G. (1972), "Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts", *Chicago Linguistic Society Papers*, no. 8, pp. 183–228.
21. Teliya, V.N. (1986), *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units], Nauka, Moscow, USSR.
22. Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness: Some universals in language usage*, 2nd ed., Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
23. Hübler, A. (1983), *Understatements and Hedges in English*, John Benjamins, Amsterdam, NLD.
24. Martín-Martín, P. (2008), "The mitigation of scientific claims in research papers: A comparative study", *Intern. J. of English Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 133–152.
25. Norman, B.Yu. and Plotnikova, A.M. (2016), "Structures with the pronoun *мы*: formation of actual and occasional collective identity", *Novosibirsk State Pedagogical Univ. Bulletin*, no. 6 (34), pp. 126–138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.
26. Shmeleva, T.V. (2018), "Politeness and Anti-politeness in Language and Communication", *Politeness and Antipoliteness in Language and Communication: Proceedings of the International Scientific Conference*, Moscow, RUS, Oct. 23–24 2018, pp. 300–307.

Information about the author.

Elena Yu. Viktorova – Dr. Sci. (Philology, 2016), Professor (2009), Professor at the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya str., Saratov 410012, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, academic discourse, media discourse, Internet discourse, discourse markers, communication studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 09.03.2023; adopted after review 12.04.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 811.112.2'04; 929.713
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-139-149>

Устойчивые словосочетания с украшающими эпитетами в Старшей Ливонской рифмованной хронике в свете исторической прагматики

Елена Сергеевна Тихонова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>

Введение. В статье рассматриваются поэтические обозначения воина с эпитетами, а именно лексемы *helt* – «герой», *ritter* – «рыцарь» и *degen* – «витязь», с целью выявить наиболее характерные для них контексты.

Методология и источники. Исследование проведено в рамках исторической прагматики, а также когнитивной лингвистики, в частности, теории фреймов Ч. Филлмора. Материалом служит Старшая Ливонская рифмованная хроника (кон. XIII в.) – стихотворный памятник на восточносреднегерманском диалекте, языковым свойствам которого в отечественной лингвистике уделялось незаслуженно мало внимания. Хроника испытала на себе сильное влияние куртуазного эпоса, что отмечалось в работах У. Арнольда, М. Фишер, Х. Куглера, А. Мюррея и др.

Результаты и обсуждение. В тексте хроники на основании непосредственного контекстного окружения были выделены 10 фреймов, в которых встречаются рассматриваемые существительные с эпитетами: характеристика персонажа, избрание магистра, описание сражения, результаты сражения, начало пути, сборы войска для похода, прибытие в конечный пункт, описание замка, результат совета, сообщение об интенции. Кроме того, существительное *helt* с эпитетом может встречаться в прямой речи и при вводе прямой речи. Каждое из трех рассматриваемых существительных с эпитетом было проанализировано на предмет того, в каких фреймах оно представлено, с какими глаголами-сказуемыми сочетается и какие эпитеты чаще засвидетельствованы в каждом конкретном фрейме.

Заключение. Был сделан вывод, что существительное *helt* – «герой» встречается практически во всех выделенных фреймах, *ritter* – «рыцарь» – преимущественно в фреймах, описывающих статичные ситуации, а *degen* – «витязь» – в описывающих динамичные ситуации фреймах. Кроме того, установлено, что в Старшей Ливонской рифмованной хронике лексема *helt* – «герой» обладает более широкой сочетаемостью.

Ключевые слова: средневерхнегерманский, Старшая Ливонская рифмованная хроника, Немецкий орден, украшающие эпитеты, историческая прагматика, фреймы

Для цитирования: Тихонова Е. С. Устойчивые словосочетания с украшающими эпитетами в Старшей Ливонской рифмованной хронике в свете исторической прагматики // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 139–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-139-149.

© Тихонова Е. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Fixed Collocations with Epitheta Ornantia in the Livonian Rhymed Chronicle in Terms of Historical Pragmalinguistics

Elena S. Tikhonova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
middjungards@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>*

Introduction. The paper considers Middle High German poetic nominations of a warrior such as *helt* 'hero', *ritter* 'knight' and *degen* 'warrior' combined with epitheta ornantia. The aim of this paper is to find out the most characteristic contexts for these lexemes.

Methodology and sources. The research is based on methodology of historical pragmalinguistics and cognitive linguistics, in particular on the frames' theory by Ch. Fillmore. As material for the research serves the Livonian Rhymed Chronicle (late XIIIth cent.), written in the East Middle German dialect. The text's linguistic features are scarcely studied by historical linguists in Russia. The Chronicle was written under the influence of courtly epics, which fact was discussed by U. Arnold, M. Fischer, H. Kugler, A. Murray and others.

Results and discussion. In the Chronicle's text there were selected 10 frames that include the analyzed nouns with epitheta ornantia. The noun *helt* can also be found in parts including and introducing direct speech. Each of the three nouns was analyzed as to in which frames it is attested and which epitheta are more common in each frame.

Conclusion. A conclusion was drawn that the noun *helt* 'hero' appears in almost all the frames, *ritter* 'knight' appears mostly in frames that refer to static situations and *degen* 'warrior' – in frames that refer to dynamic situations. Moreover, the lexeme *helt* 'hero' has a wider distribution range in the Chronicle than the other two nouns.

Keywords: Middle High German, Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, epitheta ornantia, historical pragmalinguistics, frames

For citation: Tikhonova, E.S. (2023), "Fixed Collocations with Epitheta Ornantia in the Livonian Rhymed Chronicle in Terms of Historical Pragmalinguistics", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 139–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-139-149 (Russia).

Введение. Настоящая статья продолжает предпринятое ранее исследование поэтических обозначений воина с эпитетами, в котором были выявлены синтаксические роли, свойственные подобным лексемам, а также уточнена устойчивость и вариативность в конструкциях «существительное + украшающий эпитет» [1].

Цель данного исследования – рассмотреть поэтизмы указанной семантики с точки зрения прагматики и установить, в каких контекстах они употребляются и можно ли выделить какие-либо тенденции в их употреблении и сочетаемости.

Методология и источники. Исследование проводилось в рамках исторической прагматики – раздела лингвистики, одной из задач которой является освещение отношений между языковыми знаками, между языковым знаком и его пользователем, между адресантом знака и его адресатом на ранних стадиях развития языка [2, с. 18].

Материалом служит Старшая Ливонская рифмованная хроника (далее – СРХ) – анонимный стихотворный памятник конца XIII в. объемом 12 017 строк на восточносредне-немецком диалекте, посвященный деятельности Немецкого ордена в Прибалтике. Хроника

сохранилась в двух рукописях: рижской (середина XIV в.; считается пропавшей) и гейдельбергской (XV в.) [3, S. 855].

Данный памятник создавался под влиянием куртуазного, или книжного, эпоса (U. Arnold (2010) [3], P. Ecke (1910) [4], K. Helm, W. Ziesemer (1951) [5], M. Fischer (1991) [6], A. V. Murray (2001) [7], и др.), чем обусловлено обилие устойчивых и формульных словосочетаний, в том числе наименований воина с украшающими эпитетами.

В статье в порядке убывания их частотности рассматриваются такие поэтизмы, как *helt* – «герой», *ritter* – «рыцарь» и *degen* – «витязь». Уже П. Экке, один из первых исследователей СРХ, отмечал, что существительные *helt* и *degen* ко времени создания СРХ были устаревшими, и что восходят они к героическому эпосу. Он называет их «некуртуазными» (*unhöfische Wörter*), в отличие от лексики, которая пришла в немецкий из французского языка вместе с рыцарской культурой и идеологией [4, S. 23]. А. Мюррей также указывал, что в средневерхненемецком героическом эпосе – «Песни о Нибелунгах» и «Кудруне» – существительное *degen* было очень употребительно, а в куртуазном эпосе лексемы *helt* и *ritter* встречаются в разы чаще [7, p. 246–247]. Этой же точки зрения придерживался Х. Куглер, считавший, что большая частота *helt* по сравнению с *ritter* доказывает преемственность СРХ от героического, а не куртуазного эпоса [8]. Всем им возражает М. Нееке, отмечавший, что лексема *helt* регулярно встречается и в средневерхненемецком куртуазном эпосе, где она не является поэтизмом [9, S. 97–98]. Тем не менее регулярная сочетаемость с украшающими эпитетами позволяет рассматривать все три существительных именно как поэтические наименования воина.

Для исследования их функционирования в тексте СРХ смысловые фрагменты, содержащие эти существительные с эпитетом, были рассмотрены с точки зрения теории фреймов – особых унифицированных конструкций знания или связанных схематизаций опыта, составляющих необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов [10, с. 54]. Фрейм также можно определить как структуру данных для представления стереотипной ситуации [11, с. 7].

В ходе анализа на основании ближайшего контекстуального окружения, особенно в глагольной сфере, удалось выделить следующие 10 фреймов, представляющих собой отрезки текста длиной в 10–20 строк, повествующие о каком-либо событии:

- 1) характеристика персонажа;
- 2) избрание магистра;
- 3) описание сражения;
- 4) результаты сражения;
- 5) начало пути;
- 6) сборы войска для похода;
- 7) прибытие в конечный пункт;
- 8) описание замка;
- 9) результат совета;
- 10) сообщение об интенции.

Далее будет продемонстрировано, какие фреймы наиболее характерны для каждого из трех данных существительных. В исследовании также предпринимается попытка ответить

на вопрос, можно ли выделить закономерности в сочетаемости украшающих эпитетов с существительными в конкретных фреймах. В связи с этим рассматриваются в первую очередь регулярно повторяющиеся эпитеты.

Результаты и обсуждение.

1. Наибольшим количеством реализаций (76 примеров) представлено существительное *helt* с эпитетом, которое может быть задействовано в следующих фреймах:

1.1. При характеристике персонажа используются эпитеты *vrom* – «благородный, храбрый» (5 примеров), *unverzaget* – «бесстрашный» (2 примера), *ûz erlesen/erkorn* – «избранный» (2 примера). В качестве сказуемого в таких предложениях в основном выступает глагол *sîn* – «быть» в претерите в единственном и во множественном числе:

(1) *der was ein vil vromer helt // von Sameiten ûz erwelt.* (4087-88)¹ – Он был весьма благородный герой, избранный из Жемайтии.

(2) *dâ was ein helt unverzaget // von Schowenburc brûder Bertolt, // im waren alle die brûdere holt.* (10422-24) – Там был бесстрашный герой, брат Бертольд фон Шовенбург, ему были любезны все братья.

1.2. Фрейм «избрание магистра» отличается от предыдущего тем, что в нем присутствуют глаголы с семантикой избрания или назначения (*erweln* – «избирать» и *nennen* – «называть»), а перечисление личных качеств магистра отсутствует. Два примера из четырех содержат эпитет *vrom* – «благородный», и почти все они расположены близко в тексте и описывают избрание магистра Виллекина:

(3) *dô wart ein vromer helt genomen // und wart zû hôteistere erwelt. // der selbe êrlîche helt // bruder Burkart was er genant: // im wart vrôlich in die hant // ein ingesigel und ein vingerlîn // beval man ûf die trûwe sîn.* (9766-72) – Тогда одного благородного героя взяли и выбрали великим магистром. Тот же самый честный герой, его звали брат Буркард: ему с радостью, полагаясь на его верность, поручили печать и кольцо.

1.3. В описании сражения (16 примеров) лексема *helt* чаще всего сочетается с эпитетами *vrom* – «благородный» (6 примеров) и *balt* – «храбрый» (4 примера), а также *rasch* – «быстрый» (2 примера). Глаголы-сказуемые имеют при этом семантику, связанную с военным делом: *ummesliezen* – «окружать», *slagen* – «бить», «убивать», *valn* – «пасть», *sturtzen* – «атаковать», *vor schiezen* – «стрелять» и др.:

(4) *des sach man von in beiden // von cristen und von heiden // manchen unverzageten helt, // beide rasch und ûz erwelt, // sturtzen in den grimmen tô. // der snê was dâ von blûte rô.* (8397-8402) – Оттого было видно, как из них обоих – из христиан и из язычников – много бесстрашных героев, быстрых и избранных, бросились в ужасную смерть. Снег там покраснел от крови.

1.4. В фрейме «результаты сражения» (8 примеров) при существительном часто присутствует неопределенное местоимение *man(i)ch* в сочетании с эпитетами *vrom* – «благородный» (2 примера) и *balt* – «храбрый» (2 примера), а также *unverzait* – «бесстрашный» и *ûz erwelt* – «избранный». Сказуемые имеют семантику горя или скорби (*jamern* – «горевать», *verklagen* – «оплакивать»), либо в двух случаях – семантику потери (*verliern* – «терять»), либо переданы глаголом *slagen* – «бить», «убивать» в пассиве:

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [12]. Цифры в круглых скобках после примера обозначают номера строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

(5) *waz brüder in dem strîte was // geslagen, dâ ich nû von las, // die wurden sider wol verclait // mit manchem helde unverzait.* (2269-72) – Сколько бы братьев ни было убито в той битве, как я сейчас об этом прочитал, они были впоследствии как следует оплаканы многими бесстрашными героями.

Таким образом, подчеркиваются негативные стороны сражений (скорбь по убитым товарищам или перечисление потерь), а не восхваляется воинская доблесть. При этом в целом в СРХ мирская, воинская этика преобладает над религиозной: как отмечают исследователи, для представителя Немецкого ордена ближе был эпический идеал воина, чем концепция *militia Christi*, и деяния во имя Господа подразумевали именно прославление Его посредством побед [6, с. 189]. К. Клявинш также отмечал, что братья ордена «находили эмоциональное удовлетворение от своей деятельности в мотивах героического эпоса» [13, р. 268].

1.5. В фрейме «начало пути» действующие лица отправляются куда-либо – в поход или в какую-либо локацию (5 примеров). Данный фрейм выделялся на основании наличия в ближайшем контекстуальном окружении глаголов передвижения, таких как *rîten* – «скакать», *varn* – «ехать», *gân* – «идти» или *sich ûf die vart heben* – «отправляться в путь». В двух случаях повторяется эпитет *unverzaget* – «бесстрашный»:

(6) *Waz sal ûch mêr dâ von gesaget? // sie wâren helde unverzaget. // nicht lenger wart von in gespart, // nâch den Lettowen ûf die vart // hûben sich die dûtschen dô.* (5135-39) – Что вам еще об этом сказать? Они были бесстрашными героями. Больше долго не тянули: немцы отправились в поход на литовцев.

Интересно, что в данных примерах дважды встречается сочетание *ûz irwelt* – «избран» в функции предикатива и, соответственно, в форме причастия II, а не эпитета и прилагательного: сообщается о том, что один из походников обладал уникальными качествами и/или был выбран для чего-то. Таким образом, в данных примерах семантика избранности сохраняется, хотя и не в форме эпитета:

(7) *zû hant wart ein rischer helt // von den Samen ûz irwelt, // der reit wol die richte // und hatte in sîner pflichte // zwêne gesellen harte stoltz.* (3731-35) – Немедленно из жемайтов был выбран быстрый герой, который поехал прямо, и в чьем распоряжении были два весьма гордых спутника.

1.6. С данным фреймом отчасти пересекается фрейм «сбор войска для похода» (12 примеров), который выделялся на основании глаголов, обозначающих сбор или поиск, а также результат этой деятельности: *werben* – «вербовать, агитировать», *gesamenen* – «собирать», *besenden* – «вызывать», «призывать», *suchen* – «искать», *biten* – «просить», *gewinnen* – «получать», *bringen* – «приводить», *komen* – «приезжать». Также в четырех примерах информация о сборе войска дополняется его описанием, содержащим множество формульных выражений (например, *als ein glas* – «подобно стеклу»). Наиболее частотным эпитетом является *rasch* – «быстрый», но также встречаются прилагательные *balt* – «храбрый», *vrom* – «благородный», *vermezzen* – «отважный», *ûz erwelt/erlesen* – «избранный», *wert* – «достойный» и *gût* – «добрый»:

(8) *meister Willekîn sêre bat, // wer nâch im wolde an die schar // daz er zû im quême dar. // nâch sînem willen ez geschach: // manchen raschen helt man sach // von knechten bie der brûdere schar. // ir brunjen wâren liechtgevar, // ir helme lûchten als ein glas.* (10404-11) –

Магистр Виллекин очень просил, чтобы тот, кто хотел в его отряд, прибыл к нему. Произошло по его воле: можно было видеть многих быстрых героев из оруженосцев рядом с отрядом братьев. Их кольчуги сияли, их шлемы блестели, подобно стеклу.

1.7. Фрейм «прибытие в пункт назначения» (5 примеров) характеризуется глаголами *komen* – «прибывать», *bringen* – «приводить», *vinden* – «находить»; эпитеты не повторяются: представлены прилагательные *vrom* – «благородный», *stark* – «сильный», *risch* – «быстрый», *gût* – «добрый», *balt* – «храбрый»:

(9) *von dûtschen landen quâmen dar // starker helde maniche schar, // die ouch iren kouf triben // und mit den andern dâ bliben.* (256-259) – Из Немецких земель туда приехали многие отряды сильных героев, которые также вели торговлю и остались там с остальными.

1.8. Маркерами фрейма «результат совета» являются глагол *râten* – «советовать» и существительное *rât* – «совет». Он представлен двумя примерами только с существительным *helt* с эпитетами *vermezzen* – «отважный» и *vrom* – «благородный»:

(10) *die an deme râte gewesen // wâren, als ich hân gelesen, // ez wâren helde vermezzen.* (11503-05) – Те, кто был на том совете, как я прочитал, это были отважные герои.

1.9. Помимо перечисленных фреймов, существительное *helt* (и только оно из рассматриваемых) с эпитетом может встречаться в **прямой речи** (6 примеров), которая в двух третях случаев содержит обращение. П. Экке отмечал, что, по сравнению с другими средневековыми эпосами, в СРХ очень мало прямой речи – лишь 10 % от общего объема [4, S. 37].

В прямой речи только эпитет *gût* – «добрый» повторен дважды, остальные: *zîr* – «прекрасный», *stoltz* – «гордый», *risch* – «быстрый», *vrom* – «благородный» – представлены по одному примеру. Рассматриваемые строки содержат прямую речь не только от лица главных героев Хроники – магистров Немецкого ордена, но и также и от земгальского вождя Намейсиса:

(11) *der meister sprach den sînen zû: // "gedenket, zîren helde, nû, // durch waz wir her komen sîn; // daz lât noch hûte werden schîn.* (1812-14) – Магистр обратился к своим: «Подумайте теперь, прекрасные герои, ради чего мы сюда пришли – это еще сегодня станет видно».

(12) *stoltzen helde, tretet nû // vrîlichen ûf der brûdere schar.* (8736-37) – Гордые герои, теперь свободно наступайте на отряд братьев.

1.10. К данным примерам примыкают два случая, содержащие формульный **ввод прямой речи** с помощью глагола говорения *sprechen* – «сказать». Эти фрагменты представляют собой обращение к братьям и обсуждение литовцами потенциального союза с христианами соответственно. Эпитетами в них являются прилагательные *unverzaget* – «бесстрашный» и *wert* – «достойный»:

(13) *Milgerîn der helt unverzaget // sprach: "sint uns hat widersaget // Myndowe, sô môge wir nicht bestân.* (2779-80) – Мильгерин – бесстрашный герой сказал: «Раз против нас обратился Миндовг, то мы не станем нападать».

2. Существительное *ritter* с эпитетами (25 примеров) употребляется преимущественно в статичных ситуациях – в фреймах «характеристика персонажа», «описание замка», «сообщение об интенции». В качестве сказуемых при этом выступают глаголы *sîn* – «быть», *werden* – «становиться», *wellen* – «хотеть», *sehen* – «видеть». Несколько примерами представлены и динамичные ситуации: прибытие в конечный пункт, начало пути, сборы перед походом.

Утверждение Х. Куглера о том, что в большинстве случаев в СРХ лексема *ritter* употребляется в значении «всадник» [8], представляется спорным и едва ли может служить аргументом против анализа данной лексемы как поэтического обозначения воина. Однако в четырех примерах устойчивое сочетание *gotes ritter* – «Божьи рыцари» обозначает рыцарей Немецкого ордена, и определение *gotes* не является украшающим эпитетом:

(14) *sint die lant sîn alsô gestalt, // stifte ein geistlichez leben // nâch dem tempil ûz gegeben, // die gotes ritter heizen dâ // als ubir mer und anderswâ.* (596-600) – Раз эти земли, которыми повелевают Божьи рыцари, так устроены, установи духовную жизнь по заветам храма, как за морем и в иных местах.

Лексема *ritter* – «рыцарь» встречается в следующих фреймах:

2.1. «Характеристика персонажа». Эпитет *gût* является самым частотным, но также встречаются *ein der beste* – «один из лучших», *hovelich* – «куртуазный», *êrlîch* – «честный». Сказуемые выражены глаголом *sîn* – «быть», а также *komen* – «прибывать» в претерите (15); один пример содержит авторскую речь с формульным выражением *die ich ... nicht genennen kan* – «которых я не могу назвать» (16):

(15) *des anderen jâres daz crûce nam // der grêve Albrecht. ouch uber quam // der helt von Orlamunde // vor alle sîne sunde; // mit im vil manich ritter gût. // sie hatten ellenthaften mût // zû strîtene ûf die heidenschaft.* (1333-39) – На следующий год крест принял граф Альбрехт. Прибыл также герой Орламюнде за все свои грехи; с ним – много добрых рыцарей. Они были отважно настроены сражаться с язычниками.

(16) *Von Darbet und von Lêal, // meister Otto an der zal, // ouch dar zû des kuniges man, // die ich nicht alle genennen kan, // sunder einen ritter gût, // der hatte eines lewen mût, // der was Sîverîth genant, // und was uber des kuniges lant // zû Revele ein houbtman // ... manten.* (7851-59) – Из Дерпта и из Леала [взывали], магистр Отто в том числе, и к тому же люди короля, которых я всех не могу назвать, кроме одного доброго рыцаря, который обладал храбростью льва, его звали Сиверит, и он был в Ревеле капитаном над королевской землей...

2.2. В двух примерах описывается прибытие братьев в Ревель и в Ригу соответственно: сказуемое выражено глаголом *komen* – «прибывать», один раз – с модальным глаголом *wellen* – «хотеть» в претерите. Эпитетом оба раза служит прилагательное *vrom* – «благородный»:

(17) *dâ wart gelobt mit mannes craft, // daz die rittere wolden komen // durch der gotes rittere vromen // und ouch durch die cristenheit.* (6136-39) – Тогда со всем войском возблагодарили, что рыцари хотели приехать ради отважных Божьих рыцарей и также ради христиан.

2.3. Фрейм «сборы войска для похода» представлен двумя примерами, сказуемые в которых выражены глаголами *suchen* – «искать» и *geben* – «давать» в претерите. В обоих примерах эпитет одинаковый – *der beste* – «лучший» в генитиве мн. ч.:

(18) *er sûchte der besten rittere dô // zwelve, die des wâren vrô, // und schûf sie vor den vanen.* (1029-31) – Тогда он нашел двенадцать лучших рыцарей, которые были этому рады, и поставил их перед знаменем.

2.4. В фрейме «начало пути» лексема *ritter* представлена одним примером, в котором при ней присутствуют два эпитета одновременно – *rîsch* – «быстрый» и *gût* – «добрый».

Сказуемые в данном фрагменте выражены глаголами передвижения *sich ûf die vart heben* – «отправляться в путь» и *komen* – «прибыть»:

(19) *dâ mite hûb sich ûf die vart // daz her kein Semegallen. // vreude was mit in allen, // die mit dem meistere wâren komen, // der Kûren banier wart vernomen, // die mit ir here in stoltzer var // zû der reise kômen dar. // des vreute sich des meisterses mût // und ouch der rischen rittere gût.* (5366-74) – Так войско отправилось в поход на земгалов. Все, кто прибыл с магистром, радовались, увидев знамя куронов, которые гордым отрядом отправились в поход с их войском. Этому возрадовался дух магистра и добрых быстрых рыцарей.

2.5. Лексема *ritter* также встречается в двух близкорасположенных фрагментах, содержащих сообщение об интенции куронов и эзельцев напасть на рыцарей: в одном предложении интенция передается описательной конструкцией *ez was mût* + генитив – «это было у них на уме» и модальным глаголом *wellen* – «хотеть» в придаточном предложении, а в другом – сообщением о том, что эзельцы решили (*wurden des zu râte*), что хотят жить свободно. Эпитетом в первом из этих примеров является прилагательное *gût*, во втором представлено лишь определение *gotes*:

(20) *wan ez was der Kûren mût, // daz sie die gotes rittere gût // ûz deme lande wolden haben.* (5753-55) – Потому что куронам хотелось изгнать добрых Божьих рыцарей из той страны.

2.6. Два примера содержат фрейм «описание замка», который также может включать описание гарнизона. Сказуемое в них выражено глаголом *sîn* в претерите, эпитетами служат прилагательные *vrom* – «благородный» и *gût* – «добрый»:

(21) *der hât dar inne burge gût, // dâ von daz lant ist wol behût, // dar ûffe ist vromer rittere vil, // als ich die wârheit sprechen wil.* (6727-30) – У него [короля Дании] там есть славные крепости, которые охраняют страну, на них полно благородных рыцарей, как я вам правдиво расскажу.

3. Лексема *degen* с эпитетом (14 примеров) задействована в основном в динамичных ситуациях – в описании сражений, начала похода или прибытия. Статичные ситуации – описание замка и характеристика персонажа – встречаются существенно реже.

3.1. Наибольшим количеством примеров представлен фрейм «начало пути» (6 примеров). Сказуемые выражены глаголами передвижения (*rîten* – «скакать», *ûf heben* – «отправляться»), при этом *degen* может быть в том числе объектом действия с глаголами *bringen* – «приводить» (3 примера) и *vûren* – «вести» (1 пример). Эпитетами служат прилагательные *balt* – «храбрый», *zwâre* – «истинный» и *vrô* – «радостный»:

(22) *brûder Bernhart von Hâren // als ein degen zwâren // rische hûb sich ûf die vart // mit sînen brûderen ungespart // von Goldingen und der Mimele.* (4775-79) – Брат Бернхард фон Харен как истинный витязь быстро отправился в поход из Гольдингена в Мемель со своими братьями, не щадя живота своего.

3.2. В фрейме «описание сражения» существительное *degen* представлено одним примером. Сказуемое выражено номинальной группой *mût hân* – «быть по сердцу», эпитет – прилагательное *gût* – «добрый»:

(23) *er Eilart ein degen gût // der hatte ernsthaften mût // gelîch ûf die heidenschaft.* (8405-07) – Господин Эйльарт, добрый витязь, ему всерьез было по сердцу немедленно [напасть] на язычников.

3.3. Фрейм «прибытие в конечный пункт» представлен одним фрагментом, посвященным встрече магистра Анне рыцарями. Сказуемое и подлежащее выражены конструкцией *accusativus cum infinitivo* *sach man rîten*, эпитетом служит прилагательное *stoltz* – «гордый»:

(24) *die brûdere nicht enliezen // ir menje sie hiezen // den brûdern geselleschefte pflegen. // dô man sach manchen stoltzen degen // rîten kein im ûf den strant* (3701-05) – Братья это так не оставили, они отправили целую толпу встретить братьев. Тут было видно, как к нему по берегу едут много гордых витязей.

3.4. Статичной является характеристика персонажа: сказуемые выражены глаголами *sîn* – «быть» и *bringen* – «приводить», эпитеты – прилагательными *ûz erkorn* – «избранный» и *stoltz* – «гордый»:

(25) *meister Burkart, daz ist wâr, // hatte vierdehalbez jâr // in Nieflande meister gewesen, // als ich vor wâr hân gelesen, // und mâzen vil mêre. // man clagete in vil sêre. // er was ein degen ûz erkorn. // von Hornhûsen was er geborn.* (5679-86) – Магистр Буркард – это правда – полтора года пробыл магистром в Ливонии, как я об этом прочитал, и еще намного больше. Его очень сильно оплакивали. Он был избранным витязем. Он родился в Хорнхузене.

3.5. Статичными являются и два примера, представляющие собой фрейм «описание замка»: в них сообщается о завершении строительства замка Гольдинген, а также о нахождении войска перед крепостью, которую братья затем атаковали. Сказуемые выражены глаголами *sîn* – «быть» и *blîben lân* – «оставить» в претерите, эпитеты – прилагательными *balt* – «храбрый» и *vrom* – «благородный»:

(26) *dô daz hûs bereitet was // rische brûdere man ûz las, // die der burc solden pflegen. // von knechten manchen vromen degen // liez man dô blîben // mit kinderen und mit wîben.* (2411-16) – Когда замок был готов, выбрали быстрых братьев, которые должны были следить за замком. Несколько отважных витязей из оруженосцев оставили там с детьми и женщинами.

Заключение. Таким образом, наиболее частотное из трех рассматриваемых существительных *helt* (76 примеров) встречается в СРХ практически во всех выделенных фреймах: оно не представлено лишь в описании замка и сообщении об интенции. Чаще всего эта лексема встречается в фрейме «описание сражения», за ним с практически одинаковым количеством примеров следуют фреймы «сбор войска для похода» и «характеристика персонажа». Наиболее типичными эпитетами в данных фреймах являются *vrom*, а также *balt*, *rasch* и *vrom* соответственно.

Существительное *ritter* (25 примеров) представлено в фреймах «характеристика персонажа», который является для него наиболее частотным, а также «описание замка», «сообщение об интенции» и «результат совета», т. е. ему более свойственны статичные ситуации. С другой стороны, оно также может встречаться и в динамичных ситуациях (фреймы «прибытие в конечный пункт» (на втором месте по частотности), «начало пути», «сбор войска для похода»). Наиболее типичным эпитетом при данном существительном является *gût* – «добрый», за ним с большим отрывом идет *der beste* – «лучший».

Существительное *degen* (14 примеров) в основном представлено в фреймах, описывающих динамичные ситуации (фреймы «начало пути», «описание сражения», «прибытие в конечный пункт»), однако также допустимы, хотя и существенно реже, фреймы, подразумевающие статику («характеристика персонажа» и «описание замка»). Наиболее частот-

ными для него являются фреймы «начало пути», «сбор войска для похода», а также «описание сражения», а наиболее характерным эпитетом – прилагательное *balt* – «храбрый».

Следует отметить, что в отношении сочетаемости удалось выявить лишь две тенденции: сочетание существительного с эпитетом *degen balt* – «отважный витязь» представлено преимущественно в контекстах, сообщающих о динамичных военных действиях – походе или атаке. Другое достаточно регулярное сочетание существительного с эпитетом – *ritter gût* – «славный рыцарь» – встречается при характеристике персонажа.

Можно предполагать, что представленность существительного *helt* во всех фреймах обусловлена, с одной стороны, его широкой семантикой, позволяющей употреблять его в качестве поэтизма практически в любых контекстах. С другой стороны, свою роль сыграла и поэтика текста: *helt* является удобной рифмой (лексема легко рифмуется с причастиями II на *-t*). Существительные *ritter* и *degen*, в свою очередь, в тексте СРХ обладают более специализированным значением, а *degen* к тому же является архаизмом, с чем и связана недопустимость их употребления в ряде контекстов, свойственных лексеме *helt*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова Е. С. Украшающие эпитеты как признак стиля «Старшей Ливонской рифмованной хроники» // Актуальные проблемы языкознания: материалы XI межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. уч., СПб., 18–19 апреля 2022 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2022. С. 30–38.
2. Баева Г. А. Историческая прагмалингвистика как особое направление в изучении языков // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2012. С. 7–19.
3. Arnold U. Livländische Reimchronik // Die Deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. Stammer W. et al. Band 5. Berlin: De Gruyter, 2010. S. 855–862.
4. Ecke P. Die Livländische Reimchronik. Greifswald: Hans Adler, 1910.
5. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Gießen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1951.
6. Fischer M. "Di Himels Rote": The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991.
7. Murray A. V. The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 235–251.
8. Kugler H. Die "Livländische Reimchronik" des 13. Jahrhunderts // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1993. No. 9. P. 22–30.
9. Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung / E. Feistner, M. Neecke, G. Vollmann-Profe. Tübingen: Max Niemeyer, 2007.
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
12. Die Livlandische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
13. Kļaviņš K. The Ideology of Christianity and Pagan Practice among the Teutonic Knights: The Case of the Baltic Region // J. of Baltic Studies. 2006. Vol. 37, no. 3. P. 260–276. DOI: 10.1080/01629770608628892.

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического уни-

верситета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор свыше 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.11.2022; принята после рецензирования 27.12.2022; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Tikhonova, E.S. (2022), "Epitheta Ornantia as a Stylistic Feature of the Livonian Rhymed Chronicle", *Current Issues in Linguistics, Proceedings of the XI National University Conference with International Guests*, SPb., RUS, April 18–19, 2022, pp. 30–38.
2. Baeva, G.A. (2012), "Historical Pragmalinguistics as a Special Direction in Language Studying", *Ocherki po istoricheskoi pragmatike germanskikh yazykov* [Essays on Historical Pragmatics of Germanic Languages], SPbGU, SPb., RUS, pp. 7–19.
3. Arnold, U. (2010), "Livländische Reimchronik", *Die Deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Stammer, W. et al. (Hrsg.), Band 5, De Gruyter, Berlin, DEU, S. 855–862.
4. Ecke, P. (1910), *Die Livländische Reimchronik*, Hans Adler, Greifswald, DEU.
5. Helm, K. and Ziesemer, W. (1951), *Die Literatur des Deutschen Ritterordens*, Wilhelm Schmitz Verlag, Gießen, DEU.
6. Fischer, M. (1991), "Di Himels Rote": *The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order*, Kümmerle Verlag, Göppingen, DEU.
7. Murray, A.V. (2001), "The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle", *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150-1500*, Ashgate, Aldershot, GBR, pp. 235–251.
8. Kugler, H. (1993), "Die "Livländische Reimchronik" des 13. Jahrhunderts", *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, no. 9, pp. 22–30.
9. Neecke, M. (2007), "Das 13. Jahrhundert", *Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*, Feistner, E., Neecke, M. and Vollmann-Profe, G., Max Niemeyer, Tübingen, DEU.
10. Fillmore, Ch. (1988), "Frames and the semantics of understanding", Transl., *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of the Language], Progress, Moscow, RUS, pp. 52–92.
11. Minsky, M. (1979), *A Framework for representing Knowledge*, Transl. by Grinbaum, O.N., in Kulakov, F.M. (ed.), Energiya, Moscow, RUS.
12. Meyer, L. (1973), *Die Livlandische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, DEU.
13. Kļaviņš, K. (2006), "The Ideology of Christianity and Pagan Practice among the Teutonic Knights: The Case of the Baltic Region", *J. of Baltic Studies*, vol. 37, no. 3, pp. 260–276. DOI: 10.1080/01629770608628892.

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology, 2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 40 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntax, German dialectology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.11.2022; adopted after review 27.12.2022; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 811.112.5
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-150-159>

Вариативность промежуточного языка во Фландрии

Наталья Анатольевна Коломиец

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
na.kolomiets@gmail.com*

Введение. В настоящее время языковой континуум нидерландского языка на территории Фландрии претерпевает значительные изменения и развивается в сторону трехчленной парадигмы, представленной стандартным языком, промежуточным языком (tussentaal) и многочисленными диалектами, что объясняет актуальность исследования промежуточного языка. Цель данного исследования заключается в анализе вариативности промежуточного языка, его составляющих элементов, сочетания и соотношения диалектных признаков и признаков стандартного языка, а также в анализе проблемы разграничения диалектов и промежуточного языка, что определяет его научную новизну.

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания и статьи на нидерландском языке (Фландрия), телесериалы, ток-шоу на фламандском телевидении, опросы нескольких информантов. Для сбора и анализа данных применялись метод лингвистического наблюдения, метод анкетирования, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования являются работы по языковой вариативности.

Результаты и обсуждение. В промежуточном языке языкового континуума Фландрии существуют различные варианты, формирующиеся за счет интерференции первичных, вторичных и третичных диалектных признаков, а также за счет интерференции элементов стандартного языка в различной степени. Образуются, с одной стороны, общие признаки промежуточного языка, характерные для всей территории Фландрии, с другой стороны, местные отличия. Сам промежуточный язык стремительно занимает позиции в сферах СМИ, культуры, рекламы.

Заключение. Определенные диалектные признаки имеют высокую степень интерференции во всех вариантах промежуточного языка во Фландрии, постепенно становятся его неотъемлемой частью и не препятствуют восприятию речи респондентов. За счет преобладания региональной окраски вариантов промежуточного языка носители могут с легкостью идентифицировать происхождение говорящего.

Ключевые слова: вариативность, промежуточный язык во Фландрии, интерференция, диалектные черты, черты стандартного нидерландского языка

Для цитирования: Коломиец Н. А. Вариативность промежуточного языка во Фландрии // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 150–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-150-159.

© Коломиец Н. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Variation of the Intermediate Language in Flanders

Natalia A. Kolomiets

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
na.kolomiets@gmail.com*

Introduction. At this time the language continuum of Dutch on the territory of Flanders undergoes significant changes and develops in the direction of three-part paradigm, which consists of the standard Dutch language, intermediate (tussentaal) and various dialects which explains the actuality of the studies of the intermediate language. The purpose of the study is to analyze the variety of the intermediate language, its components, combinations and correlation between the dialect features and the features of the standard language, as well as to analyze the problem of distinguishing the dialects and the intermediate language which explains the novelty of the study.

Methodology and sources. The study of conducted using the publications and articles in Dutch (Flanders), TV series, talk-show on the Flemish TV, interviewing some informants. The data was collected and analyzed using the method linguistic observations, questioning and comparative analysis. The theoretical basis of the research is language variation.

Results and discussion. In the intermediate language of the language continuum of Flanders there are different variants which are formed due to the interference of the primary, secondary and tertiary dialect features, as well as due to the interference of the elements of the standard language in different degrees. There are general features of the intermediate language typical for all territory of Flanders on the one side and on the other side local differences. The intermediate language gains strong positions in the media, culture and advertising.

Conclusion. Some dialect features have a high degree of interference in all variants of the intermediate language in Flanders, they become an integral part of the intermediate language and don't prevent the speakers from understanding each other. Due to the dominant regional character of the variants of the intermediate language native speakers can easily identify the origin of the respondent.

Keywords: variation, intermediate language in Flanders (tussentaal), interference, dialect features, features of the standard Dutch

For citation: Kolomiets, N.A. (2023), "Variation of the Intermediate Language in Flanders", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 150–159. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-150-159 (Russia).

Введение. Для современной лингвистической ситуации во Фландрии характерна формирующаяся трехчленная парадигма, представленная стандартным языком, промежуточным языком (tussentaal) и диалектами. Процесс исчезновения диалектов начался в Бельгии позже, чем в Нидерландах и других европейских странах, что обуславливалось сложной социолингвистической ситуацией притеснения носителей нидерландского языка в условиях диглоссии. Процесс исчезновения диалектов имеет следующие последствия: с одной стороны, это отказ от использования диалекта все большим числом носителей в различных сферах, с другой стороны, это заполнение вакуума, создавшегося на месте уходящих диалектов, за счет другой вариативности. «Стратификация языка и распределение языковых фактов по уровням лексики, морфологии и синтаксиса (мы оставляем в стороне важные

явления морфологии и фономорфологии, а также всю область просодики) предполагает одновременно взаимодействие и связь этих уровней – отсутствие этой связи исключало бы использование языка как средства коммуникации» [1, с. 22]. В словарной статье Лингвистического энциклопедического словаря В. М. Солнцев использует термин вариантность, описывая его как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка: «Представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как отклонении от некоторой нормы» [2, с. 80–81]. На смену диалектам приходит не только литературная норма, но и новая языковая вариативность, главным признаком которой является неформальная сфера использования. В. Н. Ярцева считает, что идея вариативности языка обусловлена «в первую очередь коммуникативной направленностью самого языкового процесса, его содержательностью, его семантической ценностью» [1, с. 18].

В 1960-е гг. бельгийские (фламандские) лингвисты обратили внимание на распространение языковой вариативности на территории Фландрии, которая не относилась ни к диалектам, ни к литературному нидерландскому языку. Для этого периода характерны попытки лингвистов и представителей сферы образования продвинуть стандартный нидерландский язык во Фландрии, что привело только к дальнейшему усилению новой языковой вариативности, изначально получившей название Schoon Vlaams (красивый фламандский) – термин, который был введен в 2000 г. лингвистом Гоосенс [3]. Новая вариативность складывалась из диалектов, заимствований из французского языка как лексических, так и грамматических, архаизмов, пуризм. Дебрабандере так описывает промежуточный язык – это «амальгама диалекта, регионального языка, пуризм, анахронизмов и переведенных слов и конструкций с французского языка» [4, с. 30].

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания на нидерландском языке, включающие в себя литературно-художественное произведение «De helaasheid der dingen» Dimitri Verhulst («Фламандские натюрморты» Димитри Верхюлст) [5], статьи из современных электронных периодических изданий (преимущественно интервью), телесериалы, ток-шоу на фламандском телевидении, опросы нескольких информантов.

Для исследования были проанализированы диалоги на диалекте и промежуточном языке в произведении «De helaasheid der dingen» («Фламандские натюрморты») [5], в которых была выявлена высокая частотность употребления брабантских черт промежуточного языка (артикуль, диминутивный суффикс, личные и указательные местоимения, определенные лексемы). Были опрошены несколько информантов (носителей языка) с помощью электронной анкеты, где им было предложено сделать выбор между формами *u*, *je*, *gij/ge*, *jou* – *iw* в определенных предложениях, что показало высокую частотность использования в промежуточном языке форм *ge/gij* и притяжательного местоимения *iw* вместо *je/jou*. Также были проанализированы интервью в электронном периодическом издании HLN [6]. Для выявления фонетических различий вариантов промежуточного языка рассмотрели речь приглашенных участников ток-шоу «Blokken» [7], диалоги сериала «Coppers» [8].

Для сбора и анализа данных применялись метод лингвистического наблюдения, метод анкетирования, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования являются работы по языковой вариативности.

Результаты и обсуждение. Распространение современной формы промежуточного языка (*tussentaal*) связано не с попытками внедрения стандартного нидерландского языка, а с естественным развитием новой вариативности, постепенно замещающей диалекты и становящейся родным языком, хотя большинство фламандцев, говорящих на промежуточном языке, владеют также и литературной нормой. Главное отличие современной формы промежуточного языка от формы 1960-х гг. – это уменьшение доли архаизмов и пуризмов на фоне присутствия французских заимствований.

1. Французские заимствования:

– *autostrade* (BN) – *autoweg* (NN) (*автомагистраль*);
– *forfait opgeven* (BN) – *niet komen opdagen* (NN) (*не явиться*);
– *Haar nieuwe hobby kost duur* (BN). – *Haar nieuwe hobby is duur, kost veel.* (NN) (*Ее новое хобби дорого стоит.*)

2. Пуризмы:

– *droogkast* (BN) – *centrifuge* (NN) (*сушильная машина*).

3. Архаизмы:

– *Daar er te weinig studenten waren, zijn alle alle activiteiten verplaatst* (BN). – *Omdat er te weinig studenten waren, zijn alle activiteiten verplaatst* (NN). (*Из-за того, что было мало студентов, были перенесены все мероприятия.*)

Форма *daar* в значении *omdat* выходит из употребления в современном промежуточном языке, хотя иногда еще встречается.

Бельгийский исследователь Виллемейнс считает, что промежуточный язык с брабантскими элементами оказывает значительное влияние на промежуточный язык в других фламандских регионах [9]. С диахронической точки зрения это связано с историческим развитием брабантских диалектов, интерференция которых в другие диалекты способствовала формированию основы литературного языка. Брабантские диалекты преимущественно распространены на территории провинций Антверпен и Фламандский Брабант. Начало брабантской экспансии относится к бургундскому периоду (исторический период Бургундских Нидерландов (1384–1530 гг.), когда герцогство Брабант имело наибольшее влияние в экономической и культурной жизни [10, с. 45]. Благодаря центральному положению и экономическому процветанию крупных городов Антверпена и Брюсселя, Брабант смог дать своему диалекту наиболее «престижный» статус.

С синхронической точки зрения интерференция брабантских элементов объясняется более высокой плотностью населения Брабанта по сравнению, например, с Лимбургом, что повышает вероятность проникновения речи с брабантскими характерными чертами в СМИ и дальнейшего распространения этих элементов по всей территории Фландрии. Диалекты регионов вокруг Брюсселя, Левена и Антверпена оказывают наибольшее влияние на формирование промежуточного языка. Это также обуславливается экономическим превосходством данного региона, который в свою очередь определяет «престижность» диалектов и появляющихся вариантов промежуточного языка. Брабантские диалектные признаки проникают в западнофламандские и лимбургские варианты промежуточного языка из-за мобильности населения в сторону центральных провинций (Брабант, Антверпен), тенденции обратной интерференции не наблюдаются.

Некоторые элементы промежуточного языка с брабантской окраской получили практически повсеместное распространение на территории Фландрии:

– артикль *ne* (*nen*) вместо стандартного *-een* для существительных муж. р.: *nen beer* (медведь);

– использование диминутивного суффикса *-ke*: *stoeleke* (стульчик);

– определенные лексемы: *pataat – aardappel* (картошка), *hesp – ham* (ветчина), *pinnekesdraad – prikkeldraad* (колючая проволока).

Но есть и другие яркие брабантские элементы, не получившие распространение в промежуточном языке прочих регионов:

– указательное местоимение *dees*: *Dees kan nou toch nie, he. – Dit kan toch niet.* (Это же невозможно.);

– *hem* в качестве именительного падежа (подлежащие) – *Als hem het doet, doet hem het goe. – Als hij het doet, doet hij het goed.* (NN) (Если он это делает, то делает это хорошо.)

В промежуточном языке представлены комбинации диалектных элементов и элементов стандартного нидерландского языка. Наиболее яркие (узкоместные) диалектные черты заменяются во всех вариантах промежуточного языка на стандартные, например:

– диалектное произношение дифтонгов *ij, ui, aa* в восточнофламандском варианте промежуточного языка заменяется преимущественно на стандартное;

– диалектное спряжение глагола *hebben* в западнофламандском варианте промежуточного языка заменяется на стандартное: *G'èt gie/j'e gie – Jij hebt.*

С другой стороны, во всех вариантах промежуточного языка сохраняются такие диалектные черты, как опущение начальной фонемы *h* (*hier*), конечной фонемы *t* (*dat, niet, moet*).

Наряду с этим для каждого варианта промежуточного языка сохраняются свои признаки:

– для промежуточного языка Восточной Фландрии характерно спряжение отрицательной частицы *geen* (*Dat trekt op genen bal. – Dat lijkt nergens op.* (Никуда не годится.), спряжение модального глагола 2 л., ед. ч.: *kunnen – kunde gij? – kan jij?* (NN) (Ты можешь?);

– для промежуточного языка Западной Фландрии характерно выпадение [e] в глагольных окончаниях *persen* [*persn*].

Примечательно употребление местоимения *jij/je* (2 л., ед. ч.) в разных вариантах промежуточного языка. Во всех вариантах, кроме западнофламандского, присутствуют три формы местоимения *jij/je*:

– *je* – неформальное обращение. Сфера употребления – на стыке формальных и неформальных речевых ситуаций;

– *u* – вежливое формальное обращение;

– *ge* – характерная черта промежуточного языка.

Исключение составляет западнофламандский вариант промежуточного языка, где не произошло интерференции брабантской формы *ge* и повсеместно распространена форма *je*, хотя в последнее время лингвисты наблюдают постепенное замещение *je* на *ge* даже в западнофламандском варианте. Так, в лимбургском варианте диалектные формы *doe/dzjie* уже давно вытеснены *ge* [11, с. 133].

Такое разнообразие ведет к нечеткому разграничению употребления форм в промежуточном языке и иногда к поочередному использованию *ge* и *je* в одной речевой ситуации: *Wil je een koekje? Ik haal het wel voor u.* (Хочешь печенье? Я сейчас тебе/Вам принесу.) Такое нечеткое разграничение может быть также обусловлено двойной функцией формы 2 л., ед. ч. *u*:

– общеупотребительная функция вежливого обращения: *Mevrouw Verhelst, mag ik u iets vragen?* (Госпожа Верхелст, могу ли я **Вам** задать вопрос?);

– неформальная форма 2 л., ед. ч., преимущественно выступающая в косвенных падежах и в качестве возвратной частицы: *Ik moet u nu naar de bushalte wegvoeren.* (Я **тебя** сейчас должен отвезти на автобусную остановку.) *Maakt u klaar!* (Собирайся!)

Для всех вариантов промежуточного языка (за исключением западнофламандского) характерно использование притяжательного местоимения *uw* в сочетании с формой *ge/gij*, выступающей в качестве подлежащего: *Ge moet nog Uw sleutel pakken.* (Ты должен еще взять свой ключ.).

Бельгийский лингвист Де Калюве различает следующие степени интерференции: первичные, вторичные и третичные диалектные черты [12]. Первичные черты довольно быстро растворяются в промежуточном языке. Часто это узкоместные черты, присущие небольшим регионам:

– появление звонкого спиранта [ɣ] после назального звука *ng* в Гентском городском диалекте *springen* [*spingɣen*];

– произношение *ij* [*ei*] как [*aa*] в Мехеленском городском диалекте: *als gaa paast – als gij peinst – als je denkt* (NN) (если ты думаешь).

Ко вторичным чертам можно отнести диалектные признаки, распространенные на более крупных территориях и не ведущие к затруднению восприятия речи, поэтому степень их интерференции в промежуточный язык выше, чем первичных. Диалектное произношение дифтонга [oo] как [uuë] [*stroom – struuëm*] присутствует в восточнофламандском варианте промежуточного языка. Носители языка осознают диалектную принадлежность таких вторичных элементов, отсюда и тенденция замещения диалектного произношения на стандартный в данном варианте.

Третичные черты в основном не поддаются замещению и имеют высокую степень интерференции в варианты промежуточного языка, например:

– региональный лимбургский акцент с присущей ему мелодичной интонацией характерен для лимбургского варианта промежуточного языка;

– использование союза *dat* в придаточных предложениях, вводимых союзом *of*: *Ik weet niet of dat hij klaar is – Ik weet niet of hij klaar is* (NN) (я не знаю, готов ли он) в западнофламандском варианте промежуточного языка;

– грассированное произношение [r] в промежуточном языке Гента [11, с. 39];

– фонема [i] как [ie] в варианте промежуточного языка в Антверпене.

О гетерогенности промежуточного языка пишет Т. В. Пузевич, подчеркивая, что эта вариативность включает в себя «элементы стандартного нидерландского и местных, прежде всего брабантских, диалектов». «Tussentaal не является гомогенным языковым образованием, а представляет собой континуум вариантов более или менее близких к стандартному

нидерландскому или местным фламандским диалектам» [12, с. 42]. Гетерогенность промежуточного языка имеет несколько полюсов: расположение по оси «стандартный нидерландский язык и диалекты» и по оси «западнофламандские, восточнофламандские, брабантские и лимбургские диалекты». Одни формы промежуточного языка располагаются ближе к диалектам, другие имеют больше точек соприкосновения со стандартным нидерландским языком. Некоторые лингвисты называют промежуточный язык, имеющий больше диалектных черт, региолектом [13, с. 24]. В таком региолекте сохраняются преимущественно диалектные грамматические формы и конструкции, но более не используются узкоместные диалектизмы. В статье «Разговорная норма современного нидерландского языка» А. А. Яковлева пишет о соотношении промежуточных норм в языковом континууме бельгийского нидерландского варианта. Несмотря на существование четырех региолектов во Фландрии, «носители каждого из четырех региолектов в ситуации взаимного общения используют именно промежуточную форму *tussentaal*» [14, с. 278].

В связи с этим возникает проблема разграничения вариантов промежуточного языка и диалектов. Особую сложность представляет тот факт, что в настоящее время наблюдается процесс отмирания диалектов. Фламандец, воспитанный дома на определенном диалекте, перестает использовать узкоместные диалектные фонемы, грамматические конструкции и лексемы. Де Калюве считает, что разграничение диалектов и вариантов промежуточного языка может быть основано на психолингвистических факторах: намерения респондента и восприятие речи окружающим лингвистическим сообществом [13, с. 24]. Так, разговорная речь западных фламандцев воспринимается преимущественно как диалект как внутри западнофламандского языкового сообщества, так и фламандским сообществом в целом, несмотря на то, что в вышеуказанной речи больше используется не западнофламандская диалектная отрицательная частица *en* в двойном отрицании – *ik en heb da nie gezegd* (я это не говорил), а стандартная *niet* с выпадением конечной фонемы *t* – явление, характерное для промежуточного языка на всей территории Фландрии. В данном случае принадлежность этой речи к диалекту определяется не количественным соотношением диалектных и стандартных элементов, а лингвистической перцепцией. В случае, когда респондент сознательно хочет дистанцироваться от диалекта, его речь, скорее, будет отнесена к промежуточному языку даже со значительным присутствием диалектных черт. На основании сказанного можно сделать вывод, что вариативность промежуточного языка зависит как от интенсивности диалектной интерференции, так и от лингвистической перцепции.

Распространение промежуточного языка во Фландрии не имеет однозначной оценки в обществе. Л. А. Ульяницкая отмечает, что вытеснение бельгийского нидерландского промежуточным языком «будет означать конец языковому единству, существующему между Фландрией и Нидерландами и закреплённому законодательно» [15, с. 16]. В 2019 г. Фламандское правительство приняло закон о необходимости привлечения внимания к использованию стандартного (литературного) языка в СМИ, что, по мнению разработчиков закона, должно способствовать росту взаимодействия с радиотелекомпаниями из разных регионов, а также с Нидерландами [16]. Прослеживается обеспокоенность тем, что распространение промежуточного языка может негативно сказаться на единстве нидерландского язычного ареала, а также на уровне владения стандартным языком среди молодежи. Промежуточный

язык уже имеет свою сферу распространения: телесериалы, театр, фильмы, реклама. Особенно популярным промежуточный язык становится в сфере рекламы за счет своей узнаваемости и запоминаемости, что обеспечивает привлечение внимания. Создатели рекламы сочетают использование как промежуточного языка, так и стандартного в одном рекламном ролике для достижения различных целей. Так, в социальной кампании г. Беверена (провинция Антверпен) был использован промежуточный язык с брабантской окраской, направленный на профилактику наркомании среди молодежи и распространение информации об анализе образцов слюны на содержание запрещенных веществ [17]. Призыв «Gene zever» сочетает в себе игру слов: *gene zever* (без глупостей) и прямое значение *zever* (слюна). Промежуточный язык в различных его вариантах уже давно присутствует на фламандском телевидении как на коммерческих (VTM), так и на государственных каналах (VRT) – телесериалы («Coppers») [8], фильмы («Smoorverliefd», 2010), ток-шоу («Blokken») [7]. Функция всех вариантов промежуточного языка – привлечение внимания, сокращение психологического расстояния между выступающим и слушателем, создание лингвистического единства. Стандартный нидерландский используется для выступления экспертов, и его функции заключаются во внесении ясности, достоверности информации, создании профессионального впечатления [11, с. 40].

Заключение. В ходе исследования были выявлены как общерегиональные, так и узкодиалектные элементы промежуточного языка. Диалектные признаки с высокой степенью интерференции в определенные варианты промежуточного языка или в весь континуум промежуточного языка во Фландрии постепенно становятся неотъемлемой частью промежуточного языка и не препятствуют восприятию речи респондентов. За счет преобладания региональной окраски вариантов промежуточного языка носители могут с легкостью идентифицировать происхождение говорящего.

На основе рассмотренных характеристик делается вывод о следующих общих чертах промежуточного языка: промежуточное положение между литературной нормой и диалектами, отсутствие кодификации, устная форма, доминирование брабантских черт, сохранение присутствия французских заимствований, интерференция диалектов.

Изучение промежуточного языка позволяет сформулировать особый взгляд на развитие языковой вариативности во Фландрии, где наблюдаются тенденции к ослаблению литературной нормы в СМИ и в повседневном общении.

Исследование показало, что, с одной стороны, промежуточный язык варьируется по географическим, социальным и индивидуальным векторам, что указывает на его гетерогенность, с другой стороны, наблюдаются тенденции к консолидации. Такие факторы, как растущая мобильность, проникновение промежуточного языка в СМИ и в разные сферы деятельности, способствуют формированию гомогенного промежуточного языка, который, вероятно, может взять на себя роль единого языка неформальной коммуникации во Фландрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 17–24.
2. Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 80–81.

3. Goossens J. De toekomst van het Nederlands in Vlaanderen // *Ons Erfdeel*. 2000. Jaargang 43, Nr. 1. P. 2–13.
4. Debrabandere F. Het ehec van de ABN-actie in Vlaanderen // *Nederlands van nu*. 2005. Jaargang 53, Nr. 1. P. 27–31.
5. Verhulst D. *De helaasheid der dingen*. Amsterdam: Contact, 2006.
6. HLN. URL: <https://www.hln.be> (дата обращения: 15.01.2023).
7. Blokken // *Vrt Max*. URL: <https://www.vrt.be/vrtnu/a-z/blokken/> (дата обращения: 12.12.2022).
8. Coppers // *Vtm Go*. URL: <https://vtm.be/vtmgo/coppers~4955027e-a475-448e-8c22-a0385cee1255?referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (дата обращения: 24.12.2022).
9. Willemyns R. *Het verhaal van het Vlaams; de geschiedenis van het Nederlands in de Zuidelijke Nederlanden*. Antwerpen: Standaard Uitgeverij, 2003.
10. Devos M. *Genese en structuur van het Vlaamse dialectlandschap // Structuren in talige variatie in Vlaanderen*. Gent: Academia Press, 2006. P. 35–61.
11. Ooms M. *Buurtaal: praktische gids voor het Nederlands in België en Nederland, Gorredijk: Sterck & De Vreese*, 2020.
12. Пузевич Т. В. Языковая ситуация в Бельгии: к вопросу о социолингвистической типологии языков // *Вестн. БГУ. Сер. 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 2012. № 1. С. 40–43.
13. *Atlas van het dialect in Vlaanderen / J. De Caluwe, V. De Tier, A.-S. Ghyselen, R. Vandenberghe*. Tielt: Lannoo, 2021.
14. Яковлева А. А. *Разговорная норма современного нидерландского языка // Скандинавская филология*. 2015. № 13. С. 273–282.
15. Ульяницкая Л. А. *Лексическая и грамматическая интерференция во фламандском варианте нидерландского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*. СПб., 2018.
16. *Media // MediaNet Vlaanderen*. 01.10.2019. URL: <https://www.medianetvlaanderen.be/nl/nieuws/lees-hier-het-luik-media-uit-het-vlaamse-regeerakkoord-2019-2024> (дата обращения: 01.02.2023).
17. Pieters K. *Mentaal welzijn bij Beverse jongeren is #genezever! "Steeds minder veerkracht om met alles om te gaan"* // HLN. 16.03.2021. URL: <https://www.hln.be/beveren/mentaal-welzijn-bij-beverse-jongeren-is-genezever-steeds-minder-veerkracht-om-met-alles-om-te-gaan~a6320265/> (дата обращения: 08.02.2023).

Информация об авторе.

Коломиец Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, ул. Остоженка, д. 38, Москва, 119034, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая вариативность, языковая политика, диалектология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 20.02.2023; принята после рецензирования 30.03.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Yartseva, V.N. (1983), "Problems of variation and interconnection of the levels of the grammatical systems of the language", *Voprosy Jazykoznanija*, vol. 5, pp. 17–24.
2. Solntsev, V.M. (1990), "Variation", *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], *Sovetskaya encyclopedia*, Moscow, USSR, pp. 80–81.
3. Goossens, J. (2000), "De toekomst van het Nederlands in Vlaanderen", *Ons Erfdeel*, Jaargang 43, nr. 1, pp. 2–13.
4. Debrabandere, F. (2005), "Het ehec van de ABN-actie in Vlaanderen", *Nederlands van nu*, Jaargang 53, nr. 1, pp. 27–31.
5. Verhulst, D. (2006), *De helaasheid der dingen*, Contact, Amsterdam, ND.

6. *HLN*, available at: <https://www.hln.be> (accessed 15.01.2023).
7. "Blokken", *Vrt Max*, available at: <https://www.vrt.be/vrtnu/a-z/blokken/> (accessed 12.12.2022).
8. "Coppers", *Vtm Go*, available at: <https://vtm.be/vtmgo/coppers~4955027e-a475-448e-8c22-a0385cee1255?referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (accessed 24.12.2022).
9. Willemyns, R. (2003), *Het verhaal van het Vlaams; de geschiedenis van het Nederlands in de Zuidelijke Nederlanden*, Standaard Uitgeverij, Antwerpen, NDL.
10. Devos, M. (2006), "Genese en structuur van het Vlaamse dialectlandschap", *Structuren in talige variatie in Vlaanderen*, Academia Press, Gent, BEL, pp. 35–61.
11. Ooms, M. (2020), *Buurtaal: praktische gids voor het Nederlands in België en Nederland*, Sterck & De Vreese, Gorredijk, NDL.
12. Puzevich, T.V. (2012), "Language situation in Belgium: the issue of socio-linguistic typology of languages", *Vestnik BGU. Ser. 4. Philology. Journalism. Pedagogics*, no. 1, pp. 40–43.
13. De Caluwe, J., De Tier, V., Ghyselen, A.-S. and Vandenbergh, R. (2021), *Atlas van het dialect in Vlaanderen*, Lannoo, Tielt, NDL.
14. Yakovleva, A.A. (2015), "The spoken norm in Modern Dutch", *Scandinavian Philology*, no. 13, pp. 273–282.
15. Ulyanitskaya, L.A. (2018), "Lexical and grammatical interference in the Flemish variant of Dutch", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, ETU, SPb., RUS.
16. "Media", *MediaNet Vlaanderen*, 01.10.2019, available at: <https://www.medianetvlaanderen.be/nl/nieuws/lees-hier-het-luik-media-uit-het-vlaamse-regeerakkoord-2019-2024> (accessed 01.02.2023).
17. Pieters, K. (2021), "Mentaal welzijn bij Beverse jongeren is #genezever! "Steeds minder veerkracht om met alles om te gaan"", *HLN*, 16.03.2021, available at: <https://www.hln.be/beveren/mentaal-welzijn-bij-beverse-jongeren-is-genezever-steeds-minder-veerkracht-om-met-alles-om-te-gaan~a6320265/> (accessed 08.02.2023).

Information about the author.

Natalia A. Kolomiets – Senior Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka str., Moscow 119034, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: language variation, language policy, dialects.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 20.02.2023; adopted after review 30.03.2023; published online 21.09.2023.*

Оригинальная статья
УДК 80; 81; 811.111
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-160-175>

Репрезентация перцептивного события в интервью с художником

Татьяна Ивановна Петухова¹✉, Александра Олеговна Чупахина²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ petukhova_ti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4560-5073>

²alexandra.chupakhina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3998-5179>

Введение. Цель настоящей статьи – рассмотреть языковую актуализацию в дискурсе интервью основных характеристик зрительного восприятия художника. Актуальность работы обусловлена ее включенностью в контекст современных антропоориентированных исследований познания мира творческой личностью. Новизна работы состоит в том, что впервые в рамках комплексного лингвокогнитивного подхода процесс восприятия мира англоязычным художником рассматривается как событие, что позволяет наиболее полно проанализировать его специфику.

Методология и источники. Методологической базой исследования послужили работы лингвистов-когнитологов Л. В. Лаенко, И. Ю. Колесова, психолога В. А. Барабанщикова, выявляющих отличительные характеристики перцептивного образа и обосновывающих целесообразность рассмотрения восприятия как события. Материалом исследования стали интервью с англоязычными художниками из интернет-версий газет, посвященных жизни и деятельности современных мастеров. Используются методы лексико-семантического, фреймового, контекстуального и прагмалингвистического анализа.

Результаты и обсуждение. В работе раскрываются особенности зрительного восприятия мира современными англоязычными художниками, которые находят репрезентацию в дискурсе интервью. Выявлена многомерность субъекта восприятия, различные способы его представленности на вербальном уровне: как наблюдателя-деятели и как «закадрового» наблюдателя. Показана специфика зрительного восприятия мира художником как перцептивного события, обладающего пространственно-временными координатами и такими значимыми характеристиками, как динамизм, мотивированность, фокусность, эмоциональная маркированность. Денотативная ситуация перцепции актуализируется в английском языке личными местоимениями, предикатами активного действия, перцептивными предикатами, экзистенциональными конструкциями, фразовыми глаголами, предикатами изменения состояния. Важной особенностью творческого восприятия окружающего мира художником является формирование в его сознании необходимости репрезентировать возникающий перцептивный образ посредством живописных знаков, в результате чего данный перцептивный образ получает дальнейшее развитие, становится основой для создания художественного образа, получающего воплощение в живописном произведении.

© Петухова Т. И., Чупахина А. О., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В интервью с художником находит экспликацию сложный процесс познания мира творческой личностью, в основе которого лежит перцептивное событие. Зрительное восприятие репрезентируется художником как направленная деятельность, которой нужно учиться и которая требует определенных усилий и мотивации. В результате перцептивного события, которое проживает художник, формируется художественный образ, находящий актуализацию в произведении искусства.

Ключевые слова: зрительное восприятие, перцептивное событие, перцептивный процесс, событийный фрейм, субъект восприятия, эго-пространство художника

Для цитирования: Петухова Т. И., Чупахина А. О. Репрезентация перцептивного события в интервью с художником // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 160–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-160-175.

Original paper

Representation of a Perceptual Event in an Interview with an Artist

Tatiana I. Petukhova^{1✉}, **Alexandra O. Chupakhina**²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*petukhova_ti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4560-5073>*

²*alexandra.chupakhina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3998-5179>*

Introduction. The purpose of the research is to consider the linguistic actualization of the main characteristics of the artist's visual perception in the interview discourse. The relevance of the research is due to its inclusion in the context of modern anthropo-oriented study of cognition of the world by a creative person. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the process of perception of the world by an English-speaking artist is studied as an event within the framework of a complex linguistic and cognitive approach, which allows to analyze its specificity to the fullest extent.

Methodology and sources. The methodological basis of the research was made up of the works of the linguists-cognitologists L.V. Laenko, I.Yu. Kolesov, psychologist V. A. Barabanshchikov who revealed distinctive characteristics of perceptual image and substantiated the expediency of perception as an event. The research material was interviews with English-speaking artists from the Internet versions of the newspapers devoted to the life and work of modern artists. The methods of lexico-semantic, frame, contextual and pragmatolinguistic analysis were used.

Results and discussion. The article reveals the peculiarities of visual perception of the world by contemporary English-speaking artists, which are reflected in the discourse of the interview. The author reveals the multidimensionality of a subject of perception, different ways of its representation on the verbal level: as an observer-actor and as a "offscreen" observer. The paper shows the specificity of visual perception of the world by the artist as a perceptual event that possesses spatial and temporal coordinates and such significant characteristics as dynamism, motivation, focus and emotionality. The denotative situation of perception is actualized in English by personal pronouns, active-action predicates, perceptual predicates, existential constructions, phase verbs, and state change predicates. The important feature of the artist's creative perception of the world is the forming of the necessity of representation in his consciousness perceptive image by means of painterly signs. As a result of such representation the given perceptive image receives the further development and becomes the basis for creating an artistic image to be embodied in an art work.

Conclusion. In the interview with the artist there is a complex process of cognition of the world by the creative person, based on the perceptual event. Visual perception is represented by the artist as a directed activity, which is to learn and which requires certain efforts and motivation. As a result of the perceptual event that the artist experiences, an artistic image is formed that is actualized in the work of art.

Keywords: visual perception, perceptual event, perceptual process, event frame, subject of perception, ego-space of the artist

For citation: Petukhova, T.I. and Chupakhina, A.O. (2023), "Representation of a Perceptual Event in an Interview with an Artist", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 160–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-160-175 (Russia).

Введение. Сущность восприятия заключается в отражении объективной действительности, ее наглядной представленности субъекту [1, 2]. Именно восприятие обеспечивает необходимую основу познавательной деятельности. Способность индивида видеть, слышать, ощущать заложена генетически и позволяет организму человека успешно функционировать уже на ранней стадии развития. Постепенно эта неподвластная направленному осмыслению способность трансформируется в сознательные регулируемые действия, направленные на познание окружающей действительности (я смотрю, слушаю, ощущаю).

Для художника наиболее важным способом познания окружающего мира является зрительное восприятие. Именно на основе образов, формируемых в процессе зрительного восприятия окружающего мира, в значительной степени конструируется творческая картина мира, создаются художественные образы, которые находят воплощение в произведении искусства. Проблема рассмотрения эго-пространства художника и его репрезентации в искусствоведческом дискурсе представляется новой и актуальной и требует прежде всего анализа своеобразия перцептивного процесса.

Методология и источники. На протяжении веков великие мыслители придавали огромное значение зрительному восприятию, считая зрение универсальным инструментом, позволяющим проникать в таинства природных явлений. Платон считал зрение ценнейшим даром богов, служащим для познания истины и восприятия прекрасного [3]. Августин выделял три вида зрения: телесное, когда мы видим глазами обычные предметы, духовное, когда мы видим внутри себя то, что знаем, и умственное, когда в уме мы созерцаем не имеющие зрительного представления абстрактные образы. Анализируя условную природу изобразительного искусства, Августин отмечал, что знак, воздействуя своей формой на органы восприятия человека, возбуждает в нем мысль о чем-то ином, чем сама форма [4].

Леонардо да Винчи считал зрительное восприятие и знание физическими явлениями, наделенными метафизическими функциями: наша возможность познания основана на изоморфизме света и сознания. Это позволяет сознанию видеть посредством глаза и через глаз воспринимать объекты внешнего мира. Зрение открывает мир для сознания, которое как зеркало отражает световые образы, проникающие в мозг, и как активно действующий разум познает мир [5]. Для Леонардо зрительное впечатление есть основа научного и художественного опыта.

Представители когнитивной психологии исходят из того, что процесс восприятия – это процесс категоризации [6, 7]. По мнению Дж. Брунера, восприятие является активным

процессом, тесно связанным с человеческой деятельностью, которая позволяет отбирать из входящей до человека информации существенные признаки и относить воспринимаемые объекты к определенным категориям. Всякое восприятие предполагает акт категоризации: все, что воспринимается, приобретает значение от того, с каким классом перцептов группируется, т. е. к какой категории относится [6, с. 13]. Процесс восприятия носит динамический характер, и зрительный образ нужно рассматривать не как след психической активности, а как строение самой этой активности, развернутой во времени. У. Найссер обращает внимание на то, что извлечение информации из окружающего мира происходит по определенной схеме, и выдвигает концепцию «перцептивного цикла» [8, с. 36–37]. По мнению ученого, ведущая роль в процессе восприятия принадлежит предвосхищающим схемам, которые управляют перцептивной активностью.

Взаимосвязи восприятия и деятельности уделяет большое внимание отечественная психологическая наука [9, 10]. Согласно теории перцептивных действий перцептивный образ строится и осуществляет свои регулирующие функции в процессе особой, ориентировочно-исследовательской деятельности. Объекты обладают неисчислимыми свойствами, и у субъекта восприятия нет возможности и необходимости в каждом конкретном случае учитывать все эти свойства. В качестве предметов восприятия эти объекты оборачиваются к субъекту определенной стороной в зависимости от уже сформированных способов перцептивных действий, позволяющих выделить в объекте те или иные свойства.

Восприятие является исторически и культурно обусловленным процессом, представляет собой форму социальной деятельности [11–15]. Согласно теории М. Вартофского, перцепция тесно связана с потребностями, интенциями, эмоциями. Избирательность перцепции указывает на ее социальную природу [11]. Перцептивные коды формируются в зависимости от культуры конкретных сообществ, т. е. в зависимости от принятых форм общественной практики. Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что «перцепция является культурно-детерминированной деятельностью» [16, с. 103].

Восприятие как один из значимых этапов и механизмов познания привлекает пристальное внимание лингвистов-когнитологов [17–19]. По мнению ученых, восприятие является не просто регистрацией чувств и сенсорных раздражителей, а представляет собой когнитивный процесс [17, с. 84]. Перцептивность призвана служить «взаимосвязи времени, пространства и точки зрения наблюдателя» [19, с. 279].

Исследование языка дискурса позволяет рассмотреть функционирование категории перцептивности в тесной связи с категорией субъектности. Э. Бенвенист отмечал, что «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть – понятию “Ego” – “мое я”. Язык, по мнению ученого, «возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на я в своей речи» [20, с. 293–294].

Л. В. Лаенко определяет процесс восприятия как процесс порождения и развития перцептивного образа, который является центральным компонентом перцептивного комплекса, основной предпосылкой и результатом активности субъекта восприятия. Перцептивный комплекс, по мнению ученого, представляет собой «интегральное динамическое образование, включающее чувственную данность объекта в единстве с внутренними условиями

ее существования: перцептивной потребностью, оценкой, отношением, установкой и т. д.» [21, с. 73]. Отличительными характеристиками перцептивного образа являются его высокая информативная емкость, многомерность, способность существовать в форме процесса и результата. Помимо сенсорно-перцептивного уровня отражения действительности, перцептивный образ включает в себя и рациональное знание, «с помощью которого субъект освобождается «от пут» наличного бытия, переходит из одной ситуации в другую, в том числе и мысленно конструируемую (вербально-логический уровень)» [22, с. 10]. Разные параметры визуального восприятия, «различные ракурсы, места и модусы восприятия оказываются вовлеченными в совокупность мыслительных образов или структур, имеющих непосредственное отношение к формированию значения» [23, с. 46].

Вместе с тем В. А. Барабанщиков отмечает, что бурное развитие теоретических подходов к психологии восприятия привело к возникновению множества определений перцепции, в основе каждого из которых выделялась та или иная ее особенность, например, процесс восприятия отождествлялся с динамикой решения перцептивной задачи, переработкой информации, действием или развитием перцептивного образа [24]. По мнению ученого, в современных исследованиях восприятия во главу угла следует ставить логику порождения и развития феноменов восприятия необходимо делать акцент на анализе субъекта восприятия, «который выполняет роль стержня и интегратора различных проявлений психики», заострять внимание на «экологичности» объекта восприятия, «т. е. совокупности реальных обстоятельств жизни человека, обуславливающих перцептивный процесс». В связи с этим главным при изучении восприятия становится не рассмотрение отдельных аспектов восприятия и не «восприятие вообще», «а событие, реализующее специфическую связь индивида со средой, человека с миром» [24, с. 59]. Как отмечает ученый, «перцептивное событие имеет собственный онтологический статус, организовано в пространстве и времени, внутренне дифференцировано, включено в цепь других событий и может быть рассмотрено в различных системах координат» [Там же.].

Такой подход к рассмотрению феномена восприятия представляется интересным и продуктивным для современной антропоориентированной лингвистики, в центре внимания которой находится человек воспринимающий, мыслящий и говорящий. «Понятие события позволяет выразить наиболее важные характеристики перцепции – целостность и развитие, вписав ее в естественный поток жизни человека» [22, с. 9].

В. А. Барабанщиков подчеркивает, что событие является главной онтологической характеристикой перцептивного процесса, «которая позволяет установить его основания, состав и структуру, стадии и механизм развития, уровни организации, свойства и детерминанты» [25, с. 117–118]. Значимость понятия о событии, по мнению ученого, заключается в том, что оно в методологическом плане «задает предметное содержание, единицы анализа и технологии исследования восприятия, в теоретическом – предоставляет средства интерпретации и прогноза перцептивных явлений» [25, с. 118].

Концепция В. А. Барабанщикова, на наш взгляд, позволяет наиболее полно рассмотреть специфику восприятия художником окружающего его мира, поскольку учитывает многомерность субъекта восприятия: индивидуальные способности, опыт, склонность к художественному восприятию и творческой переработке перцептивных образов, наблюдательность

и способность фокусировать внимание на определенных свойствах объекта, мотивы, установки, эмоции и многое другое. Для художника процесс направленного восприятия фрагмента окружающего мира можно характеризовать как событие или цепочку событий, которые соотносятся с определенными пространственно-временными координатами, предопределены апперцептивным комплексом (т. е. по В. А. Барабанщикову, совокупностью внутренних условий восприятия, состоянием субъекта восприятия), подчиняются мотивам и интенциям и, что особенно важно для творческого восприятия мира, сопровождаются эмоциями.

В своем исследовании зрительного восприятия на материале русского и английского языков И. Ю. Колесов анализирует схему ментальной репрезентации знания о восприятии, организованную в виде фрейма, который представляет собой двухуровневую структуру: на вышележащем уровне находятся слоты «субъект», «объект» и «событие», на нижележащем уровне расположены слоты, содержащие признаки субъекта, воспринимаемого объекта и самого события восприятия. Слот «субъект», как отмечает ученый, содержит информацию о степени активности наблюдателя, который может выступать как «наблюдатель-деятель», т. е. активный субъект восприятия, и «наблюдатель-экспериментатор», т. е. пассивный свидетель событий. Слот «событие восприятия» включает различные характеристики акта зрительного восприятия, такие, например, как фокус, кратность, эмоциональность и др. Слот «объект восприятия» содержит данные о топологии объекта, такие, например, как длительность, партиитивность, холистичность [26, с. 170–171].

Основываясь на методах лексико-семантического, фреймового, контекстуального и прагмалингвистического анализа, рассмотрим специфику перцептивного события, лежащего в основе познавательной и творческой деятельности художника, а также проанализируем средства его языковой актуализации.

Результаты и обсуждение. В ситуации зрительного восприятия мира художником, в результате которой формируется перцептивный образ, служащий основой для создаваемого мастером художественного образа, слот «субъект восприятия» заполнен наблюдателем-деятелем, эксплицитно представленным на языковом уровне, или так называемым «закадровым» наблюдателем. Во втором случае на языковом уровне представлена денотативная ситуация перцепции, при этом сам субъект восприятия не репрезентирован в поверхностной структуре высказывания. Акт восприятия рассматривается как событие, различные характеристики которого, такие как место, время, повторяемость, длительность, мотивированность, эмоциональная маркированность и др., могут находить или не находить вербальную репрезентацию, в зависимости от намерения говорящего представить на языковом уровне ту или иную конфигурацию знания о конкретной ситуации перцепции и сфокусировать свое внимание на определенных элементах фрейма. В качестве объекта восприятия может выступать фрагмент окружающего мира различной структуры: человек (люди), предмет (группа предметов), природа, произведение искусства, событие, а также воображаемый мир или сам художник как объект саморефлексии.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию зрительной перцепции, когда объектом восприятия для художника выступает природа. Для современного английского художника Дэвида Хокни изображение природы в динамике и многообразии ее проявления имеет особую значимость. Восприятие окружающего мира и природы как его части лежит в основе создания

мастером художественных образов. Процесс восприятия природы для художника – последовательность событий, каждое из которых позволяет запечатлеть в памяти ее уникальное состояние в данный конкретный момент и проанализировать изменения, которые происходят с течением времени. Таким образом, перцептивный образ объективируется на вербальном уровне как процесс и как результат перцептивной деятельности субъекта:

Every time we get the spring I get thrilled like that. Here we've noticed – and it takes you two or three years to notice – there's a moment when spring is full. We call it 'nature's erection'. Every single plant, bud and flower seems to be standing up straight. Then the gravity starts to pull the vegetation down. It was the second year I noticed that; the third, you notice even more. At the height of the summer, the trees become a mass of foliage, and the branches are pulled down by the weight. When it falls off, they'll start going up again. This is the sort of thing you notice if you are looking carefully. The fascination just grew for me here. This was a big theme, and one I could confidently do: the infinite variety of nature [27, p. 32].

В данном фрагменте текста на языковом уровне реализуется конфигурация фрейма, при которой художник, субъект восприятия, представлен эксплицитно как наблюдатель-деятель перцептивными предикатами *notice, look* в контексте их употребления с личными местоимениями первого и второго лица, а также как «закадровый» наблюдатель – в предложении с предикатом *seem* и в предложениях, объективирующих денотативную ситуацию перцептивности с фазовым глаголом *start*, предикатом изменения состояния *become*, в предложении с экзистенциональной конструкцией *there is*. Природа предстает как холистический объект перцепции, как некое неделимое пространство, которое воспринимается наблюдателем целостно (*the vegetation; the trees; a mass of foliage; the branches*). Восприятие природы маркируется в данном фрагменте текста как последовательность событий, которые происходят с определенной регулярностью (*Every time we get the spring*) и очередностью (*the second year I noticed that; the third, you notice even more*) и сопровождаются эмоциями воспринимающего субъекта (*I get thrilled; The fascination just grew for me here*). Таким образом, вербализованными оказываются все значимые составляющие фрейма: субъект восприятия, объект восприятия, перцептивное событие и такие его характеристики, как время, регулярность, повторяемость, динамизм, эмоциональная маркированность.

Важной особенностью творческого восприятия окружающего мира художником является формирование в его сознании необходимости репрезентировать возникающий перцептивный образ посредством живописных знаков, в результате чего данный перцептивный образ получает дальнейшее развитие, становится основой для создания художественного образа, получающего воплощение в живописном произведении. Этот процесс получает вербальную объективацию в искусствоведческом дискурсе, имеющем формат «интервью с художником», когда мастер сам вербализует процесс развития и трансформации перцептивного образа в своем сознании:

J-P was driving, and I'd say 'Stop', and then draw different kinds of grass. I filled the sketchbook in an hour and a half. After that I saw it all more clearly. After I'd drawn the grasses, I started seeing them. Whereas if you'd just photographed them, you wouldn't be looking as intently as you do when you are drawing, so it wouldn't affect you that much [27, p. 32].

Специфика перцептивного процесса маркируется адвербиальными лексемами *clearly*, *intently*, использование которых с глаголами зрительного восприятия позволяет художнику представить на вербальном уровне процесс формирования перцептивного образа как волитивный, требующий усилий и времени. Художник предстает не как субъект, пассивно воспринимающий действительность, а как наблюдатель – деятель, исследователь и в то же время эмоциональный интерпретатор увиденного. Динамика развития перцептивного образа в процессе творческой деятельности объективируется в предложении с предлогом времени (*After that I saw it all more clearly*), а также в сложноподчиненном предложении с придаточным времени (*After I'd drawn the grasses, I started seeing them*). Процесс создания художественного образа на основе перцептивного события актуализируется художником в интервью с искусствоведом:

Drawing makes you see things clearer, and clearer, and clearer still. The image is passing through you in a physiological way, into your brain, into your memory – where it stays – it's transmitted by your hands [27, p. 84–85].

Множественное использование прилагательного *clear* в сравнительной степени для характеристики процесса зрительного восприятия позволяет говорящему трансформировать значение глагола *see* как глагола, маркирующего пассивное созерцание, и наделить его в данном контексте значением активного, фокусного восприятия, динамика и результаты которого фиксируются сознанием, остаются в памяти, трансформируются и получают репрезентацию посредством живописных знаков. Динамика перцептивного образа маркируется глаголом *pass*, функционирующим в форме *Present Continuous* (*image is passing through you*), а также глаголом *transmit*, объективирующим значение передачи информации в процессе создания живописного произведения.

Зрительное восприятие окружающего мира, эмоциональная рефлексия и творческая активность, направленная на создание художественного произведения, определяются мастером как три значимых компонента творческого цикла:

I used watercolour because I wanted a flow from my hand, partly because of what I had learned of the Chinese attitude to painting. They say you need three things for painting: the hand, the eye, and the heart. Two won't do. A good eye and heart is not enough; neither is a good hand and eye. I thought that was very, very good. So I took up watercolour, which I had not used much before [27, p. 62].

Создание художественного образа объективируется художником при помощи существительного *flow*, метафорическое использование которого позволяет репрезентировать творчество как непрерывный процесс, в основе которого находится эмоционально маркированный перцептивный образ. Три важных компонента творчества, восприятие, изображение и эмоции, репрезентированные на языковом уровне существительными *hand*, *eye* и *heart*, функционируют в рамках единого комплекса, обеспечивающего создание произведения искусства.

Таким образом, восприятие природы репрезентируется художником на вербальном уровне как динамичное, направленное, волитивное, эмоционально маркированное событие, в результате которого происходит формирование перцептивного образа, служащего основой для создания художественного произведения. Рассмотрение ситуации зрительной перцепции

как события позволяет сфокусировать внимание на субъекте восприятия, который, являясь активным наблюдателем, руководствуется определенными интенциями, внимательно исследует объект восприятия и испытывает эмоции, в результате чего и формируется перцептивный образ.

В следующем интервью с Дэвидом Хокни обнаруживаются фрагменты, в которых художник репрезентирует перцептивное событие как направленное действие:

*You get a **whole year in Normandy**. We began with **winter trees**. You have to begin with them to see the first buds that come out. **I had made all these pictures, and I saw they got better and better as I went along**, because I got more and more skillful with the iPad. But I wanted it to end on a final snow scene, and there was only one day of snow here, in January. A weather forecast said snow was coming Sunday. I got up early. Light only comes at about quarter to nine anyway, and there was no snow. But it was all gray. I was just thinking of going back to bed when it started coming down, at about 9:15 a.m. So I got out my iPad and I went to that door here and drew. The snow didn't really cover the green – that field in front of the house was still green. It only snowed for about forty-five minutes, and then it stopped. And then, by 12:15, when the sun came out, it had all gone completely. And I realized, if I'd stayed in bed until twelve-o'clock, I'd have missed it [28].*

Перцептивное событие актуализируется в представленном фрагменте как последовательность намеренных действий. Для того чтобы «увидеть», художник прикладывает определенные усилия (*there was only one day of snow here; I got up early*). Использование личных местоимений первого лица вместе с предикатами активного действия (*I had made all these pictures; I went to that door here and drew*) и перцептивными предикатами (*I saw they got better and better*) свидетельствует о том, что субъект восприятия является наблюдателем-деятелем, намеренно планирующим перцептивное событие, а также создающим условия для его актуализации.

Любопытно отметить тот факт, что у художника заранее сформирован образ объекта восприятия (*I wanted it to end on a final snow scene*). Другими словами, субъект восприятия заранее осознает, какое перцептивное событие должно иметь место, чтобы он мог создать необходимый художественный образ. Вместе с тем перцептивное событие соотносится с пространственно-временными координатами, поскольку художник в рассматриваемом текстовом фрагменте отражает реальное время и место события. Репрезентация времени связана с объективацией длительности перцептивного процесса (*for about forty-five minutes*), конкретного времени, когда перцептивное событие происходит (*at about quarter to nine, at about 9:15 a.m., by 12:15*), времени года (*in January, winter trees*), дня (*snow was coming Sunday*) и суток (*I got up early*). Говорящий репрезентирует пространственную характеристику перцептивного процесса, указывая на место, где он пребывал (*in Normandy*), и фактическое местонахождение в момент перцептивного события (*I went to that door here and draw*).

Другой британский художник Люсьен Фрейд также репрезентирует зрительное восприятие как событие, для реализации которого необходимо прикладывать усилия, чтобы быть способным «увидеть», или как навык, которому необходимо учиться. Рассмотрим пример:

*I was **visually aggressive**. I would sit very close and stare. It could be **uncomfortable** for both of us. I was **afraid that I didn't pay very strict attention to every one of the things that attracted my eye** the whole painting would fall apart. I was **learning to see and I didn't want to be lazy about it** [29].*

В приведенном фрагменте субъект восприятия представлен эксплицитно как наблюдатель-деятель личным местоимением *I* и перцептивными предикатами *stare*, *pay attention*, *see*. Зрительное восприятие для художника является навыком, которому необходимо учиться. Из примера видно, что процесс «обучения» занимал большое количество времени, поскольку говорящий использует составное аспектуальное сказуемое (*would sit and stare*), а также грамматическую форму прогрессива (*I was learning to see*). Перцептивный процесс для художника является не только обработкой воспринимаемой информации, в результате которой формируются визуальные образы, но и целенаправленным, сознательным действием, требующим усилий и концентрации для того, чтобы осмыслить объект восприятия целостно, что позволило бы создать художественный образ произведения. Ситуация зрительного восприятия сопровождается эмоциями и репрезентирована в текстовом фрагменте такими эмоционально-маркированными лексическими единицами, как *visually aggressive*, *uncomfortable*, *afraid*, *strict attention*, *be lazy about it*.

Рассмотрим примеры, репрезентирующие процесс зрительного восприятия мира другим современным английским художником – Гленном Брауном, отличительной чертой творчества которого становятся сюжеты, которые он заимствует из работ классических и современных художников, переосмысливая их и наполняя новым содержанием. Таким образом, объектом восприятия являются для Гленна Брауна картины других мастеров:

I hunted through the old favorites such as Auerbach and Baselitz, trying to find an image, and couldn't find anything. Then I looked at Soutine and realized that within this clump of green trees there was the head that I wanted to find [30].

В данном интервью субъект восприятия представлен эксплицитно как наблюдатель-деятель перцептивным предикатом *look*, денотативная ситуация перцептивности репрезентирована экзистенциональной конструкцией с оборотом *there was* (*within this clump of green trees there was the head that I wanted to find*). Перцептивное событие происходит в результате намеренных, волитивных действий субъекта, представленных на языковом уровне глаголом *hunt* (*I hunted through the old favorites*), метафорически передающим в данном контексте сильное желание и целеустремленность наблюдателя, а также волитивным глаголом *want* (*I wanted to find*). На языковом уровне объективируются и интенции субъекта (*trying to find an image*): перцептивное событие совершалось намеренно и было подчинено определенной цели – найти основу для создания художественного образа:

It started out as a group of trees taken from a Soutine painting. I wanted them to be like the myth of the Green Man, the natural spirit of nature, but also with the unpleasant aspect of the darker side of nature. Again it's a pagan myth which would seem to be at odds with 20th-century urban life. But I also live in the countryside so I see nothing wrong with bringing some more country themes into the work. The idea is that this head forms out of the trees, but it has this abstracted Art Brut feel to it [30].

Сложный художественный образ формируется на основе перцептивного события, которое маркируется в данном фрагменте причастием *taken* (*It started out as a group of trees taken from a Soutine painting*). В результате зрительного восприятия картины другого художника, Х. М. Сутина, у Гленна Брауна формируется идея для собственного произведения (*The idea is that this head forms out of the trees*). Идея трансформации перцептивного образа в художественный объективируется во втором предложении данного фрагмента (*I wanted them to be*

like the myth of the Green Man, the natural spirit of nature, but also with the unpleasant aspect of the darker side of nature), когда художник вербализует свои интенции для собеседника.

В своих интервью художник актуализирует значимость перцептивного события:

I will spend ages in front of an original and study the way the brush marks are made. It's always one of the most exciting things when looking at the painting to try and animate the way the artist made them and the way their hand was moving whilst doing it [31].

В данном фрагменте текста актуализируются такие характеристики перцепции, как длительность и интеллектуальная нагруженность. Художник не просто рассматривает картины других мастеров, а внимательно изучает их, что маркируется на вербальном уровне глаголом *study*. Перцептивное событие объективируется также такими глаголами, как *look* и *animate*, использование которых в одном предложении акцентирует совместное протекание процессов зрительной перцепции и воображения.

Перцептивное событие является эмоционально маркированным, что подтверждается использованием лексических единиц с эмотивным значением:

For instance, I like looking at paintings and portraits, because I like traveling the world through art, in many ways. Especially in the way that painting allows you to travel through time. You can go to the sixteenth and seventeenth centuries through paintings, in such a fantastic way. Not just because they're literal renditions of what it was like to live in those centuries, but also how people felt in the sixteenth and seventeenth centuries is different to how they feel now. Their ideas of beauty, their ideas of pain and what death meant to them was incredibly different. People were surrounded by death and therefore I probably find the enjoyment of somebody else's description of something slightly more interesting than actually being there [32].

На формирование художественных образов в процессе перцептивного события может влиять не только намеренное заимствование и осмысление работ классических и современных художников, но и фоновые знания о существующих произведениях искусства в целом, актуализирующиеся в сознании художника в момент восприятия:

What I meant was that my paintings were a way of looking at the world, not through the eyes of a painter, but through the eyes of painting. It was about looking at the world with the knowledge of a lot of painting [33].

В приведенном примере произведения искусства, художественная наполненность которых является результатом зрительной перцепции (*my paintings were a way of looking at the world*), рассматриваются художником как то, что конструирует представления об объекте восприятия – окружающем мире. Данная характеристика маркируется с помощью приема олицетворения: приписывания картине способности видеть «*through the eyes of painting*». Употребление абстрактного существительного *knowledge* позволяет сделать вывод о том, что на перцептивное событие, в процессе которого формируются художественные образы, оказывают влияние предыдущий опыт и знания мастера о работах других художников.

Для современного британского художника Драйдена Гудвина, концентрирующего свое внимание на человеческой фигуре и портрете, перцептивное событие происходит синхронно с созданием художественного образа. Изображая находящегося перед ним человека, Д. Гудвин вовлекает его также в вербальный диалог, что позволяет ему установить более близкий контакт с моделью:

That is something that has re-occurred in my work in different ways, whether it is an encounter with someone, or somewhere. Having drawn from the figure in the life room at art school, I have always been interested in questions around what gives you permission to look at someone in a focused way. When really engaging in the experience, drawing someone can be quite a sensual activity. So the process of making marks in relation to the synchronised action of looking at the subject and the page, allows you to reach through the surface. In some ways you are touching who, what or where you are observing; touching without touching [34].

Перцептивное событие актуализируется как направленная деятельность субъекта восприятия, который эксплицитно представлен в текстовом фрагменте (*I have always been interested in questions around what gives you permission to look at someone in a focused way*). Перцептивное событие маркируется также глаголом *observe*, актуализирующим намеренное, внимательное, фокусное зрительное восприятие. Синхронность перцептивного события и процесса создания художественного образа позволяет художнику взаимодействовать с объектом восприятия и изображения на эмоциональном уровне, что актуализируется использованием для характеристики творческого процесса таких словосочетаний, как *a sensual activity, to reach through the surface, touching without touching*.

So the process can become about the whole experience, the drawing, the looking, but also the sensing. The drawing is the visual record, but the drawing can become the vehicle to allow the encounter to become accentuated, giving you a sense of what is beyond the visual. So for me the entirety of the encounter and the potential of what that can create is really important. Making the drawing is often like a kind of strange attempt to comprehend the encounter; it can be quite euphoric in a way, the sense of something that is very concentrated [34].

Перцептивное событие происходит одновременно с процессом рисования, который в свою очередь влияет на степень чувственного восприятия художником объекта перцепции (*the drawing, the looking, but also the sensing; giving you a sense of what is beyond the visual*).

Иногда процесс творческого восприятия, являясь сложным каналом формирования художественных образов в сознании художника, может не найти адекватного вербального выражения. При этом возникающие художественные образы могут иметь вполне определенное представление:

I don't really know how to articulate what I do. With painting, you're always trying to find a way to describe what you're seeing because you're often looking at the indescribable. You can literally describe what you're looking at, but to actually get at the emotion you feel is very, very difficult [33].

В рассматриваемом фрагменте текста британский художник Питер Дойг, являясь субъектом восприятия, эксплицитно представлен как наблюдатель-деятель с помощью перцептивных предикатов *seeing, looking*. Зрительное восприятие объективируется в предложениях с использованием грамматического времени Present Continuous, и таким образом перцептивный процесс маркируется как длительный. Объект зрительного восприятия описывается художником как нечто необъяснимое (*indescribable*), что требует особого подбора языковых единиц (*how to articulate what I do*) или художественных знаков (*With painting, you're always trying to find a way to describe*). Можно сказать, что языковые средства не могут передать то концептуальное значение, которое формируется в процессе зрительного восприятия художника, и эмоциональное содержание перцептивного события (*get at the emotion you feel is very,*

very difficult) доминирует над языковым (*can literally describe what you're looking at*). Повторение интенсификатора *very* усиливает семантику прилагательного *difficult*, что подчеркивает невозможность вербализовать перцептивный опыт.

Исследование текстов интервью с художником выявило значимость перцептивного процесса в познавательной деятельности творческой личности, позволило определить основные параметры перцептивного события, рассмотреть характеристики субъекта, объекта перцепции, а также проследить вербализованный в дискурсе интервью процесс формирования художественного образа в сознании художника.

Заключение. Проведенный анализ текстов интервью с художниками показывает, что основой художественного образа, создаваемого мастером посредством живописных знаков, является перцептивный образ, формирование которого происходит в результате перцептивного события. Основными характеристиками перцептивного события являются место, время, мотивированность, волевитивность, эмоциональная маркированность, повторяемость, длительность, фокусность и др. Субъект восприятия на языковом уровне преимущественно представлен как активный наблюдатель-деятель, однако встречаются примеры, где субъект является пассивным наблюдателем-экспериментатором. Денотативная ситуация перцепции может быть актуализирована также экзистенциональными конструкциями, предикатами, в состав которых входят инхоативные глаголы или глаголы изменения состояния. Знание о ситуации зрительной перцепции может быть представлено в виде фрейма, основными компонентами которого являются субъект перцепции, объект перцепции и перцептивное событие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
3. Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий. М.: Мысль, 1999.
4. Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984.
5. Леонардо да Винчи. Анатомия, записи и рисунки / пер. с итал. М. В. Кондратьевой, З. Б. Подкопаевой. М.: Наука, 1965.
6. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого. М.: Прогресс, 1977.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В. В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981.
9. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и активности. М.: Медицина, 1966.
10. Восприятие и действие / А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Рузская. М.: Просвещение, 1967.
11. Вартофский М. Модели. Репрезентации и научное понимание / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Б. Новика, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1988.
12. Мацумото Д. Психология и культура / пер. с англ. А. С. Кармина. СПб.: Питер, 2003.
13. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего / пер. с англ. М.: Ин-т психологии РАН, 1997.
14. Bock P. K. Handbook of Psychological Anthropology. Westport, Connecticut-London: Greenwood Press, 1994.
15. Segall M. H., Campbell D. T., Herskowitz M. J. The influence of culture on visual perception. NY: Bobs-Merrill, 1966.

16. Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетейя, 2010.
17. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
18. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004.
19. Бондарко А. В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
20. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. Ю. Н. Карауловой, В. П. Мурата, И. В. Барышевой, И. Н. Мельниковой. М.: Едиториал УРСС, 2002.
21. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2004, № 2. С. 71–77.
22. Лаенко Л. В. Восприятие – сознание – язык: проблема взаимосвязи // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006, № 1. С. 5–15.
23. Верхотурова Т. Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 45–65.
24. Барабанщиков В. А. Субъект и объект восприятия // Эпистемология и философия науки. Т. 7, № 1. 2006. С. 57–72.
25. Барабанщиков В. А. Детерминация перцептивного процесса (к вопросу об объяснении феноменов восприятия) // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 117–127.
26. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ, 2008.
27. Gayford M. *A Bigger Message: Conversations with David Hockney*. London: Thames and Hudson Ltd., 2016.
28. Mouly F. David Hockney Rediscovered Painting // *The New Yorker*. 17.02.2022. URL: <https://www.newyorker.com/culture/the-new-yorker-interview/a-tour-of-david-hockneys-newest-painting-series> (дата обращения: 20.01.2023).
29. Lucian Freud in conversation with Michael Auping // *Bridgeman images*. 18.08.2016. URL: <https://www.bridgemanimages.com/fr/lucian-freud-michael-auping/14943> (дата обращения: 20.01.2023).
30. MacRitchie L. Interview: Glenn Brown // *Art in America*. 18.03.2019. URL: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/interview-glenn-brown-62784/> (дата обращения: 22.02.2023).
31. Goff M. Interview with Glenn Brown // *ASX*. 07.06.2014. URL: <https://americansuburbx.com/2014/06/interview-interview-with-glenn-brown-2012.html> (дата обращения: 22.02.2023).
32. Cué E. Interview with Glenn Brown // *Alejandra de Argos*. 04.05.2016. URL: <https://www.alejandradeargos.com/index.php/en/all-articles/21-guests-with-art/559-interview-with-glenn-brown> (дата обращения: 22.02.2023).
33. *The Eye of the Painting: An Interview with Peter Doig* // *Border Crossings*. Июнь 2006. URL: <https://bordercrossingsmag.com/article/the-eye-of-the-painting-an-interview-with-peter-doig> (дата обращения: 22.02.2023).
34. *Drawing Projects: Dryden Goodwin interview* // *The Telegraph*. 18.08.2011. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/art/art-features/8706552/Drawing-Projects-Dryden-Goodwin-interview.html> (дата обращения: 22.02.2023).

Информация об авторах.

Петухова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук (2007), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика; языковая Репрезентация перцептивного события в интервью с художником

актуализация эстетической оценки; прагмалингвистические и аксиологические аспекты искусствоведческого дискурса.

Чупахина Александра Олеговна – аспирантка (1-й курс) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: прагмакогнитивные и дискурсивные направления в лингвистике.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.03.2023; принята после рецензирования 12.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Leont'ev, D.A. (1999), *Psikhologiya smysla* [Psychology of Meaning], Smysl, Moscow, RUS.
2. Rubinstein, S.L. (1999), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology], Piter, SPb., RUS.
3. Plato (1999), *Philebus. State. Timaeus. Critias*, Mysl', Moscow, RUS.
4. Bychkov, V.V. (1984), *Estetika Avreliya Avgustina* [The Aesthetics of Aurelius Augustinus], Iskusstvo, Moscow, USSR.
5. Leonardo da Vinci (1965), *Anatomiya, zapisi i risunki* [Anatomy, notes and drawings], Transl. by Kondrat'eva, M.V. and Podkopaeva, Z.B., Nauka, Moscow, USSR.
6. Bruner, Je. (1977), *Beyond the information given*, Transl. by Babitskii, K.I., Progress, Moscow, USSR.
7. Lakoff, G. (2004), *Women, Fire, and Dangerous Things What Categories Reveal about the Mind*, Transl. by Shatunovskii, I.B., Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
8. Neisser, U. (1981), *Cognition and Reality*, Transl. by Luchkov, V.V., Progress, Moscow, USSR.
9. Bernstein, N.A. (1966), *Ocherki po fiziologii dvizhenii i aktivnosti* [Essays on the physiology of movements and activity], Meditsina, Moscow, USSR.
10. Zaporozhets, A.V., Venger, L.A., Zinchenko, V.P. and Ruzskaya, A.G. (1967), *Vospriyatie i deistvie* [Perception and Action], Prosveshcheniye, Moscow, USSR.
11. Wartofsky, M. (1988), *Models. Representations and Scientific Understanding*, Transl., in Novik, B. and Sadovskii, V.N. (eds.), Progress, Moscow, USSR.
12. Matsumoto, D. (2003), *Culture and Psychology*, Transl. by Karmin, A.S., Piter, SPb., RUS.
13. Cole, M. (1997), *Cultural psychology: A once and future discipline*, In-t psikhologii RAN, Moscow, RUS.
14. Bock, P.K. (1994), *Handbook of Psychological Anthropology*, Greenwood Press, Westport, Connecticut-London, USA.
15. Segall, M.H., Campbell, D.T. and Herskowitz, M.J. (1966), *The influence of culture on visual perception*, Bobs-Merrill, NY, USA.
16. Rezhabek, E.Ya. and Filatova, A.A. (2010), *Kognitivnaya kul'turologiya* [Cognitive culturology], Aleteiya, SPb., RUS.
17. Kubryakova, E.S. (2004), *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira*. [Language and knowledge. On the way of obtaining knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
18. Kravchenko, A.V. (2004), *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii* [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization], Izd-vo Irkut. gos. un-ta, Irkutsk, RUS.
19. Bondarko, A.V. (2004), "To the Question of Perceptionality", *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura: sb. st. v chest' N. D. Arutyunovoi* [The hidden meanings: the Word. Text. Culture: Collected articles in honor of N.D. Arutyunova], Yu. D. Apresyan (ed.), Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS, pp. 276–282.

20. Benveniste, E. (2002), *Problemes de linguistique generale*, Transl. by Karaulova, Yu.N., Murat, V.P., Barysheva, I.V. and Mel'nikova, I.N., Editorial URSS, Moscow, RUS.
21. Laenko, L.V. (2004), "Perceptive indication as a nomination object", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser.: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 71–77.
22. Laenko, L.V. (2006), "Perception – consciousness – language: the problem of interrelation", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser.: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 5–15.
23. Verkhoturova, T.L. (2006), "Metacategory "observer" in scientific picture of the world", *Studia Linguistica Cognitiva. Iss. 1. Language and cognition: Methodological problems and perspectives*, Gnozis, Moscow, RUS, pp. 45–65.
24. Barabanshchikov, V.A. (2006), "Subject and object of perception", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 7, no. 1, pp. 57–72.
25. Barabanshchikov, V.A. (2008), "Determination of the perceptual process (to the question of explaining the phenomena of perception)", *Methodology and history of psychology*, vol. 3, iss. 1, pp. 117–127.
26. Kolesov, I.Yu. (2008), *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoi reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* [Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (on the material of English and Russian)], BGPU, Barnaul, RUS.
27. Gayford, M. (2016), *A Bigger Message: Conversations with David Hockney*, Thames and Hudson Ltd., London, UK.
28. Mouly, F. (2022), "David Hockney Rediscovered Painting", *The New Yorker*, 17.02.2022, available at: <https://www.newyorker.com/culture/the-new-yorker-interview/a-tour-of-david-hockneys-newest-painting-series> (accessed 20.01.2023).
29. "Lucian Freud in conversation with Michael Auping" (2016), *Bridgeman images*, 18.08.2016, available at: <https://www.bridgemanimages.com/fr/lucian-freud-michael-auping/14943> (accessed 20.01.2023).
30. MacRitchie, L. (2019), "Interview: Glenn Brown", *Art in America*, 18.03.2019, available at: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/interview-glenn-brown-62784/> (accessed 22.02.2023).
31. Goff, M. (2014), "Interview with Glenn Brown", *ASX*, 07.06.2014, available at: <https://americansuburbx.com/2014/06/interview-interview-with-glenn-brown-2012.html> (accessed 22.02.2023).
32. Cué, E. (2016), "Interview with Glenn Brown", *Alejandra de Argos*, 04.05.2016, available at: <https://www.alejandradeargos.com/index.php/en/all-articles/21-guests-with-art/559-interview-with-glenn-brown> (accessed 22.02.2023).
33. "The Eye of the Painting: An Interview with Peter Doig" (2006), *Border Crossings*, June 2006, available at: <https://bordercrossingsmag.com/article/the-eye-of-the-painting-an-interview-with-peter-doig> (accessed 22.02.2023).
34. "Drawing Projects: Dryden Goodwin interview", *The Telegraph*, 18.08.2011, available at: <https://www.telegraph.co.uk/culture/art/art-features/8706552/Drawing-Projects-Dryden-Goodwin-interview.html> (accessed 22.02.2023).

Information about the authors.

Tatiana I. Petukhova – Can. Sci. (Philology, 2007), Associate Professor at the Department of the English Language and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 50 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics; linguistic representation of aesthetic evaluation; linguistic, pragmatic and linguocultural aspects of art history discourse.

Alexandra O. Chupakhina – Postgraduate (1st year) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: pragma-cognitive and discursive directions in linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.03.2023; adopted after review 12.04.2023; published online 21.09.2023.

Оригинальная статья
УДК 81` 272
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-176-186>

Положение немецкого языка в современной Германии: краткая характеристика языковой политики в ФРГ

Евгения Сергеевна Алексеенко

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
alekseenko.eugenia@gmail.com*

Введение. Статья посвящена языковой политике, реализуемой в Германии в настоящее время. Анализ интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на шаги, предпринимаемые государством в отношении языков, распространенных на территории страны, позволяет, в частности, охарактеризовать положение и статус языка титульной нации в ФРГ. Рассмотрение сложившейся ситуации позволяет сделать вывод об эффективности реализуемой языковой политики, предположить дальнейшие варианты и пути развития немецкого языка, а также понять глубинные причины эволюции языка и его нынешнего состояния.

Методология и источники. В основу статьи легли результаты анализа современных исследований роли, статуса и специфики немецкого языка таких лингвистов и филологов, как Ю. В. Кобенко, С. А. Жилук, В. И. Кожевникова, А. Киркнесс, В. Гендельмейер, а также основные законодательные акты и законы, регламентирующие языковую политику в ФРГ. Для более полной характеристики изучаемого явления были рассмотрены классические работы Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки, А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского, посвященные языковой политике.

Результаты и обсуждение. Языковая политика представляет собой мощный инструмент управления обществом. В силу специфики формирования единого немецкого государства говорить о планомерно реализуемой языковой политике можно лишь с конца XIX в. – момента образования Германской империи. Современное положение немецкого языка в Германии определяется множеством экстралингвистических факторов как в диахроническом (в первую очередь – ролью и положением Третьего рейха в мировой истории), так и в синхроническом плане (тенденция к интенсивному культурному диалогу, открытости границ, первоочередной поддержке прав языковых меньшинств).

Заключение. В настоящий момент немецкий язык находится под воздействием культивируемых в Европе ценностей мультикультурализма и плюрализма и активно продолжающегося процесса глобализации. Признавая значимость немецкого языка для формирования немецкой культурной идентичности, правительство ФРГ вынуждено сосредотачивать свое внимание прежде всего на поддержке других языков и диалектов, распространенных на территории страны. Открытым остается вопрос о поддержке и закреплении немецкого языка в качестве государственного на законодательном уровне.

Ключевые слова: языковая политика, немецкий язык, современная Германия

© Алексеенко Е. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Алексеенко Е. С. Положение немецкого языка в современной Германии: краткая характеристика языковой политики в ФРГ // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 176–186. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-176-186.

Original paper

The Status of the German Language in Modern Germany: a Brief Description of the Language Policy in the Federal Republic of Germany

Evgeniia S. Alekseenko

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
alekseenko.eugenia@gmail.com*

Introduction. This article is devoted to the modern language policy in Germany. An analysis of intra- and extra-linguistic factors that influence the steps taken by the state in relation to the languages spoken on the territory of the country makes it possible to characterize the position and status of the language of the titular nation in Germany. Consideration of the current situation can help to draw a conclusion about the effectiveness of the implemented language policy, suggest further ways of the development of the German language, and also understand the underlying causes of the evolution of the language and its current state.

Methodology and sources. The article is based on the results of the analysis of modern studies of the role, status and specifics of the German language by such linguists and philologists as Yu.V. Kobenko, S.A. Zhilyuk, V.I. Kozhevnikova, A. Kirkness, W. Hendelmeier, as well as the analysis of the main laws and legal acts in Germany regulating its language policy. For a more complete description of the studied phenomenon, the classic works of N.B. Vakhtin, E.V. Golovko, A.D. Schweitzer, L.B. Nikolskiy devoted to language policy, were considered.

Results and discussion. Language policy is a powerful tool of social control. Due to the specifics of the formation of a unified German state, it is possible to talk about a systematically implemented language policy only from the end of the 19th century - the moment the German Empire was founded. The current position of the German language in Germany is determined by many extralinguistic factors, both diachronically (primarily by the role and position of the Third Reich in world history) and synchronically (the trend towards intensive cultural dialogue, openness of borders, priority support for the rights of linguistic minorities).

Conclusion. At the moment, the German language is affected by the values of multiculturalism and pluralism cultivated in Europe and the actively ongoing process of globalization. Recognizing the importance of the German language in the process of the formation of German cultural identity, the German government is forced to focus primarily on supporting other languages and dialects common in the country. The question of supporting and securing the German language as a state language at the legislative level is still to be discussed.

Keywords: language policy, German language, modern Germany

For citation: Alekseenko, E.S. (2023), "The Status of the German Language in Modern Germany: a Brief Description of the Language Policy in the Federal Republic of Germany", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 176–186. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-176-186 (Russia).

I don't sing my mother's tongue.
Rammstein «Amerika»

Введение. На достаточно раннем этапе своего развития человечество осознало, что язык, являясь основным средством передачи и сохранения информации, представляет собой мощный инструмент познания и преобразования окружающей нас действительности. Возможность контролировать то, кто, как и когда может использовать тот или иной язык, предоставляет значительную степень контроля над обществом в целом или над определенной группой населения. Язык – это не просто средство коммуникации, это важная часть идентичности человека. Даже если не обращаться к гипотезе лингвистической относительности («формы человеческого мышления, а следовательно – и формы человеческого поведения складываются под влиянием родного языка» [1, с. 24]), тот факт, что мы мыслим себя среди прочего как членов определенного языкового сообщества, неоспорим. Интересно, человек может утверждать, что не принадлежит ни к одной культуре мира, но самоидентификация через какой бы то ни было язык, возможно не один (как в случае билингвов), неизбежна. Более того, иногда использование государственного языка может восприниматься как доказательство связи человека с определенным государством, как демонстрация определенной позиции и/или мировоззрения. Нельзя забывать, что помимо чисто символической роли язык имеет и прагматическую функцию: то, на каком языке говорит человек, может напрямую влиять на его доступ к образованию, возможность получить работу или медицинскую помощь, на вовлеченность его в жизнь общества. Все это приводит к политизации языкового вопроса [2].

Методология и источники. Для анализа положения немецкого языка и характеристики языковой политики в современной Германии были изучены результаты исследований последних десятилетий по вопросам статуса данного языка, а также основные законодательные документы, определяющие положение немецкого, рассмотрены статьи немецких публицистов, освещающих языковые вопросы. Теоретической базой работы послужили классические исследования явления языковой политики. Таким образом, основным методом исследования послужил описательный метод.

Результаты и обсуждение. Термин «языковая политика» используется для обозначения сознательных усилий государства или любого органа, обладающего необходимыми полномочиями, по воздействию на язык, в частности, мер, связанных с сохранением и изменением существующего состояния языка, а также влиянием на функциональную сторону языка и опосредованно – на структуру языка [3]. Важно подчеркнуть, что языковая политика – это всегда часть политики государственной, так как характер мер по сохранению или изменению особенностей функционирования языка и его статуса определяются особенностями текущего политического устройства [4, с. 221].

Советский и российский лингвист А. Д. Швейцер выделил несколько основных характеристик языковой политики. Каждый из описываемых параметров связан с существующими в обществе политическими установками и экстралингвистическими факторами (такими, как, например, интересы этнических объединений или цели государства в области культуры), и в зависимости от них языковая политика может быть определена как:

- 1) ретроспективная или перспективная;

- 2) конструктивная или деструктивная;
- 3) централизованная или нецентрализованная.

Ретроспективная языковая политика нацелена на сохранение существующей языковой ситуации и поддержание сложившихся языковых норм, вопреки тенденции к изменению и эволюции, и чаще всего мотивирована стремлением к преемственности или желанием возродить национальный язык. Если же языковая политика ориентирована на адаптацию происходящих изменений и языковые реформы, а также отмену прежних норм, она считается перспективной.

Параметр конструктивности/деструктивности описывает перспективную языковую политику. Конструктивная языковая политика связана с мерами по расширению функций языка/языков и сфер их употребления, повышение социально-коммуникативной роли языков, она стимулирует и поощряет создание и развитие литературных языков. Соответственно, деструктивная языковая политика характеризуется противоположными устремлениями – тенденцией к употреблению и развитию лишь одного языка, вплоть до запрета использования других языков.

Если языковая политика воплощается в жизнь государством и подразумевает меры, обязательные для всей территории, то она считается централизованной. Мероприятия, иницилируемые местными органами власти, общественными организациями и научными сообществами, относятся к нецентрализованной языковой политике [5, с. 125–127].

На протяжении достаточно долгого периода на территории современной Германии существовало множество разрозненных княжеств, поэтому говорить о единой, сознательно и последовательно реализуемой языковой политике того времени едва ли возможно. Исследователи отмечают следующие особенности, характерные для развития немецкого языка на всей территории его употребления на этом этапе: активное использование диалектов, толерантность к заимствованиям и, как ответная реакция на них, достаточно активная деятельность пуристов, сознательные усилия по нормализации языка, но в письменном его варианте, с сохранением различий в устной речи носителей [6–8]. Говорить о языковой политике в Германии как о совокупности осознанных мер по воздействию на язык можно, начиная с конца XIX в., а именно – с момента образования Германской империи в 1871 г. В этот период происходит кодификация немецкого языка, в частности, его орфографии. Закрепление единых норм не только для письменной, но и устной речи связано с публикацией работы «Deutsche Bühnenaussprache» в 1901 г. [6]. Языковая политика второй половины XX в. может быть охарактеризована как централизованная и деструктивная: в этот период диалекты и языки меньшинств оказываются фактически под запретом, руководство страны придерживается курса на ассимиляцию и денационализацию, активно идет германизация всего населения страны, насаждаются идеи, в основе которых лежит языковая ксенофобия [9].

Курс на конструктивную языковую политику частично начинает реализовываться после окончания Второй мировой войны. Эта тенденция ни в коем роде не связана с либеральным настроением руководства, а вызвана стремлением стран-победителей ослабить националистические настроения среди немцев и не позволить немецкому языку вновь стать сплывающей основой для населения страны. Именно в это время и начинается процесс активного заимствования слов из английского языка, особенно американского его варианта,

и включения в немецкую речь все большего числа интернационализмов [10]. Активное влияние и даже вмешательство английского языка в немецкий продолжается до сих пор, поэтому один из вопросов, решаемых в рамках языковой политики современной Германии, связан с параметром перспективности и поиском наиболее адекватного ответа на экспансию английского языка. Реакция правительства на внешнее воздействие на немецкий язык представляется тем более важной, что немецкий не является государственным языком ФРГ. На законодательном уровне он закреплен как официальный язык, в частности, как язык дело- и судопроизводства [11–14].

Исторически неоднозначное положение немецкого языка на мировой арене и, как следствие, в самой Германии, как уже упоминалось, вызвано в первую очередь политическими причинами: события 1933–1945 гг. и роль Германии как побежденной страны. Так, например, немецкий не был включен в число официальных языков ООН [15].

Следует отметить, что современная языковая политика в Германии находится под влиянием двух основных поддерживающих друг друга тенденций: стремлением избежать обвинений в возврате к национал-социалистическому прошлому – с одной стороны, и желанием придерживаться конструктивного курса и позиций открытости другим культурам – с другой [16]. Эти факторы могут служить причиной как внутренних изменений, происходящих в немецком языке, так и утраты языком своих позиций в качестве языка популярного, престижного и играющего важную роль в обществе. Еще в конце 1990-х гг. немецкий журналист и писатель Дитер Циммер писал о том, что «немецкий литературный язык не ассоциируется даже в сознании самих немцев с социальным престижем. <...> Языковая политика, отправляемая Ведомством иностранных дел, не дает повода надеяться на то, что статус немецкого языка в ФРГ будет, по крайней мере, эквивалентен статусу английского языка» [цит. по: 4, с. 225]. В настоящий момент английский язык занимает прочные позиции языка-посредника, который к тому же обладает высоким престижем, являясь так называемым языком вертикали, способным обеспечить карьерный рост, в то время как немецкий язык оказывается вытеснен из научного, политического, экономического, технического и даже философского дискурсов [4, с. 8]. Предложения сделать немецкий язык обязательным для использования в рекламе сталкиваются с доводами о том, что подобный закон напрямую ограничит свободу. В этой связи некоторые исследователи даже высказывают опасение о том, что языковая политика в современной Германии связана с тенденцией к дискриминации языка титульной нации [16].

Яркой демонстрацией большего престижа английского языка и утраты немецким языком своих позиций является ситуация, сложившаяся в системе высшего образования. Политическое превосходство английского напрямую повлияло на образовательные стандарты: многие лекции по естественно-научным и социально-гуманитарным дисциплинам в вузах читают на английском языке. Значительная часть учебных заведений экономического профиля перешла на преподавание исключительно на английском языке [4, с. 225–226]. В 2007 г. обучение по 250 направлениям магистратуры (из 1976 существовавших на тот момент) шло только на английском языке [17].

Еще более остро стоит вопрос о роли немецкого в науке, и речь вновь идет не о национальной гордости или самоидентификации: языковая политика находится под мощным

влиянием политики государственной, в частности, стремление руководства страны продемонстрировать открытость границ и желание взаимодействовать с другими культурами [17]. Английский язык на протяжении десятилетий является языком науки, само собой разумеется, что выдающиеся ученые владеют английским: это язык, который позволяет получать новейшие данные в самых разнообразных областях науки, и это тот язык, на котором нужно говорить, если хочешь быть услышанным в мировом научном сообществе. Для того чтобы быть в курсе последних достижений науки и при этом иметь возможность способствовать ее развитию и вносить значительный вклад, не замыкаясь в рамках собственного языкового сообщества, ученые вынуждены писать и публиковать свои работы на английском языке. Все научные конференции в ФРГ, даже те, что посвящены вопросам германистики, проводятся на английском языке. Немецкий может быть заявлен как один из рабочих языков, но всегда после английского, несмотря на то что тот может не быть родным языком ни для кого из участников, большинство из которых составляют немцы [4, с. 226].

Влияние современного политического курса на языковую политику прослеживается и в области политической корректности. Воспринятое из другой культуры явление обогатило немецкий язык значительным числом эвфемизмов и политкорректных лексических единиц, преимущественно заимствованных [16].

Такое положение языка титульной нации является следствием реализуемой языковой политики. Во многом это вызвано отождествлением политики языковой и государственной, основополагающим вектором которых является демократизация, в частности языковая. Языковая демократия подразумевает приоритет личностных интересов перед интересами общественными, как следствие, любой член языкового сообщества имеет возможность участвовать в процессе кодификации языка – закреплении новых норм и изменений сложившихся норм. Исследователи также отмечают так называемый дефицит лояльности к родному языку: как носители, так и люди, ответственные за кодификацию языка, демонстрируют некоторое пренебрежение по отношению к родной речи, что выражается в отсутствии должного внимания к процессам развития языка, а также в децентрализованном характере языковой политики и спорадичном языковом планировании. Характерно, что среди занимающихся вопросами языковой политики общественных организаций отсутствует единообразие в плане реализуемых ими мер. Здесь можно наблюдать действия в спектре от практически полной лояльности по отношению к агрессивному воздействию английского языка (редакция словаря DUDEN) до пуристических настроений (Союз немецкого языка). Естественной общественной реакцией на обилие иноязычных элементов в языке является активизация пуристов – сторонников «борьбы против введения в употребление заимствованных и международных слов» [18, с. 364]. Сегодня на территории Германии функционируют 27 объединений сторонников пуризма. Председатель самого крупного из них – Союза немецкого языка («Verein Deutsche Sprache»), В. Крэмер, ввел обозначение для немецкого, пестрящего англоязычными элементами – BSE («bad simple English»). Такая аббревиатура была выбрана не случайно: она также используется для обозначения коровьего бешенства, тем самым Крэмер подчеркивает нездоровое, по его мнению, состояние языка [4, с. 224–230].

Говоря о языковой политике в Германии и положении немецкого языка, необходимо дать краткую характеристику и сложившейся языковой ситуации, поскольку речь идет не только о взаимодействии английского и немецкого языков. Помимо литературного немецкого (Hochdeutsch), на территории ФРГ сосуществуют двадцать его диалектов: Alemanisch, Allgäuerisch, Bairisch, Berlinerisch, Fränkisch, Hamburgerisch, Hessisch, Kölsch, Mecklenburgisch, Moselfränkisch, Niederreinisch, Ostfriesisch, Pfälzisch, Ruhrpottdeutsch, Saarländisch, Sächsisch, Saterfriesisch, Schwäbisch, Thüringisch, Westfällisch. Также в Германии в рамках вступившей в силу в 1999 г. Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств признаны и подлежат поддержке шесть следующих языков: датский, вендский (нижнелужицкий), сорбский (верхнелужицкий), севернофризский, восточнофризский (затерландский), цыганский. Помимо этого, под защитой государства находится имеющий статус регионального нижненемецкий язык [19]. И если, говоря о судьбе и положении немецкого языка, ряд исследователей отмечает, скорее, нецентрализованный характер реализуемой языковой политики, то диалекты, региональные языки и языки меньшинств получают централизованную поддержку руководства страны, в том числе и финансовую, а их сохранность обеспечивается усилиями образовательных учреждений и средств массовой информации (как печатных, так и электронных) [16]. Вопросы языковой политики в отношении миноритарных языков решаются и на региональном уровне. Например, в Бремене функционирует Институт нижненемецкого языка, цель которого – сохранение и поддержка соответствующих языка и культуры, а законодательство Саксонии и Бранденбурга гарантирует право изучения лужицкого языка в школе всем ученикам, проживающим в серболужицких поселениях [19].

Разумеется, нельзя говорить о том, что, в отличие от языков меньшинств и региональных языков, немецкий не получает никакой поддержки со стороны государства. Хотя Конституция ФРГ постулирует равенство всех граждан, независимо от того, на каком языке они говорят, а статус немецкого языка как государственного в ней не закреплён, Закон о проживании обязует иммигрантов, которые хотят получить вид на жительство, владеть немецким языком на уровне не ниже А2 (в соответствии с Общеввропейской шкалой языковых компетенций), тем самым способствуя сохранению и поддержке литературного немецкого языка [20]. Внимание вопросам языковой политики в отношении немецкого языка уделяют и на региональном уровне. Так, например, в Баварии в 2014 г. было подписано уведомление Баварского государственного министерства образования и культуры, науки и искусств, признающее сохранение и поддержку немецкого языка центральной задачей всех образовательных учреждений. В 2006 г. в ФРГ был разработан проект закона, предоставляющий немецкому статус государственного языка, но на настоящий момент предлагаемые поправки в Конституцию не были внесены [19].

Еще один экстралингвистический фактор, напрямую диктующий вектор развития языковой политики и определяющий положение немецкого языка в Германии, – это ее современная роль на мировой арене. ФРГ – это центральное европейское государство, которое должно поддерживать ценности, провозглашаемые объединенной Европой. Современная Европа – это Европа мультикультурная, проповедующая плюрализм на самых разных уровнях, призывающая к открытости другим культурам, выражающая готовность к меж-

культурному диалогу. Все возрастающий поток мигрантов, которым открыли двери многие европейские страны, не мог не вызвать вопросов о состоянии их родных языков и о языках принимающих государств. Попыткой урегулировать положение мигрантов в стране и, как следствие, роль и положение немецкого языка, стала языковая политика, получившая название «ведущая культура» (*Leitkultur*). Среди прочего она включает в себя такие требования, как владение немецким языком и уважение к ценностям коренного населения [21]. Концепция «ведущей культуры» получила достаточно широкий резонанс не только в самой Германии, но и в мире, в первую очередь в Турции, поскольку турки представляют самую многочисленную группу мигрантов в Германии (около 2,75 млн чел. на 2020 г.) [22]. На протяжении нескольких лет можно было наблюдать эскалацию этого «миграционного конфликта», в котором президент Турции Р. Эрдоган обещал туркам открытие в Германии школ с преподаванием на немецком, называл ведущие политические партии ФРГ врагами Турции, призывая бывших сограждан воздержаться от голосования за них. Ответная реакция Германии в лице А. Меркель была неизменно сдержанной и непреклонной: канцлер не единожды подчеркивала, что население Германии с турецкими корнями имеет полное право и возможность самостоятельно решать свою судьбу [21]. Важным представляется тот факт, что в этом случае полемика ведется не только в языковой плоскости, поскольку немецкий и турецкий языки по сути своей являются воплощением двух принципиально разных мировоззрений, олицетворяя христианский европейский и мусульманский восточный миры. В настоящий момент правительство Германии продолжает реализовывать усилия по интеграции мигрантов в культурный контекст, в том числе за счет требований к определенному уровню владения языком титульной нации, о чем уже было сказано выше. Однако некоторые исследователи все же высказывают опасения по поводу влияния турков на языковую ситуацию и политику в Германии, выдвигая предположения о том, что турецкие мигранты могут в конечном счете добиться повышения статуса турецкого языка до языка делопроизводства или даже государственного [16].

Заключение. Сегодня основными факторами, определяющими положение немецкого языка в Германии, являются достаточно агрессивное воздействие английского языка как на культурном (английский воспринимается как более престижный), так и, как следствие, на языковом уровне (процесс англизации немецкого языка – с одной стороны, и менее критичное отношение к нарушениям нормы в силу утраты языком своего статуса – с другой). Определенные сложности наблюдаются и на законодательном уровне, так как положение немецкого языка является весьма слабо регламентированным. Наконец, современные европейские политические и культурные тенденции также отчасти негативно влияют на позиции языка титульной нации в ФРГ, поскольку мультикультурализм вынуждает правительство принимать шаги, которые впоследствии могут привести к ослаблению роли немецкого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
2. Миятович Д. Языковая политика должна учитывать разнообразие, защищать права меньшинств и снижать напряженность в обществе // Council of Europe Portal. 29.10.2019. URL:

<https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accomodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions#> (дата обращения: 25.01.2023).

3. Гулинов Д. Ю. Языковая политика: определение и характеристики // Изв. ВГПУ. 2011. Т. 59, № 5. С. 7–11.

4. Кобенко Ю. В. Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции. Томск: Изд-во ТПУ, 2014.

5. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высш. шк., 1978.

6. Жилюк С. А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. ... канд. филол. наук // СПбГУ. СПб, 2015.

7. Kirkness A. Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen. Sprachgeschichte. // Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Bd. 1. Berlin: de Gruyter, 1998. S. 407–416.

8. Колотилова Н. С. Курс лекций по истории немецкого языка. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007.

9. Костева В. М. Языковой империализм тоталитарных государств XX века // Молодой ученый. 2010. Т. 2, № 1-2 (13). С. 79–82.

10. Hendelmeier W. Sprachpflege einst und heute // Weltnetzseiten von Wolfgang Hendlmeier. URL: http://www.variatio-delectat.com/9Sprachpflege_einst_und%20_heute.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

11. Zehntes Buch Sozialgesetzbuch - Sozialverwaltungsverfahren und Sozialdatenschutz. § 19 Amtssprache // Bundesministerium der Justiz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/beurkg/_5.html (дата обращения: 26.01.2023).

12. Beurkundungsgesetz. § 5 Urkundensprache // Bundesministerium der Justiz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/sgb_10/_19.html (дата обращения: 26.01.2023).

13. Gerichtsverfassungsgesetz. § 184 // Bundesministerium der Justiz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_184.html (дата обращения: 26.01.2023).

14. Verwaltungsverfahrensgesetz. § 23 Amtssprache // Bundesministerium der Justiz. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/_23.html (дата обращения: 26.01.2023).

15. Официальные языки ООН // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/our-work/official-languages> (дата обращения: 26.01.2023).

16. Жилюк С. А. Положение немецкого языка и языковая ситуация в Германии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 302–306.

17. Klein S. Dümmer auf Englisch // Frankfurter Allgemeine. 06.07.2007. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/wissenschaftssprache-duemmer-auf-englisch-1461421.html> (дата обращения: 26.01.2023).

18. Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

19. Кожевникова Е. И. О некоторых тенденциях языковой политики в Федеративной Республике Германии // Юрислингвистика. 2021. № 19 (30). С. 15–19. DOI: 10.14258/leglin(2021)1902.

20. Gesetz über den Aufenthalt die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet. § 25b Aufenthaltsgewährung bei nachhaltiger Integration // Bundesministerium der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_25b.html (дата обращения: 27.01.2023).

21. Быкова Г. И., Петрова Е. Э, Никулина Е. Ф. Языковая ситуация в Германии. Опыт социокультурного анализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 106–112.

22. Bevölkerung // Mediendienst Integration. URL: <https://mediendienst-integration.de/migration/bevoelkerung.html> (дата обращения: 20.03.2023).

Информация об авторе.

Алексеев *Евгения Сергеевна* – старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 16 научных публикаций. Сфера научных интересов: социолингвистика, контактная лингвистика, методика преподавания иностранных языков.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.03.2023; принята после рецензирования 24.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.

REFERENCES

1. Vakhtin, N.B. and Golovko, E.V. (2004), *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and language sociology], Gumanitarnaya Akademiya, SPb., RUS.
2. Miyatovich, D. (2019), "Language policy should consider diversity, protect minorities' rights and reduce tension in the society", *Council of Europe Portal*, 29.10.2019, available at: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accomodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions#> (accessed 25.01.2023).
3. Gulinov, D.Yu. (2011), "Language policy: definition and characteristics", *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, vol. 59, no. 5, pp. 7–11.
4. Kobenko, Yu.V. (2014), *Yazykovaya situatsiya v FRG: amerikanizatsiya i ekzoglossnye tendentsii*, [Linguistic situation in the Federal Republic of Germany: Americanization and exogloss tendencies], Izd-vo TPU, Tomsk, RUS.
5. Schweitser, A.D. and Nikol'skii, L.B. (1978), *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Introduction to Sociolinguistics], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
6. Zhilyuk, S.A. (2015), "Using loanwords in the German word building", *Can. Sci. (Philology) Thesis*, SPbSU, SPb., RUS.
7. Kirkness, A. (1998), "Das Phänomen des Purismus in der Geschichte des Deutschen Sprachgeschichte", *Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 1, S. 407–416, de Gruyter, Berlin, DEU.
8. Kolotilova, N.S. (2007), *Kurs lektsii po istorii nemetskogo yazyka* [Course of lectures on the history of the German language], Ryaz. gos. un-t im. S.A. Esenina, Ryazan, RUS.
9. Kosteva, V.M. (2010), "Language imperialism in totalitarian states of the 20th century", *Young Scientist*, vol. 2, no. 1–2 (13), pp. 79–82.
10. "Hendelmeier W. Sprachpflege einst und heute", *Weltnetzseiten von Wolfgang Hendlmeier*, available at: http://www.variatio-delectat.com/9Sprachpflege_einst_und%20_heute.pdf (accessed 25.01.2023).
11. "Zehntes Buch Sozialgesetzbuch – Sozialverwaltungsverfahren und Sozialdatenschutz. § 19 Amtssprache", *Bundesministerium der Justiz*, available at: http://www.gesetze-im-internet.de/beurkg/_5.html (accessed 26.01.2023).
12. "Beurkundungsgesetz. § 5 Urkundensprache", *Bundesministerium der Justiz*, available at: http://www.gesetze-im-internet.de/sgb_10/_19.html (accessed 26.01.2023).
13. "Gerichtsverfassungsgesetz. § 184", *Bundesministerium der Justiz*, available at: http://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_184.html (accessed 26.01.2023).
14. "Verwaltungsverfahrensgesetz. § 23 Amtssprache", *Bundesministerium der Justiz*, available at: http://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/_23.html (accessed 26.01.2023).
15. "Official languages of the United Nations", *United Nations*, available at: <https://www.un.org/ru/our-work/official-languages> (accessed 26.01.2023).
16. Zhilyuk, S.A. (2014), "The status of the German language and linguistic situation in Germany", *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 7, pp. 302–306.
17. Klein, S. (2007), "Dümmer auf Englisch", *Frankfurter Allgemeine*, 06.07.2007, available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/wissenschaftssprache-duemmer-auf-englisch-1461421.html> (accessed 26.01.2023).

18. Akhmanova, O.A. (1966), *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic Terms Dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.

19. Koshevnikova, E.I. (2021), "On Some Trends in the Language Policy in Federal Republic of Germany", *Legal Linguistics*, no. 19 (30), pp. 15–19. DOI: 10.14258/leglin(2021)1902.

20. "Gesetz über den Aufenthalt die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet. § 25b Aufenthaltsgewährung bei nachhaltiger Integration", *Bundesministerium der Justiz*, available at: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_25b.html (accessed 27.01.2023).

21. Bykova, G.I., Petrova, E.E. and Nikulina, E.F. (2019), "Language situation in Germany. The experience of socio-cultural analysis", *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*, no. 1, pp. 106–112.

22. "Bevölkerung", *Mediendienst Integration*, available at: <https://mediendienst-integration.de/migration/bevoelkerung.html> (accessed 20.03.2023).

Information about the author.

Evgeniia S. Alekseenko – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 16 scientific publications. Area of expertise: sociolinguistics, language contacts, foreign language teaching methodology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.03.2023; adopted after review 24.04.2023; published online 21.09.2023.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

- электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

- каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

- сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:

- УДК (выравнивание по левому краю);

- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *И. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *I. A. Orlova*

Подписано в печать 20.09.23. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,83. Печ. л. 24,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 108.
Цена свободная.

Signed to print 20.09.23. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24.83. Conventional printed sheets 24.0. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 108.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56